С. РЫТЧЕНКОВЪ

259 ДНЕЙ ЛЕМНОССКАГО СИДѢНІЯ

С. Рытченковъ

259 ДНЕЙ ЛЕМНОССКАГО СИДѢНIЯ

ПАРИЖЪ

1933

ОТЪ АВТОРА.

Это было давно...

Только мои дневники, которые я велъ въ продолженіи долгихъ мѣсяцевъ, дали мнѣ возможность, по прибытіи съ Лемноса въ Болгарію, въ обстановку болѣе спокойную, — создать этотъ трудъ.

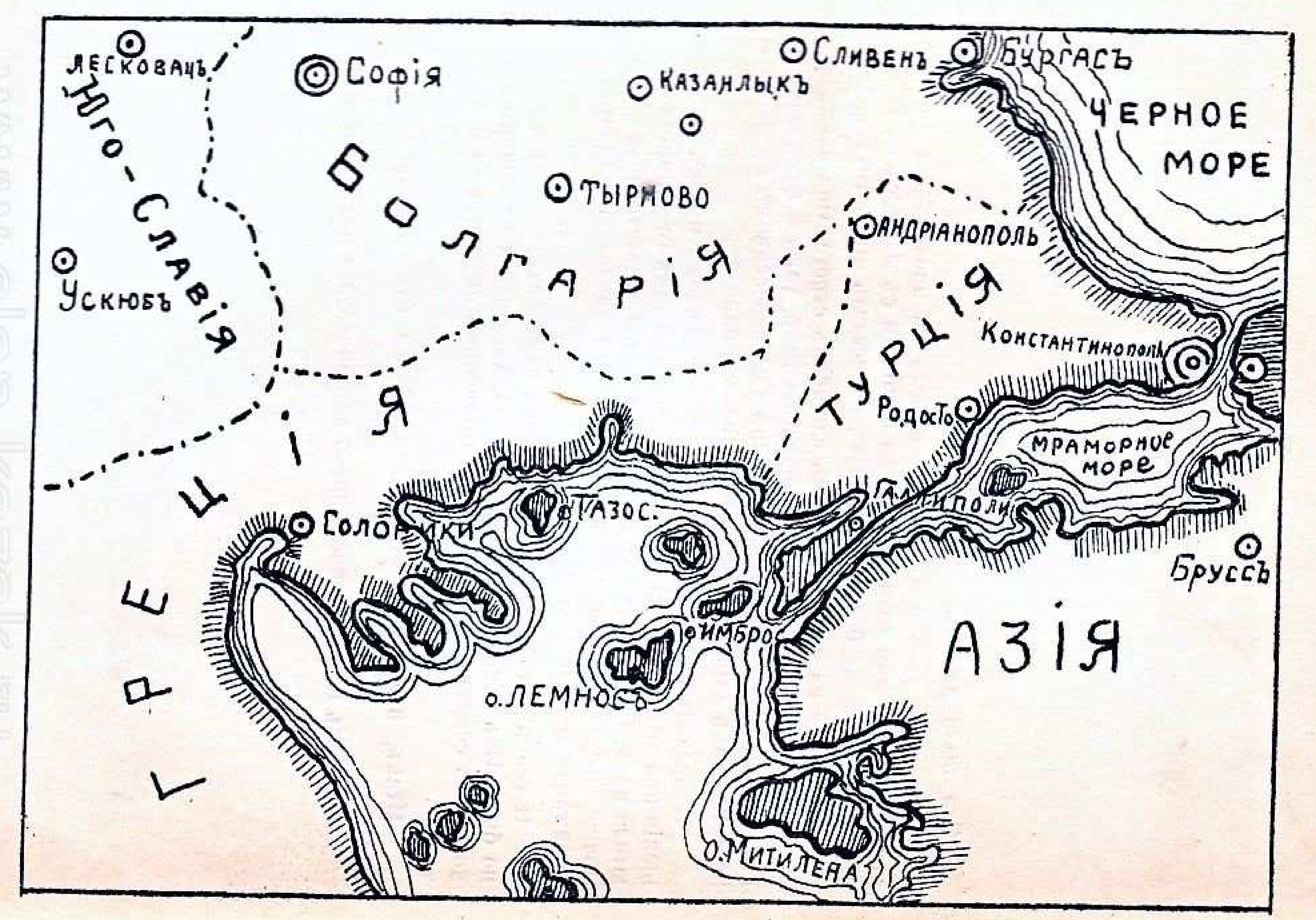
Эту книгу не слѣдуетъ судить слишкомъ строго. Она сложилась въ тяжкіе дни страданій, какъ нравственныхъ, такъ и физическихъ, въ дни пребыванія на Лемносѣ, нынѣ уже занесенномъ въ русскую исторію, какъ страница трагедіи русскаго народа.

Я предвижу упреки въ томъ, что я слишкомъ рѣзокъ въ отношеніи правительства той націи, которая нынѣ такъ гостепріимно пріютила насъ. Но вѣдь не всегда нація является отвѣтственной за свое правительство, а внѣшняя политика націй зачастую мѣняется съ перемѣной правительства.

И все то, что отразилось въ моихъ запискахъ, — дѣйствительно было. Изъ пѣсни слова не выкинешь, хотя оно и не нравится нѣкоторымъ современникамъ, предпочитающимъ льстивыя фразы фактамъ.

Итакъ, пусть неприкрашенная правда будетъ сохранена для исторіи.

Въ этомъ цѣнность настоящаго историческаго повѣствованія.

Лесковацъ
Софія
Сливенъ
Бургасъ
Казанлыкъ
Черное море
Юго-Славія
Болгарія
Тырново
Андріанополь
Ускюбъ
Турція
Константинополь
Греція
Родосто
Мраморное море
Солоники
Тазос.
Бруссъ
Имбро
Азія
о. Лемносъ
о. Митилена

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Помните ли вы, что когда-то, въ счастливые школьные годы, на урокахъ географіи, при изученіи острововъ азіатскаго материка, намъ приходилось въ числѣ другихъ запоминать и островъ Лемносъ?

Что представлялъ собою этотъ островъ? Имѣлъ ли онъ какое-либо значеніе, кромѣ мифологическаго? Этого мы не знали, и онъ такъ же быстро исчезалъ изъ нашей памяти, какъ и другія географическія названія.

Но время неукоснительно шло впередъ, смѣняя одно другимъ, міровыя событія и карта Европы перекраивались до неузнаваемости.

Настало время Великой Войны съ Германіей, и забытый нами о. Лемносъ воскресъ въ нашей памяти.

Его названіе стало все чаще и чаще появляться въ газетахъ: имъ стали интересоваться. О. Лемносъ оказался базой англо-французскаго флота, по причинѣ принятаго рѣшенія взять Галлиполійскій полуостровъ, овладѣть Дарданельскимъ проливомъ и съ юга захватить Константинополь.

Закончилась міровая война. Наступила великая, русская "безкровная" революція.

Ужасы гражданской войны, съ ея безсмысленными жертвами, широкой волной распространились по всей необъятной Русской землѣ. И островъ Лемносъ опять возсталъ въ памяти всего міра, интересуя каждаго совершающимися тамъ событіями.

О. Лемносъ сталъ мѣстомъ заточенія эвакуировавшихся изъ Крыма, послѣ непосильной борьбы съ красными, — частей войскъ Русской Арміи, — Донскихъ, Кубанскихъ и Терскихъ казаковъ.

На него же были отправлены и два военныхъ училища: Атаманское, вышедшее изъ Новочеркасска, имѣющее уже свыше 50 лѣтъ своего существованія, и сформированное во время гражданской войны — Кубанское имени генерала Алексѣева.

Я буду касаться только жизни Атаманскаго военнаго училища

на о. Лемносѣ, какъ школы - разсадника молодыхъ офицеровъ, наиболѣе дисциплинированной образцовой части среди Донского корпуса, раздѣлявшаго тяжелую участь съ юнкерами.

Что дѣлается въ училищѣ, что предпринимаютъ юнкера, не пали ли они духомъ?.. — спрашивали казаки.

На училище равнялись; его пульсъ жизни ясными толчками отражался во всемъ лагерѣ. И Атаманское военное училище знало, что на него равненіе. Знали и чувствовали это и союзныя власти. Знали, что распылить казаковъ не хватитъ ихъ силъ и изощреній, не поваливъ предварительно училища.

И всю силу изворотливости своего ума они обратили на Атаманское военное училище.

259 дней училище, порою совершенно изнемогая, боролось за свое бытіе. Уходили слабые духомъ. Меньше юнкеровъ оставалось въ училищѣ, но крѣпче спаивалась ихъ семья и тверже и упорнѣе выявлялось ихъ сопротивленіе.

Роль пребыванія Атаманскаго военнаго училища на о. Лемносѣ, теперь историческомъ, — безусловно огромна. И она будетъ велика не только для исторіи сѣдого Тихаго Дона, но и для исторіи Государства Россійскаго.

Насколько позволили силы, я постарался дать описаніе жизни юнкеровъ-атаманцевъ на о. Лемносѣ.

Что же представляетъ собою этотъ, мало извѣстный намъ въ этнографическомъ отношеніи, о. Лемносъ?

Это — одинъ изъ самыхъ большихъ острововъ Эгейскаго моря, находящійся на 40 гр. с. ш. и 43 гр. в. д. и занимающій 477 кв. километровъ, причислявшійся къ фракійской территоріи.

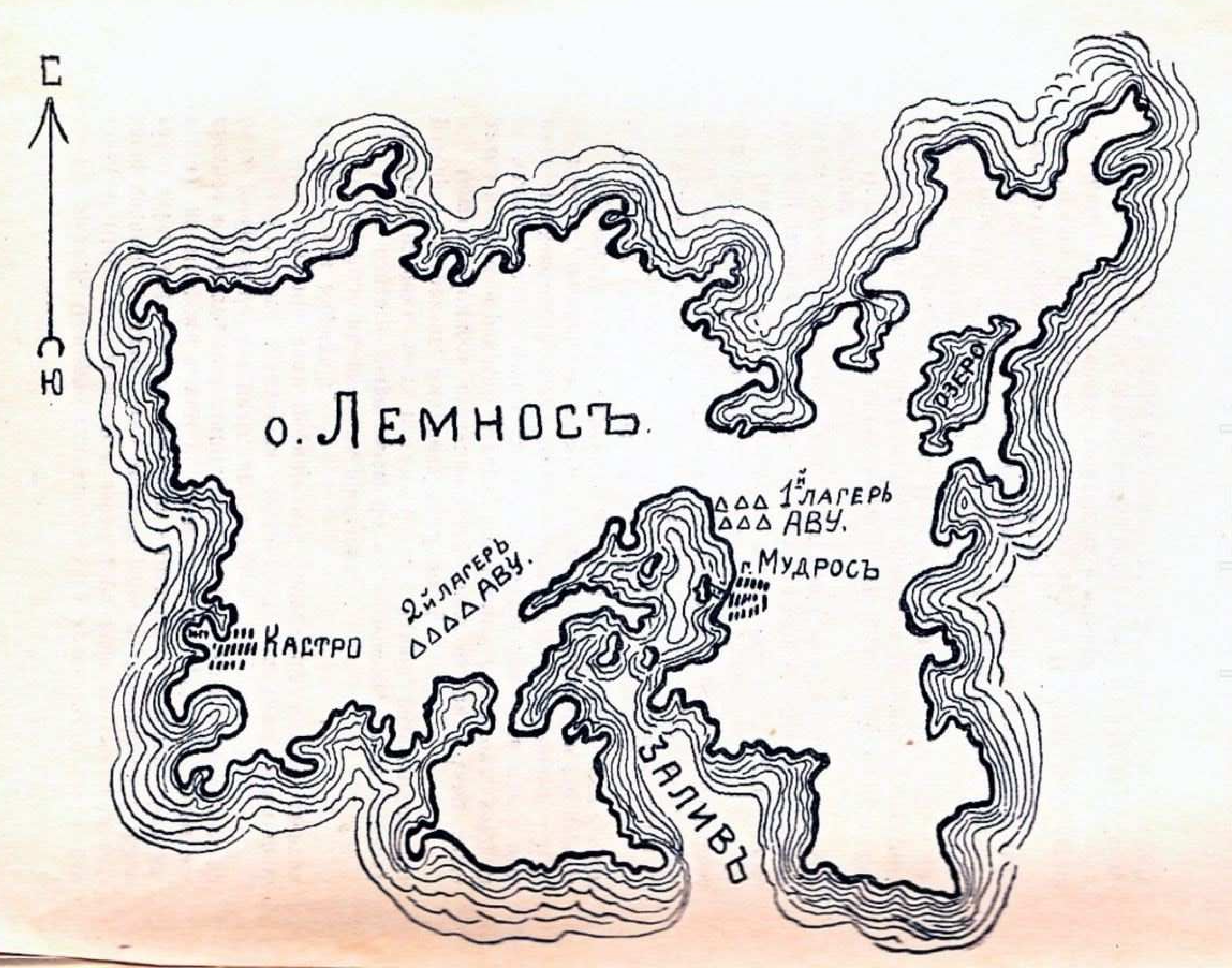
Островъ былъ посвященъ Гефесту (Вулкану), который упалъ сюда отъ могучаго взмаха руки громовержца.

Древнее имя острова было Aethalia что указывало на вулканическія особенности острова.

Теперь нѣтъ и слѣда ихъ, такъ какъ восточная часть острова отъ сильнаго изверженія вулкана Мозихло опустилась въ море.

Древнѣйшими жителями острова были фракійскіе синтіи — разбойничье племя. Въ историческую эпоху островъ подпадалъ подъ власть персовъ, но былъ освобожденъ Мильтіадомъ и долгое время былъ въ союзѣ съ афинянами. Позднѣе онъ достался македонцамъ, затѣмъ римлянамъ.

Островъ гористъ, но мѣстами имѣетъ плодородныя равнины. Изъ городовъ извѣстны были Кастро — на западѣ и Мудросъ

С
Ю
о. Лемносъ
Кастро
2й лагерь
АВУ.
1й лагерь
АВУ.
г. Мудросъ
Озеро
Заливъ

— на востокѣ. Особенно славилась здѣсь красноватая глина или terra sigillata добывавшаяся около гор. Гефесъ, которая служила краской и лѣкарствомъ противъ ранъ и укушенія змѣй. Ежегодно здѣсь было празднество (оно справляется и теперь 8-го августа), на которомъ жрицы въ торжественной процессіи брали извѣстное количество этой глины, дѣлили ее на части и, выдавивъ на нихъ изображеніе Артемиды, продавали.

Нынѣ островъ называется Lemno ; у турокъ Limio Stalimene.

Эти свѣдѣнія заимствованы изъ энциклопедическаго словаря "Брокгаузъ и Ефронъ".

Но это было въ далекомъ прошломъ.

Наше близкое соприкосновеніе съ островомъ, жизнь долгихъ мѣсяцевъ на немъ, даетъ немного болѣе свѣдѣній, полученныхъ изъ разспросовъ грековъ, живущихъ на Лемносѣ.

Островъ Лемносъ вулканическаго происхожденія. Тамъ находился когда-то огромный вулканъ, называемый Мозихломъ, который въ моментъ колоссальнаго изверженія провалился, и на мѣстѣ провала образовался большой заливъ, впослѣдствіи названный "Мудросскимъ", по имени небольшого города, возникшаго на его берегу.

Мудросскій заливъ имѣетъ въ длину около 12 верстъ или 8 миль и въ ширину около 5 верстъ или 3 мили.

Глубина залива — различная, но мѣстами настолько большая, что въ него свободно входятъ морскіе колоссы — современные дредноуты, что и послужило впослѣдствіи устройству тамъ морской базы для союзнаго флота во время Германской войны.

Огнедышащій вулканъ оставилъ послѣ себя печальную память. Осколки камней различныхъ величинъ, разбросанные по большей части острова, обратили когда-то цвѣтущій Лемносъ въ скалистую пустыню.

Остались невольными свидѣтелями страшнаго изверженія огромныя скалы застывшей лавы, пепла и обожженныя огнемъ громадныя горы. Самая высокая гора Св. Иліи, обнаженная и скалистая, заставляетъ невольно думать о прошломъ.

Что здѣсь когда-то была великолѣпная растительность, свидѣтельствуютъ окаменѣлые пни деревьевъ, часто попадающіеся и имѣющіе болѣе одного аршина въ діаметрѣ.

Сейчасъ растительности почти не видно. Изрѣдка попадаются отдѣльныя, чахлыя деревья каштановъ и инжира...

Небольшіе оазисы зелени можно пересчитать по пальцамъ; только въ районѣ гор. Кастро, въ долинѣ, защищенной во время извер-

женія горами, — теперь можно еще видѣть сады съ различными фруктовыми, лимонными и апельсиновыми деревьями.

Несмотря на каменистый грунтъ и небольшой пластъ земли, переворачиваемый вмѣстѣ съ камнями убогимъ плугомъ, почва настолько плодородна, благодаря присутствію лавы и пепла, что сборъ хлѣба всегда очень хорошъ, и колосъ въ среднемъ даетъ 35-45 зеренъ.

Сѣютъ преимущественно ячмень и пшеницу. Въ виду малонаселенности острова и получающагося излишка хлѣба, производится вывозъ хлѣба съ острова — пароходами.

Жители — преимущественно греки. Есть небольшіе поселки турокъ. Въ виду отсутствія проселочныхъ дорогъ и невозможности ихъ устроить изъ-за каменистаго грунта, — ѣзда производится на ишакахъ.

Колесный обозъ почти отсутствуетъ.

Жители занимаются, кромѣ земледѣлія, виноградарствомъ и винодѣліемъ, а также разводятъ овецъ, но весьма плохой породы.

Въ с.-в. части острова находится большое соленое озеро, "Большое Лемносское", длиною въ 2 мили и шириною въ 1½ мили, изъ котораго вывѣтриваютъ соль въ довольно большомъ количествѣ.

На островѣ имѣется около 30 съ небольшимъ грязныхъ деревушекъ съ азіатскимъ типомъ построекъ изъ подручнаго камня, крытыхъ грубо сдѣланной черепицей.

Въ восточной части Мудросскаго залива расположенъ грязный городокъ Мудросъ, имѣющій около 2 тысячъ жителей. Въ ю.-з. части острова — городъ Кастро, съ числомъ жителей, доходящимъ до 20-ти тысячъ.

Климатъ Лемноса умѣренный. Въ зимніе мѣсяцы — ноябрь и половина января — идутъ проливные дожди-ливни, часто съ грозами.

Морозовъ почти нѣтъ. Весною и лѣтомъ очень часто дуютъ вѣтры, достигающіе большой мощности и продолжительности (отъ 2 до 3 недѣль). Жители называютъ ихъ "Лемносскими сквозняками".

Ввиду устройства морской базы во время войны съ Германіей, союзники имѣли тамъ базу и для аэроплановъ, для чего устроили два аэродрома — англійскій и французскій. Союзниками же было проложено и шоссе, соединяющее города Кастро и Мудросъ.

Какъ память великой войны, тамъ осталось большое кладбище, великолѣпно устроенное и поддерживаемое. Кладбище всегда въ цвѣтахъ.

Множество могилъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ солдатъ; надъ каждой могилой поставленъ

кресть съ фамиліей покойнаго, съ указаніемъ части и даты смерти.

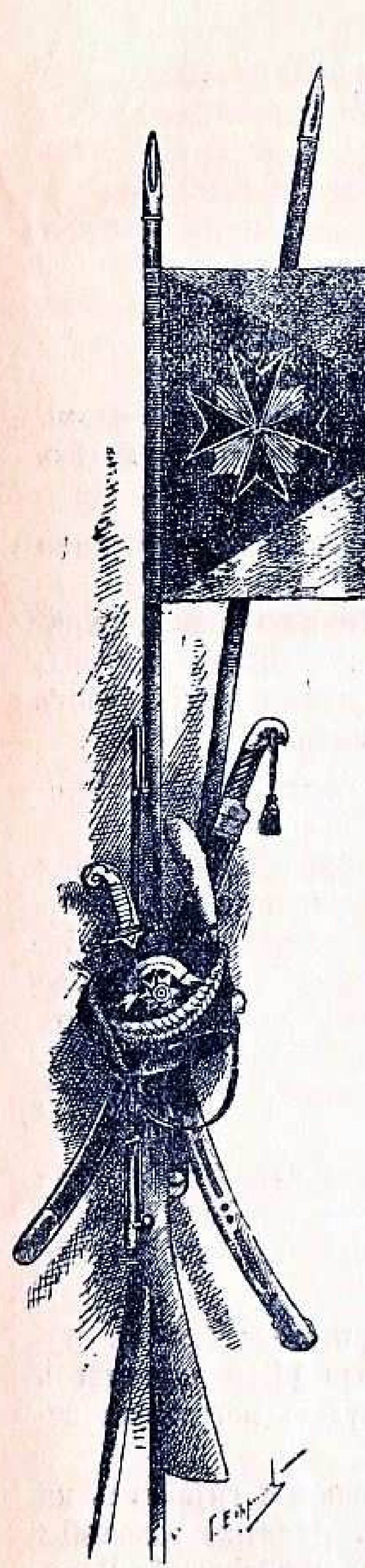
Два великолѣпныхъ общихъ памятника — французскій и англійскій — свидѣтельствуютъ объ ужасахъ Великой войны.

Въ сѣверной части острова указываютъ мѣсто древняго города Гефестіи, бывшаго болѣе 2.000 лѣтъ назадъ. На мѣстѣ города теперь идетъ запашка земли, но приходилось видѣть обломки большихъ мраморныхъ колоннъ, лежащихъ прямо на землѣ.

Производившіяся ранѣе раскопки дали богатый матеріалъ въ музеи иностранцевъ.

АВТОРЪ.

На Лемносѣ дикомъ...

Далеко отъ Отчизны... на Лемносѣ дикомъ...
Подъ сердитый напѣвъ бирюзовыхъ валовъ, —
Мы питались надеждой о счастьѣ великомъ
И любили Россію безъ словъ...

Мы сроднились съ напѣвами синяго моря
И съ суровостью горныхъ хребтовъ;
Мы извѣдали чашу щемящаго горя
И любили Отчизну безъ словъ.

Наши мысли неслись на привольѣ степныя,
Гдѣ струится въ излучинахъ Донъ, —
Гдѣ промчалися годы, какъ сны золотые.
Гдѣ соборный гудѣлъ перезвонъ.

Далеко отъ Отчизны, на Лемносѣ дикомъ,
Къ намъ ночами слеталъ упоительный сонъ,
Позлащенный мечтами о счастьѣ великомъ
Возвращенья въ Россію, на Донъ!..

Лемносъ. портр.-юнкеръ НЕЧАЕВЪ.

1920 годъ.

Наступали послѣдніе дни жизни города Севастополя.

Около Сивашей шли ожесточенные бои съ огромными силами наступавшихъ красныхъ, ставившихъ себѣ конечною цѣлью овладѣть Крымомъ и разъ навсегда покончить съ "бѣлыми бандами".

Все тревожнѣе шли вѣсти съ фронта и уменьшалась изнуренная въ непосильной борьбѣ Русская Армія.

Училище было на фронтѣ, занимая позиціи по Сивашу, охраняя проходы отъ внезапнаго налета красныхъ на Крымъ. Уже видно было, что Севастополь будетъ сданъ и что Русская Армія будетъ посажена на суда и эвакуирована въ Константинополь.

Стояли наготовѣ пароходы, нагруженные углемъ, водой и продуктами. Лихорадочно жилъ эти послѣдніе дни Севастополь.

29-го октября выяснилось, что часть училища, находившаяся въ казармахъ Брестскаго пѣхотнаго полка и состоящая изъ больныхъ, слабосильныхъ юнкеровъ, хозяйственной части, канцеляріи, преподавателей и нѣкоторыхъ офицеровъ, общимъ числомъ около 76 человѣкъ, будетъ погружена завтра на одинъ изъ пароходовъ. Было названо много судовъ, какъ-то: "Инкерманъ", "Александръ Михайловичъ", броненосецъ "Георгій Побѣдоносецъ", "Лазаревъ", дредноутъ "Генералъ Алексѣвъ" и другіе.

Преподаватели тактики въ училищѣ, генеральнаго штаба полковники Чайковъ и Фагэ, поочередно дежурили въ штабѣ главнокомандующаго, стараясь выяснить вопросъ, на какія же суда будетъ погружено училище.

30-го октября было отдано приказаніе приготовиться къ погрузкѣ, назначенной на 4 часа дня. Часовъ около 11-ти получилось увѣдомленіе, что оставшаяся группа училища будетъ погружена сегодня на дредноутъ "Генералъ Алексѣевъ".

Быстро выносились вещи юнкеровъ и офицеровъ и грузились на подводы цейхгаузы, продукты и прочая кладь. Десятки голытьбы окраинъ Севастополя, радостныхъ и ожидающихъ приближенія "сво-

ихъ", пользовались начавшейся эвакуаціей: на глазахъ грабили бросаемое имущество въ казармахъ и офицерскихъ квартирахъ и тянули, зачастую съ дракой, — столы, скамьи, кровати, дрова...

Это была тяжелая картина начинавшагося развала и дикости пробуждавшихся низменныхъ инстинктовъ.

Въ четыре часа дня группа училища уже была на наплавномъ мосту Южной бухты, и катеръ началъ перевозить ее на дредноутъ "Генералъ Алексѣевъ", стоявшій на якоряхъ въ Южной бухтѣ.

Въ городѣ было тихо и спокойно. Казалось, ничего не предвѣщало оставленія города краснымъ.

Безконечныя вереницы людей, нагруженныхъ ящиками съ англійскими консервами, раздаваемыми въ складѣ Американскаго Краснаго Креста, шли по наплавному мосту Южной бухты.

Часовъ въ 7 вечера этотъ складъ загорѣлся. Бушевавшее пламя быстро пожирало оставшіеся огромные запасы, и колоссальное зарево освѣщало почти весь Севастополь.

Невольно вспоминался Новороссійскъ...

Наконецъ юнкера были перевезены катеромъ на молчаливо-угрюмо стоявшій "Генералъ Алексѣевъ".

Каждаго входящаго по освѣщенному трапу на палубу дредноута опрашивалъ вахтенный офицеръ и только послѣ тщательной провѣрки и свидѣтельства другихъ лицъ — пропускалъ на корабль.

Юнкерамъ и офицерамъ училища было предоставлено право размѣщаться въ опредѣленномъ небольшомъ районѣ палубы корабля, но въ виду творившагося хаоса и безпорядка, мѣста не хватало, и училище разбрелось, ища главнымъ образомъ пріюта внизу, въ закрытыхъ помѣщеніяхъ; къ тому же началъ дуть холодный вѣтеръ, съ моря.

Въ коридорахъ, около уборныхъ, въ боевыхъ рубкахъ подъ 6-ти и 12-дюймовыми орудіями виднѣлись фигуры атаманцевъ.

На слѣдующій день прибывшій съ берега офицеръ сообщилъ, что строевая часть училища въ полномъ составѣ прибыла съ фронта и будетъ погружена на пароходъ "Лазаревъ". Хозяйственная часть училища и юнкера, которые уже были на "Генералѣ Алексѣевѣ", остаются на немъ.

"Генералъ Алексѣевъ" заканчивалъ погрузку угля. Палуба этого красавца представляла что-то невозможное.

Стояли коровы, бродили свиньи, въ огромныхъ клѣткахъ кричали гуси, куры, утки... Масса домашняго скарба, женщины, дѣти...

Это было достояніе Морского кадетскаго корпуса. Сваленный

прямо на палубу уголь, еще не ссыпанный въ угольныя ямы, разносился ногами, и грязь и безпорядокъ были повсюду.

Кромѣ училища, на корабль были погружены кадеты Морского кадетскаго корпуса, Днѣпровская флотилія и много офицеровъ съ семьями.

Наконецъ, пришло два буксира и, взявъ на буксиръ "Генерала Алексѣева", пыхтя и выпуская массу дыма изъ трубъ, съ огромнымъ трудомъ потянули корабль въ открытое море, гдѣ онъ и бросилъ якорь, въ 12 верстахъ отъ города.

Передъ выходомъ дредноута сошло на берегъ свыше 150 кочегаровъ, согласно приказа генерала Врангеля о томъ, что не желающіе эвакуироваться могутъ оставаться въ Крыму.

Наконецъ, погрузка была закончена, и 31-го октября, около 11 часовъ ночи, "Генералъ Алексѣевъ" тронулся въ путь, тяжелый и неизвѣстный.

Ночью, 1-го ноября, часовъ въ 12, мы узнали, что кочегаровъ не хватаетъ, и пары въ котлахъ начинаютъ катастрофически падать.

Пройдя еще верстъ 20, дредноутъ сталъ. Рѣшено было простоять на мѣстѣ безъ якорей, ибо глубина моря была настолько большая, что якорныя цѣпи не доставали дна.

Утромъ, 2-го ноября, старшій офицеръ корабля обратился къ Войсковому Старшинѣ Рытченкову, офицеру училища, и полковнику Фаго, случайно находившимся около него, съ просьбой помочь ему привлечь всѣхъ пассажировъ корабля къ работамъ въ кочегаркахъ, ибо, безъ рабочей силы корабль дальше итти не можетъ.

Быстро была организована перепись всѣхъ пасажировъ-мужчинъ. Комендантомъ былъ назначенъ полковникъ Полухинъ и его помощникомъ — Войсковой Старшина Рытченковъ. Переписанные были разбиты на взводы, отдѣленія, назначены взводные. Въ дальнѣйшемъ ихъ разбили на палубныя и машинныя вахты, — и работа началась.

Въ кочегарки пошли всѣ безъ исключенія: генералы, штабъ- и оберъ-офицеры, юнкера и казаки. Исключеніе было сдѣлано Морскому корпусу, несшему караулы, и духовенству.

Атаманское военное училище составляло два отдѣльныхъ взвода, и нарядъ на вахты велся адъютантомъ училища, войсковымъ старшиной Ажогинымъ. Не могущіе вести вахты въ кочегаркахъ за болѣзнью и слабостью были наряжаемы на дневальство къ вещамъ.

Каждые 3-4 котла составляли отдѣленіе, дѣлящееся въ свою очередь на два номера.

Открывалась стальная дверь, около которой стоялъ часовой-кадетъ, и очередная вахта по желѣзнымъ трапамъ спускалась внизъ. На глубинѣ болѣе 4-хъ саженъ ниже уровня моря виднѣлись фигурки людей, возившихся около котловъ и печей, подъ наблюденіемъ и руководствомъ старыхъ кочегаровъ.

Работа была новая, неизвѣстная, тяжелая, отвѣтственная.

Но сознаніе, что отъ твоихъ усилій зависитъ цѣлость корабля, увеличивало ослабѣвавшія силы. Быстро пачкались угольной пылью лица и тѣла.

Черезъ часъ работы трудно было узнать, — кто стоитъ передъ тобой. И только офицерскія и юнкерскія фуражки, приблизительно, опредѣляли категорію лицъ.

Раздавались въ минуты отдыха лихія и заунывныя донскія пѣсни, и какъ-то странно было видѣть атаманцевъ-юнкеровъ здѣсь, въ кочегаркахъ огромнаго колосса — дредноута "Генералъ Алексѣевъ". Невольно пришлось здѣсь, въ кочегаркахъ, сравнить теперешнюю Россію и дредноутъ "Генералъ Алексѣевъ": сильно вооруженный, онъ былъ самый слабый изъ всѣхъ въ мірѣ военныхъ судовъ. У него были испорчены электрическіе провода, которыми управлялись 30 орудій (12 двѣнадцатидюймовыхъ и 18 — шестидюймовыхъ; кромѣ того, было 2 орудія зенитныхъ).

Не было снарядовъ, не было артиллеристовъ...

Колоссальной мощности машины, — но "Генералъ Алексѣевъ" былъ слабъ, какъ и Россія. Мало было угля и отсутствовали кочегары. Топилось всего 10 котловъ изъ 20.

Была сильная армія — экипажъ, доходившій раньше до 1.300 человѣкъ, — сейчасъ сборная команда, распущенная, недисциплинированная, ничего не знающая. И число ея едва достигало 200 человѣкъ.

Бывшую красоту Россіи, ея честь, чистоту, никѣмъ не запятнанную, теперь замѣняла грязь, пакость, пометъ, помои — всюду и вездѣ...

И спасали эту честь Россіи, сберегали ее все тѣ же...

Офицеры, кадеты, юнкера и казаки. Вѣдь экипажа не хватало, и всѣ военные пасажиры были привлечены къ тяжелой, отвѣтственной и сложной работѣ — работѣ въ кочегаркахъ и различныхъ мастерскихъ....

И честь Россіи была спасена.

3-го ноября въ 3 часа дня подошли къ Босфору и стали на якорь. Въ виду неимѣнія угля, котлы стали отапливаться нефтью —

форсунками. Съ этой работой офицеры и юнкера училища познакомились и великолѣпно исполнили ее.

Въ ночь съ 29 на 30 октября ст. ст. училище получило приказъ передать свои позиціи по Сивашу другимъ частямъ войскъ и самому въ спѣшномъ порядкѣ двигаться въ Джанкой для слѣдованія въ Севастополь.

Дабы ускорить прибытіе училища, командиръ 1-го армейскаго корпуса генералъ Кутеповъ выслалъ до 70 подводъ, на которыя и были посажены юнкера.

Три конныхъ взвода 1-ой сотни и 1 конный взводъ 2-ой сотни на рысяхъ были двинуты къ мѣсту назначенія.

Въ Джанкоѣ, въ виду отхода обозовъ и пребыванія тамъ большого числа плѣнныхъ красноармейцевъ, возникли было безпорядки, но прибытіе юнкеровъ-атаманцевъ сразу отрезвило дѣятелей тыла.

Въ этотъ же день, согласно приказа генерала Врангеля, училище было погружено въ пассажирскій поѣздъ, изъ котораго предварительно были высажены всѣ пассажиры, и экстренно отправлено въ Севастополь.

Несмотря на препятствія, оказанныя движенію эшелона желѣзнодорожниками, училище прибыло на станцію Сарабузы. Тамъ снова были получены тревожныя свѣдѣнія.

Въ Симферополѣ, скрывавшіеся большевики, пользуясь отступленіемъ Русской Арміи и приближеніемъ "своихъ", съ помощью черни города выпустили арестантовъ изъ тюрьмы; начался погромъ магазиновъ и избіеніе офицеровъ.

Училище было двинуто далѣе на югъ. Но слухи о прибытіи доблестныхъ донцовъ-юнкеровъ дошли до Симферополя гораздо ранѣе прибытія училища.

Испуганная, трусливая чернь и ея сподвижники бросились въ горы, избѣгая суроваго возмездія отъ юнкеровъ. Прибытіе училища на ст. Симферополь дало придушенному ужасомъ городу возможность вздохнуть полной грудью...

Но радость жителей, что прибыли спасители-юнкера, быстро нарушилась...

Училище, не разгружаясь, послѣдовало въ Севастополь, куда и прибыло въ 5 часовъ утра, 31 октября.

Сноровисто выгружались изъ вагоновъ юнкера, и скоро ихъ стройныя колонны съ пѣснями двигались по улицамъ города къ гостиницѣ Киста, гдѣ былъ расположенъ штабъ обороны города Се-

вастополя и помѣщались Главнокомандующій Русской Арміи генералъ Врангель и Донской Атаманъ генералъ Богаевскій.

Къ выстроенному на площади училищу вышелъ генералъ Врангель, затѣмъ Донской Атаманъ, которые, сказавъ нѣсколько бодрящихъ словъ, объяснили создавшуюся обстановку и начавшуюся эвакуацію и благодарили юнкеровъ за ихъ службу.

Училище цѣликомъ было наряжено на охрану города Севастополя, дабы поддержать порядокъ въ послѣдніе жуткіе часы.

И съ честью, какъ всегда, училище выполнило возложенную на него новую задачу.

По всему городу разсыпались патрули, стояли заставы и шли конные разъѣзды.

1-го ноября въ 11 часовъ дня было получено новое приказаніе — снять охраненіе города и начать погрузку на пароходъ "Лазаревъ", стоявшій у пристани Р. О. П. и Т.

Погрузка была закончена въ 2 часа 30 минутъ дня. Кромѣ училища, на пароходъ "Лазаревъ" былъ погруженъ офицерскій эскадронъ Офицерской кавалерійской школы и полусотня кубанскаго конвоя. Все было приготовлено къ отплытію.

Въ это время на верхнихъ ступеняхъ Графской пристани показались фигуры генерала Врангеля и атамана Богаевскаго, тихо спускавшихся къ ожидавшему ихъ катеру съ крейсера "Генералъ Корниловъ".

Видно было, какъ эти испытанные русскіе вожди взошли на катеръ и, перекрестившись, поклонились въ направленіи на памятникъ адмирала Нахимова.

Тихо проходилъ катеръ мимо парохода "Лазаревъ".

Молчаливо и неподвижно стояли юнкера на палубѣ парохода.

Твердымъ, спокойнымъ голосомъ благодарилъ Главнокомандующій юнкеровъ за образцовую, тяжелую службу по поддержанію ими порядка въ городѣ и пожелалъ имъ счастливаго плаванія.

Катеръ направился къ крейсеру "Генералъ Корниловъ".

Пароходу "Лазаревъ" была подана команда приготовиться къ отплытію.

Ясно съ кормы парохода послышалось: "За бортомъ — чисто". "Руби и отваливай!" — раздалась команда съ капитанскаго мостика. Глухіе удары топора, какъ звуки забиваемой крышки гроба, повисли въ воздухѣ: то рубили концы, скрѣплявшіе пароходъ съ пристанью. "Лазаревъ" вздрогнулъ и незамѣтно началъ отходить отъ пристани.

Стало жутко...

И вдругъ стройное пѣніе сотенъ голосовъ: начали пѣть молитву — "Спаси, Господи, люди Твоя".

То пѣли юнкера-атаманцы.

Была незабываемая, трогательная минута — было прощаніе съ послѣднимъ клочкомъ Русской земли...

А тамъ, на берегу, въ оставшемся городѣ, — виднѣлись фигуры плачущихъ русскихъ людей...

Коротко затрещалъ электрическій звонокъ въ машинномъ отдѣленіи, закружился пароходный винтъ, и въ 2 часа 44 минуты "Лазаревъ" пошелъ въ море.

3-го ноября, въ 2 часа 40 минутъ дня, "Лазаревъ" прибылъ на рейдъ "Мода", гдѣ и бросилъ якорь.

Скоро начали прибывать и другія суда съ русскими войсками, и рейдъ "Мода" покрылся невиданнымъ доселѣ количествомъ судовъ подъ французскими флагами.

Всѣ пароходы были болѣе чѣмъ перегружены людьми, покинувшими свою родину.

И среди массы судовъ гордо возвышался русскій красавецъ-дредноутъ "Генералъ Алексѣевъ".

4-го ноября, въ 4 часа дня было получено отъ французскихъ властей приказаніе — немедленно сдать все имѣющееся оружіе особо назначеннымъ для этого французскимъ офицерамъ *).

Съ тяжелымъ чувствомъ были сданы винтовки, пулеметы, патроны...

Училище сразу осиротѣло...

11-го ноября юнкера-атаманцы начали соединяться въ одно цѣлое. Въ этотъ день юнкера и офицеры училища съ дредноута "Генералъ Алексѣевъ" перешли на подошедшій къ борту дредноута пароходъ "Лазаревъ", гдѣ находилась строевая часть училища, и въ этотъ же день пересѣли на "Лазарева" съ "Элпидифора" юнкера и офицеры артиллерійскаго отдѣла училища, прибывшіе изъ Евпаторіи, гдѣ они обучались практическому артиллерійскому дѣлу въ Сакахъ.

Къ вечеру 11-го ноября "Лазаревъ" тихо подошелъ къ пристани Золотого Рога, чтобы начать выгрузку. Училище должно было слѣ-

---

*) Французскій офицеръ, привезшій это приказаніе, утверждалъ, что оно санкціонировано ген. Врангелемъ, и оружіе забирается временно, по соображеніямъ чисто дипломатическаго характера. По выясненіи обстановки оружіе будетъ возвращено.

довать далѣе по ж. д. въ Чаталджу, гдѣ предполагалось размѣстить Донской корпусъ. Но тутъ училище постигла неудача.

Какъ оказалось, свезенные на берегъ заболѣвшіе изъ состава судовой команды были признаны подозрительными по чумѣ, и "Лазаревъ" былъ немедленно отведенъ отъ пристани. На него былъ наложенъ карантинъ, и спустя часъ, послѣ нѣкоторыхъ формальностей, "Лазаревъ" былъ отправленъ въ море, къ малоазіатскому берегу, гдѣ и бросилъ якорь около мѣстечка Тузла. По странной случайности, недалеко отъ "Лазарева" стоялъ на якорѣ красавецъ "Гебенъ" подъ турецкимъ флагомъ съ испорченными машинами и взорванными орудіями. Какъ говорили, "Гебенъ" служилъ теперь пловучей тюрьмой.

Около мѣстечка Тузла училищу пришлось простоять, не выгружаясь, около двухъ сутокъ. И только недостатокъ воды и продуктовъ заставилъ карантинное начальство гор. Константинополя дать разрѣшеніе отправиться опять въ Босфоръ, въ карантинъ, въ санитарную станцію "Кавака", находившуюся въ проливѣ Босфора, недалеко отъ выхода въ Черное море.

15-го ноября на шлюпкахъ училище было перевезено на берегъ и немедленно по выгрузкѣ подверглось санитарному осмотру турецкихъ врачей.

Осматривали глаза, пробовали пахъ и затѣмъ, отбирая всю одежду для паровой дезинфекціи, отправляли всѣхъ въ баню, гдѣ слегка обливали душемъ съ растворомъ формалина.

Сейчасъ же послѣ бани была сдѣлана первая чумная прививка. Пароходъ "Лазаревъ" въ это время подвергся окуриванію сѣрой, съ цѣлью избавиться отъ крысъ — распространителей чумы.

На слѣдующій день училище было обратно перевезено на пароходъ, на которомъ, спустя нѣсколько дней, была снова привита всему училищу чумная сыворотка.

Въ большой тѣснотѣ, полуголодные, заѣдаемые вшами, чины училища сидѣли на пароходѣ и за недостаткомъ хлѣба "развлекались" печеніемъ пышекъ изъ муки на кухонной плитѣ парохода и на паровыхъ трубахъ. Какія это были пышки — про это не приходится говорить, но голодъ притуплялъ вкусъ.

Хотѣлось жизни, хотѣлось развеселить умолкнувшихъ отъ пережитыхъ волненій, и въ трюмѣ парохода, гдѣ размѣщалась часть юнкеровъ, возникло "Кабарэ".

Артисты — юнкера и офицеры училища.

При слабо мелькавшей электрической лампочкѣ, въ страшной

духотѣ, у разбитаго старенькаго піанино, случайно попавшаго въ грюмъ парохода, была "эстрада".

Отлично исполняли полные тихой любви и грусти цыганскіе романсы, печальныя пѣсенки Вертинскаго, декламаціи, малороссійскіе разсказы и анекдоты, и все это привлекало массу слушателей — юнкровъ, и судовую администрацію.

Съ палубы, въ открытые люки трюма виднѣлись головы тѣхъ, кто не могъ протиснуться въ трюмъ.

Было хорошо и это небольшое развлеченіе, вносило новую, бодрящую струю въ жизнь заключенныхъ на пароходѣ "чумныхъ" юнкеровъ.

Наконецъ, 25-го ноября училищный карантинъ закончился, и въ 7½ часовъ утра "Лазаревъ" пошелъ по Босфору, взявъ направленіе на Константинополь.

Опять тѣ же чудныя мѣста береговъ Босфора, чудные, стройные кипарисы, ажурные мраморные дворцы, развалины старинныхъ генуэзскихъ крѣпостей...

Около 10 часовъ утра "Лазаревъ" бросилъ якорь на томъ же рейдѣ "Мода" и сталъ недалеко отъ дредноута "Генералъ Алексѣевъ".

Русскихъ судовъ попрежнему было много, но всѣ были уже пусты. Донской корпусъ былъ отвезенъ въ Чаталджу, Кубанскій — на о. Лемносъ. Остались только "чумные" атаманцы.

Вначалѣ предполагалось, что училище тоже будетъ отправлено въ Чаталджу, но вскорѣ это было отмѣнено предусмотрительными "союзниками", и вмѣсто Чаталджи Атаманское училище получило новое назначеніе — островъ Лемносъ.

Эта вѣсть страшно подѣйствовала на училище, тѣмъ болѣе, что слухи о Лемносѣ были самые скорбные.

26-го ноября училище было перегружено на транспортъ "Донъ", куда послѣдовали и единственныя четыре лошади училища, взятыя изъ Севастополя изъ 76 брошенныхъ строевыхъ лошадей училища, за невозможностью ихъ эвакуировать.

Результатомъ полученной вѣсти — отправки на Лемносъ — было то, что малодушные изъ преподавательскаго состава училища, усиленные подпавшими подъ полученный приказъ, что всѣ старше 43-лѣтняго возраста "категористы" могутъ зачислиться въ бѣженцы, бросили училище, не желая раздѣлить его участь.

На транспортѣ "Донъ", кромѣ юнкеровъ училища, находилась часть донскихъ казаковъ, а также и Терско-Астраханскій полкъ. Всего было болѣе 3½ тысячъ.

29-го ноября, въ 12 часовъ ночи, транспортъ "Донъ" поднялъ якорь и послѣ условленныхъ пяти протяжныхъ гудковъ, разнесшихся по рейду, описавъ большую дугу, медленно вышелъ въ море, направляясь на островъ Лемносъ.

Въ послѣднiй разъ замелькали огни Константинополя, маяковъ, и "Донъ" вышелъ въ открытое море...

Прошли воды Мраморнаго моря, прошли Дарданеллы, Эгейское море, и 1-го декабря, въ 10 часовъ утра, "Донъ" бросилъ якорь въ огромномъ заливѣ острова Лемноса.

2.

Путешествiе наше было закончено, и жизнь въ изгнанiи началась...

Всѣ подошли къ бортамъ транспорта и съ какимъ-то страхомъ и жутью смотрѣли на землю, гдѣ надлежало провести не одинъ десятокъ дней и мѣсяцевъ.

Скалистый, угрюмый островъ... Нѣтъ деревьевъ, зелени. И только высокiй шпиль такой же скалистой горы св. Ильи какъ-то грустно, одиноко тянулся къ небу.

Вдали виднѣлись бѣлыя линiи конусообразныхъ палатокъ — "Марабу", въ которыхъ уже были размѣщены ранѣе прибывшiя части кубанцевъ.

Училище стало выгружаться на баржи и маленькiй колесный пароходикъ. Небольшой остатокъ винтовокъ и всѣ шашки и револьверы, всѣ кинжалы были сданы по требованiю прибывшихъ на бортъ французовъ. Разрѣшено было сохранить оружiе только г. г. офицерамъ.

Жаль было смотрѣть, какъ не хотѣлось терскимъ казакамъ отдавать свое родное оружiе, съ которымъ каждый изъ нихъ провелъ не одинъ годъ вмѣстѣ, которое не разъ спасало его отъ грозившей ему смерти. Молча, угрюмо бросалъ терецъ свое оружiе въ общую груду. Другiе ломали клинки, или бросали въ море.

Въ 3 часа дня первый эшелонъ юнкеровъ вступилъ на островъ Лемносъ. Училище въ общемъ пробыло на водѣ цѣлый мѣсяцъ.

Донской лагерь былъ расположенъ въ верстахъ 1½ отъ пристани, около которой былъ расположенъ лагерь кубанцевъ. Часть юнкеровъ и казаковъ была сейчасъ же отправлена въ Корпусное кубанское инженерное управленiе получать палатки, а остальные, взва-

ливъ себѣ на плечи свои скромные пожитки, длинной вереницей потянулись въ указанный районъ для лагеря.

Быстро начали разбивать принесенныя палатки, быстро наступила и первая ночь пребыванія юнкеровъ на Лемносѣ.

Началась новая жизнь училища.

Первые дни пошли на устройство лагеря, разбивки линеекъ, окапывались палатки, устраивались кухни и т. п.

Въ составъ Донского лагеря входили слѣдующія части: 1-ый Донской пластунскій полкъ, 2-ой Сводно-Казачій, Атаманское военное училище, 1-ый Донской запасный полевой госпиталь и Терско-Астраханскій полкъ.

Было сформировано Донское интендантство, и ежедневно къ штабу Донского лагеря высылались пріемщики за полученіемъ продовольствія отъ французскаго интендантства. Французами былъ объявленъ слѣдующій паекъ на одного человѣка: хлѣба — 500 гр., мясо консервированное — 200 гр., овощи (фасоль, чечевица и рисъ) — 60 гр., сахару — 20 гр., чаю 7 гр., соли — 20 гр., жировъ — 20 гр., бульону въ кубикахъ — 25 гр., дровъ — 690 гр., свѣчей — 50 гр. на палатку. При расчетѣ 1.000 гр. = 2,4 русскихъ фунта.

4-го декабря на о. Лемносъ прибылъ изъ Константинополя на французскомъ броненосцѣ Главнокомандующій Русской Арміей генералъ Врангель, который, послѣ осмотра кубанскихъ частей, прибылъ въ расположеніе училища въ 1 ч. 30 м. дня.

Училище построилось на площадкѣ передъ передней линейкой; тутъ же были расположены 2-ой Донской каз. полкъ, 1-ый Донской пластунскій и всѣ офицеры Донского лагеря.

Поздоровавшись съ донцами, генералъ Врангель приказалъ частямъ стать вокругъ него.

Его высокая фигура, въ черкескѣ, ярко выдѣлялась среди окружающихъ. Генераломъ Врангелемъ была сказана (насколько припоминаю) слѣдующая рѣчь:

«Орлы казаки! Въ первый разъ, сегодня я увидѣлъ васъ на чужой землѣ. Хочу благодарить васъ, — тѣхъ, которые особенно доблестно дрались въ Сѣверной Тавріи, при защитѣ Крыма.

Случилась бѣда... Вамъ временно пришлось оставить родную землю. На то воля Божья... Сила ломить солому...

Послѣ трехъ мѣсяцевъ борьбы, когда непрестанно боролись, не только за Россію, но и за весь міръ, мы очутились здѣсь.

Не наша вина, если намъ пришлось временно уйти до конца борьбы. Каждый изъ васъ можетъ смотрѣть смѣло въ глаза всѣмъ, ибо ушелъ, унеся незапятнаннымъ знамя Родины.

Богу извѣстно, сколько придется здѣсь быть, когда возвратиться и снова служить на пользу Родины. Большевизма въ Россіи не будетъ. Красная нечисть разсѣется... Когда это будетъ — неизвѣстно... Временно вы будете пребывать здѣсь, здѣсь, гдѣ сосредоточились храбрые, сохранившіе свое лицо, которые пріобрѣли уваженіе къ себѣ всѣхъ честныхъ людей.

Будьте честны и вы сохраните это уваженіе. Лично я могу сдѣлать мало. Я могу быть только ходатаемъ передъ тѣми, кто принимаетъ въ насъ участіе.

Появленіе здѣсь насъ было неожиданнымъ и все то, что было въ силахъ человѣческихъ — для васъ дѣлается.

Дайте мнѣ увѣренность въ томъ, что здѣсь вы будете, — одинъ за всѣхъ и всѣ за одного. Надѣюсь на васъ, казаки! Вы не посрамите нашей несчастной Родины».

Затѣмъ генералъ Врангель обратился съ нѣсколькими короткими фразами къ отдѣльно стоявшей группѣ офицеровъ, далъ отвѣты на заданные ему нѣкоторыми офицерами вопросы и затѣмъ осматривалъ лагерь училища, знакомился съ жизнью юнкеровъ, заглядывая въ нѣкоторыя палатки. Послѣ осмотра лагеря генералъ Врангель отбылъ изъ училища.

Условія жизни въ палаткахъ, которыя промокали даже отъ небольшого дождя и буквально были заливаемы колоссальными здѣшними ливнями, страшная скученность въ нихъ (такъ какъ въ нихъ помѣщалось до 12 человѣкъ), отсутствіе одѣялъ, даже соломы для подстилки, насѣкомыя, холодъ — все это вызывало страшно удрученное состояніе духа.

Полуголодный паекъ, издерганные нервы, надломили волю у малодушныхъ. Искали выходъ... Этимъ воспользовались находящіеся представители французской власти, въ лицѣ губернатора Лемноса — генерала Бруссо и его штаба и, получивъ соотвѣтствующія инструкціи отъ своего правительства, — повели энергичную пропаганду для распыленія арміи, открывъ запись во французскій легіонъ.

Никакія увѣщеванія, разъясненія тяжелой службы въ легіонахъ, угроза пятилѣтняго контракта, не могли подѣйствовать на молодежь.

Началась какая-то лихорадочная запись во Французскомъ Штабѣ, куда ходили скрытно, какъ бы боясь, что то, что дѣлаютъ они, не сдѣлалось бы извѣстнымъ раньше времени.

Это походило на воровство, воровство своей свободы. Записалось около 150 юнкеровъ. Начальникъ училища, видя, что всѣ мѣры удержанія отъ безумнаго шага — исчерпаны, приказалъ собрать всѣхъ юнкеровъ и сказалъ по этому поводу слѣдующее:

— Юнкера! Небывалое испытаніе ниспослано намъ; нашей несчастной Родинѣ, нашему Тихому Дону, нашей Арміи, каждому изъ насъ — отъ казака до генерала.

Тяжело, безумно тяжело, было нашей арміи осаживать назадъ подъ напоровъ во сто кратъ сильнѣйшаго противника.

Восемь мѣсяцевъ держалась наша маленькая Армія, на маленькомъ клочкѣ необъятнаго государства Россійскаго. И не только держалась, но шла впередъ и брала трофеи, подчасъ больше самой себя. Уже звуки выстрѣловъ и эхо нашихъ пѣсенъ доносились до станицъ и хуторовъ родного Дона.

Передовыя части Арміи уже поили своихъ лошадей на Донской землѣ. А тамъ... Старики осѣняли себя крестнымъ знаменемъ, на колокольняхъ стояли махальные: духовенство готовилось къ молебну; наши матери, жены и сестры заготовляли хлѣбъ-соль: сѣдой Донъ собирался встрѣчать вѣрныхъ сыновей своихъ и внуковъ.

Но не то сулилъ намъ Богъ.

Сперва октябрьскіе бои въ Сѣверной Тавріи ,потомъ подъ Каховкой. Потомъ все ниже — ниже: Мелитополь, Геническъ, Сальково, Сивашъ, Чонгаръ, Чаплынка, Перекопъ... Все знакомыя училищу мѣста; и мы когда-то бывали тамъ.

Наконецъ — Крымъ, и судьба повернула насъ не лицомъ къ Дону, а тыломъ.

Вы помните первое ноября: это были послѣдніе часы нашего пребыванія на Русской землѣ. Вы помните душевное волненіе Главнокомандующаго, вы видѣли сердечную боль нашего Атамана, когда тотъ и другой благодарили васъ за честную службу до конца Родинѣ и Дону.

Севастополь своимъ порядкомъ и спокойствіемъ обязанъ исключительно вамъ, Атаманцы: вы тамъ несли службу по охранѣ города и его окрестностей, и давъ погрузиться Арміи, вы послѣдними вступили на бортъ, отходившаго корабля. Это было въ 14 час. 44 минуты 1-го ноября, когда нашъ транспортъ «Лазаревъ» отвалилъ отъ пристани вслѣдъ за катеромъ Главнокомандующаго и Атамана.

Тягчайшая, но историческая минута.

У однихъ изъ насъ стояли слезы на глазахъ; другіе съ печальнымъ вздохомъ, грустно смотрѣли на удалявшійся отъ насъ берегъ, а у каждаго на душѣ лежалъ тяжелый камень; многіе плакали...

Весь корабль пѣлъ «Спаси, Господи». Такія минуты не забываются.

Цѣлый мѣсяцъ плаванія по морю, чумный карантинъ, и 1-го декабря мы на о. Лемносѣ, на далекой, чуждой сторонѣ.

Не наше дѣло, безполезно, да и не время искать виновныхъ. И такъ безумно болитъ душа.

Но хочется спросить: всѣхъ ли нашихъ соратниковъ заграничные транспорты куда-то повезли. Говорятъ, что втихомолку идетъ запись добровольцевъ на службу къ чернокожимъ; что дѣлать намъ?

Отвѣтъ свой начну издалека.

Я не хочу скрыть отъ васъ, юнкера, того, чему вы сами бывали свидѣтелями, отъ чего ваши молодыя сердца сжимались больнѣе, чѣмъ отъ всей нашей неудачи. И эти-то случайныя живыя картины могли подорвать въ васъ вѣру въ наше будущее, вѣру въ правоту нашей борьбы, вѣру въ ваши идеалы.

Я говорю о тѣхъ, кто грабилъ, кралъ, жегъ, пьянствовалъ, мошенничалъ, я говорю о нарушителяхъ воинской и гражданской дисциплины, о мордобитіяхъ, объ отвратительныхъ сценахъ дракъ и площадной брани. Я говорю о тѣхъ, кто, спасая свою шкуру, въ увлеченіи бѣгствомъ, забывалъ о подчиненныхъ, службу, забывалъ свой долгъ, свою совѣсть. На этихъ роляхъ были лица разныхъ сословій, лѣтъ и положеній, чиновъ и званій. Были простые граждане, были чиновники, были господа въ офицерскихъ погонахъ.

На послѣднихъ я и остановлюсь.

Я даже не рискую назвать ихъ офицерами, ибо офицеръ, въ истинномъ значеніи слова, есть синонимъ порядочности, честности, мужества, самоотверженности. Офицеръ прежде всего патріотъ, любящій свою Родину и Армію, чисто, свѣтло и безкорыстно.

Согласитесь, что нельзя честному человѣку въ одно и то же время: любить свою Родину и грабить ее; говорить о дисциплинѣ и самому нарушать ее; служить въ Арміи и въ то же время разваливать ее; говорить о высокомъ званіи воина и бить его по физіономіи, оскорблять площадной бранью и ставить въ положеніе безсловеснаго скота. Такіе господа родины не спасутъ, такіе чины Арміи не создадутъ. И вамъ, юнкера, они не примѣръ и не живой образецъ: воздавайте имъ должное по закону, но по пятамъ ихъ не идите. Это разрушители отечества, но не спасители его.

Великое дѣло возрожденія отчизны можетъ быть по плечу лишь людямъ съ благородной душой, честнымъ сердцемъ и чистой совѣстью. Это — люди, способные на жертвы, на героизмъ; люди, ставящіе интересы Родины выше всякихъ своихъ личныхъ интересовъ и мелкихъ шкурныхъ выгодъ.

Юнкера! Сохраните же въ себѣ благородные задатки и порывы вашихъ горячихъ, неиспорченныхъ сердецъ. Не поддавайтесь заманчивымъ перспективамъ жизни и службы въ заморскихъ царствахъ.

Не подражайте тѣмъ спасителямъ Родины, которые въ тяжелыя минуты бросили насъ и со своими чемоданами и узелками шмыгнули на заграничные пароходы. Скатертью имъ дорога! Для нихъ Россія въ прошломъ, для нихъ Донъ — ничто; но у васъ все въ будущемъ, не время опускать руки. Не время думать о распыленіи, когда принимаются всѣ мѣры къ сохраненію Арміи.

Сейчасъ вы нужны здѣсь, а не тамъ.

Мнѣ извѣстно, что идетъ какая-то запись добровольцевъ, въ какіе то заморскіе, иностранные полки. Мнѣ извѣстно также, что среди записавшихся есть и юнкера вашего училища.

Вы, господа, навострившіе лыжи въ обѣтованныя земли, отдаете ли себѣ отчетъ въ вашемъ поступкѣ? Позвольте громко спросить васъ: почему вы дѣлаете это все втихомолку, шито-крыто, безъ вѣдома училища? Люди съ гражданскимъ мужествомъ, идущіе по вѣрной, честной дорогѣ, дѣлаютъ свое дѣло вседа открыто и увѣренно.

Во-вторыхъ, знаете ли вы, что совершая этотъ шагъ, вы идете наперекоръ резолюціи Главнокомандующаго, по которой запись въ добровольцы возможна только не военно-обязаннымъ? Или вы такъ быстро и прочно хлебнули заморской закваски, что для васъ, приказы Русскаго Главнокомандующаго уже аннулированы? Это съ одной, оффиціальной, стороны.

Съ другой: знаете ли вы тѣхъ, кому вы вручаете вашу честь и имя, и судьбу?

Знаете ли вы, куда и зачѣмъ васъ повезутъ? Представляете ли вы себѣ всю картину вашей будущей службы и жизни, на которую васъ кто-то и куда-то зоветъ?

Не посмѣется ли надъ вами судьба послѣ? Ручаетесь ли вы, что вамъ не прикажутъ когда-либо штыки повернуть въ нашу сторону? Почему, въ тяжелыя минуты Родины, вы спѣшите къ неграмъ, отказываясь отъ помощи здѣсь? Сумѣете ли вы выйти изъ вашего подневольнаго положенія?

Почему вы думаете, что для спасенія Родины вы болѣе нужны тамъ, чѣмъ здѣсь?

Не смѣшивайте себя со стадной толпой, не заражайтесь настроеніемъ заграничныхъ тягъ.

Съ нами нашъ Главнокомандующій, Донской Атаманъ, Кругъ, наша Армія, но съ вами нѣтъ вашихъ близкихъ и родныхъ. И мой святой долгъ сказать вамъ:

Не будьте легкомысленными авантюристами. Не дѣлайте опрометчивыхъ шаговъ, не роняйте вашего юнкерскаго облика, не забывайте вашихъ обязанностей передъ Родиной и Дономъ.

Ваши отцы ввѣрили васъ намъ, и мы понесемъ за васъ всю отвѣтственность.

Помните, что мы, ваше училищное начальство, не оставимъ васъ ни въ какія трудныя минуты и со своихъ постовъ не сойдемъ, какія бы груды золота и благополучія намъ не сулили. Ваша судьба дорога и намъ. Ваши интересы родственны намъ, ваши переживанія, общія и одинаковыя съ нашими.

Мы ваши начальники, но мы же и ваши ходатаи и руководители.

Возьму вопросъ еще шире.

Вы молодые люди съ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ, съ извѣстными правами. Но то и другое дала вамъ ваша Родина.

Кому много дано, съ того много и взыщется. И долгъ красенъ платежемъ.

И вотъ теперь настала моментъ вашего моральнаго платежа Родинѣ.

Кругомъ и около васъ ваши младшіе братья, простые казаки. Своимъ чуткимъ сердцемъ они ищутъ успокоенія въ своихъ старшихъ братьяхъ.

Своимъ зоркимъ окомъ они присматриваются къ тѣмъ, кто, по ихъ выраженію, именуется «ученымъ, умнымъ, развитымъ, знающимъ и свѣдующимъ». Говоря короче, они присматриваются къ вамъ, юнкера.

И вашъ священный долгъ, ваша первѣйшая обязанность дать вашимъ младшимъ братьямъ высокій примѣръ бодрости и стойкости духа, дисциплины и традиціонной казачьей сплоченности.

Вы, юнкера, всегда были и есть, и должны быть оплотомъ, старой гвардіей, правымъ флангомъ нашей Арміи. Не впустую и не зря величали васъ, гордостью, красой и надеждой батюшки Тихаго Дона, и въ недавнемъ прошломъ вы уже оказали историческую услугу Родинѣ: въ Крыму никто, какъ вы, Атаманцы, дали толчекъ къ возрожденію Арміи, и столь почетная роль и въ данный моментъ можетъ принадлежать только вамъ.

И въ худшихъ обстоятельствахъ бывали наши предки, но казачество всегда ширилось, а не умирало именно по причинѣ прирожденныхъ ему особенностей всегда съ честью выходить изъ самаго труднаго положенія, традиціонно прислушиваясь къ голосу старшаго брата и отца.

А развѣ сейчасъ казачество не оказалось самой сплоченной массой? Развѣ сейчасъ на Чаталджѣ наши отцы и братья — распыляются? Развѣ хоть кто-нибудь способенъ оставить свое полковое знамя и Донского орла промѣнять на африканскаго страуса?

Пусть отвѣтятъ на это тѣ, кто хочетъ свое казачье, юнкерское сердце подарить чернокожему зуаву.

Согласно личному разъясненію генерала Врангеля, вся армейская организація охраняется и, въ частности, дѣятельность нашего училища возобновляется самымъ энергичнымъ темпомъ.

Съ завтрашняго дня г.г. сотеннымъ командирамъ приступить къ повѣркѣ сотеннаго имущества и арматурныхъ списковъ.

По исполненіи этого мы поведемъ регулярныя занятія по всѣмъ отраслямъ нашей программы, причемъ юнкера старшаго класса будутъ привлечены къ ин-

структорскимъ обязанностямъ, по обученію молодыхъ казаковъ, нашихъ сосѣдей и справа и слѣва.

Какъ бы обстановка ни сложилась, какая бы судьба ни постигла училище, но я уже имѣю принципіальное согласіе нашего Атамана на организацію заключительныхъ занятій, въ первую очередь съ юнкерами старшаго класса и на представленіе ихъ къ производству по окончаніи испытанія. А потому предстоящія занятія должны быть серьезны, продуктивны и отвѣтственны. Такой же характеръ занятій долженъ быть сохраненъ и для тѣхъ юнкеровъ, кто можетъ быть и не предназначаетъ себя для роли офицера.

И вотъ почему.

Ни на одну минуту не забывайте, юнкера, что все ваше — еще впереди. Не забывайте, что въ жизнь вы должны вступить способными на жертвы, лишенія, борьбу съ невзгодами, подготовленными къ труду.

Какъ люди интеллигентные, вы должны быть воспитаны, выдержаны, обладать запасомъ спеціальныхъ и общихъ знаній. Словомъ, вы должны пройти извѣстную школу, — школу труда, воспитанія и обученія.

И эта школа есть ваше училище. Россіи нужны будутъ огромныя свѣжія офицерскія силы: ей нужны будутъ честные, неутомимые работники. И такими она васъ позоветъ. Работайте же вы честно и добросовѣстно и сами надъ собой, надъ своимъ внутреннимъ «я», надъ волею и характеромъ; не страшитесь лишеній и не бойтесь испытаній. Истинный сынъ своего отечества долженъ быть закаленъ и испытанъ. Иначе вы будете не офицеры, а манекены въ офицерскихъ погонахъ; не сыны Родины, а куклы съ претензіей лишь походить на патріотовъ и спасителей. И съ такими силами мы нашего дѣла не возстановимъ. И вотъ тогда всѣмъ намъ только и мѣсто что въ заморскихъ войскахъ, среди арабовъ и негровъ, бокъ о бокъ съ каторжниками и разнымъ преступнымъ элементомъ.

Пока же слишкомъ преждевременно разворачивать носки и давать тягу въ невѣдомую даль.

А сейчасъ, юнкера, передъ вами великая и святая задача: во всемъ быть образцомъ и примѣромъ вашей младшей братіи, заражая ее духомъ энергіи, ловкости, сплоченности и дисциплины. Задача завидная, почетная, историческая — по плечу только лучшимъ и истымъ сынамъ Тихаго Дона. Наряду съ этимъ долгъ патріота обязываетъ васъ къ упорной работѣ, въ смыслѣ какъ воспитательномъ, такъ и учебно-строевомъ. Знайте, что когда обстановка измѣнится, училище первымъ придетъ къ вамъ на помощь.

Вы не разъ смотрѣли смѣло и прямо въ глаза смерти, также смѣло и мужественно переносите ниспосланныя вамъ невзгоды и лишенія. У васъ свѣжія головы, горячія сердца, крѣпкое здоровье. У васъ все: не падайте духомъ. Мы — до конца съ вами».

Эта горячая рѣчь отчасти повліяла на записавшихся въ легіонеры. Но все же окончательно рѣшило и ушло изъ училища въ штабъ французовъ и дальше было отправлено ими пароходомъ временно въ Константинополь: изъ 1-ой сотни — 23, изъ 2-ой сотни — 20; изъ 3-ьей сотни — 3, изъ 4-ой сотни — 4; изъ 5-ой сотни — 18 и изъ нестроевой команды — 3. Итого семьдесять одинъ. Въ моментъ отхода парохода съ легіонерами было обнаружено еще исчезновеніе, безъ увѣдомленія училища — восьми юнкеровъ и двухъ казаковъ.

Такъ лишилось училище 81 человѣка, изъ общаго числа прибывшихъ на о. Лемносъ 537 юнкеровъ и 120 казаковъ.

Въ эти же дни перешло на бѣженское положеніе согласно заключенію врачебной комиссіи — 20 юнкеровъ.

Вслѣдствіе большой убыли въ юнкерахъ училища, происшедшаго за увольненіемъ неспособныхъ изъ нихъ къ службѣ — въ положеніе бѣженцевъ и перехода во французскій иностранный легіонъ, Начальникъ училища приказалъ:

а) вмѣсто пяти сотенъ въ училищѣ — содержать три, по штату мирнаго времени;

б) 4-ую и 5-ую сотни расформировать и юнкеровъ этихъ сотенъ перевести въ первыя три, удовлетворивъ, насколько возможно, желаніе каждаго юнкера перейти на службу въ конную или пластунскую сотню. Списки юнкеровъ этихъ сотенъ съ заявленіемъ о выборѣ представить мнѣ на утвержденіе;

в) юнкеровъ, признанныхъ комиссіей врачей, къ увольненію на положеніе бѣженцевъ, изъ состава сотенъ выдѣлить и расположить ихъ въ 2 палаткахъ, въ районѣ нестроевой сотни.

Выдѣленную команду подчинить командиру нестроевой сотни — Войсковому старшинѣ Долгову.

Командиромъ 3-ей сотни назначаю Войскового Старшину Рытченкова. Войсковому Старшинѣ Фоку 3-ью сотню сдать, а Войсковому Старшинѣ Рытченкову эту сотню принять. О сдачѣ и пріемѣ мнѣ донести.

Означенныя мѣропріятія провести въ жизнь завтра же 14/27 декабря въ 9 часовъ. Взводными командирами въ 3 сотню назначаю: Есаула Гладкова, Подъесаула Пименова, Сотника Владыкина, Хорунжаго Пономарева и офицеромъ пулеметчикомъ — Есаула Колышкина.

Офицеры, оставшіеся за штатомъ и числящіеся годными къ службѣ въ строю — подлежатъ переводу въ 1-ый Донской пластунскій полкъ.

Такъ перешло училище съ пятисотеннаго состава на трехсотенный, причемъ многіе офицеры не-казаки, какъ не могущіе привить казачій духъ юнкерамъ, совершенно не знающіе быта казака и его уклада жизни и совершенно этимъ не интересующіеся, ушли изъ училища.

Въ связи съ событіями послѣднихъ дней, Начальникъ Училища отдалъ приказъ отъ 20/2 декабря 1920 г. за № 146:

§ 2. Событія послѣдняго времени обнаружили у насъ неправильныя взаимоотношенія юнкеровъ училища.

Такъ: подробная провѣрка казеннаго имущества показала, что многіе изъ юнкеровъ относятся къ сохраненію его до крайности небрежно, порой даже преступно.

Снабженіе училища бѣльемъ, обувью и обмундированіемъ происходило вполнѣ удовлетворительно, и у каждаго изъ юнкеровъ должно было быть сохранено, по меньшей мѣрѣ, по одному, а то по два комплекта всѣхъ видовъ обмундированія.

Между тѣмъ, обнаружены пропажи у юнкеровъ одѣялъ, куртокъ и другихъ вещей, менѣе необходимыхъ. Причины пропажи выставлены несерьезныя, чисто дѣтскія. Есть основанія предполагать, что вещи были проданы. Такое отношеніе къ казенному имуществу нельзя назвать иначе, какъ преступнымъ, бросающимъ тѣнь на юнкера и на училище по винѣ и распущенности отдѣльныхъ лицъ.

Первыми и главными виновниками этого преступленія являются сами продавшіе, и они должны нести отвѣтственность за свое преступленіе по всей силѣ закона, вплоть до суда.

На будущее время приказываю г. г. сотеннымъ командирамъ не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ производить провѣрку казеннаго имущества сотенъ и о результатѣ доносить мнѣ рапортомъ.

Съ другой стороны, нельзя обойти молчаніемъ и фактъ пассивнаго отношенія, потаканія и укрывательства этихъ и другихъ безобразій со стороны остальной массы юнкеровъ училища. Если чувство порядочности, приличія и совѣсти не привиты лишь малой части юнкеровъ училища, то они свойственны и родственны большинству изъ нихъ и особенно юнкерамъ старшаго класса. Если въ каждомъ юнкерѣ-атаманцѣ, какъ человѣкѣ интеллигентномъ, прошедшемъ уже не одну школу воспитанія, должно быть прочно заложено чувство стыда, брезгливости и самолюбія, то все это во сто кратъ прочнѣй и сознательнѣй опять-таки въ юнкерахъ старшаго класса. Вѣдь теперь мы знаемъ, что у насъ имѣли мѣсто случаи пропажи вещей, самовольной отлучки и даже случаи поступленія на службу наемниками. Послѣдняя категорія, видимо, не знала, что творила, ибо голоса благоразумія ее не остановили. Тяжелый позоръ взяла она на себя, и хлесткая пощечина сержанта послужила рубежомъ между старой и новой службой: между юнкеромъ и наемникомъ. Это — цвѣтки до подписанія контракта. Можно себѣ представить, что ожидаетъ эти жалкія наемныя души впереди? Урокъ поучительный для тѣхъ, конечно, у которыхъ осталась хоть капля сознанія собственнаго достоинства, кто идею служенія Родинѣ предпочитаетъ удовольствію быть битымъ по физіономіи сержантами и чернокожими властелинами.

Юнкера! Многаго изъ этого не было бы, если бы вы и сами своевременно и строго осуждали поступки вашихъ шаткихъ и неустойчивыхъ сотоварищей. Но осуждали бы громко, открыто и правдиво. Вѣдь нравственная безцѣнность всѣхъ этихъ бѣгуновъ, торгашей и наемниковъ прежде всего и лучше всего должна быть извѣстна вамъ. Это зараза, и вы терпѣли ее. Эти типы, торгующіе своей совѣстью, своимъ достоинствомъ, не имѣли права быть казаками, ни тѣмъ болѣе носить званіе юнкера. И вы съ осужденіемъ каждый разъ говорили о нихъ лишь тогда, когда эти люди уходили изъ училища. Съ какой легкостью каждый изъ нихъ совершилъ свой поступокъ, съ такой же облегченной душой они перешли бы, видимо, и въ лагерь нашихъ враговъ. Такихъ не жалко: скатертью имъ дорога.

Но такихъ случаевъ не должно быть въ будущемъ. Прислушайтесь и призадумайтесь надъ всѣмъ, что мы вамъ сейчасъ говорили. Если бы въ вашей средѣ и нашлись лица съ продажной совѣстью, неустойчивыми взглядами, пагубно вліяющія на слабыя души и остающіяся неуловимыми для начальства, — они по ошибкѣ среди васъ.

Вы, молодежь, вѣрные сыны Дона, всѣ вы — юнкера-атаманцы, не можете, не должны терпѣть въ своей средѣ такой гнили, васъ заражающей, васъ компрометирующей. Для нихъ имя юнкера-атаманца ничто, для такихъ слово «долгъ» — пустой звукъ. На училище они смотрятъ какъ на ярлыкъ, дающій имъ приличный выходъ изъ положенія.

Но такія лица должны не уходить изъ училища, а вылетать. И если бы, паче чаянія, такіе юнкера нашлись, вы сами первые должны указать имъ другія двери и другую дорогу. Вамъ съ такими не по пути, иначе ихъ позорный шагъ ляжетъ отпечаткомъ и на вашемъ имени.

И вѣрьте, что ваше правдивое, честное, открытое слово сдѣлаетъ больше, чѣмъ любое дисциплинарное взысканіе. Своимъ авторитетомъ здороваго и разумнаго товарищества вы назовете одного, но остановите и спасете десятки вамъ благодарныхъ.

Гимнъ Дона сложенъ недаромъ, онъ сложенъ нашими дѣдами и отцами и въ немъ наши вѣковые завѣты, нашъ символъ вѣры, въ немъ наша, если хотите, клятва:

«Славься, Донъ, и въ наши годы, —
Въ память вольной старины,
Въ часъ невзгоды — честь свободы
Отстоятъ твои сыны».

Часъ невзгоды насталъ для Дона. И всѣ вѣрные и преданные сыны его должны быть на своихъ постахъ. И пока не придетъ разводящій, ни одинъ честный атаманецъ не сойдетъ со своего поста».

Окончилось переформированіе сотенъ и численный составъ ихъ выразился въ слѣдующихъ цифрахъ:

Въ первой сотнѣ — командиръ Полковникъ Кочетовъ, 150 юнкеровъ. Во второй сотнѣ — Командиръ сотни, Есаулъ Грековъ — 137 юнкеровъ. Въ третьей сотнѣ — командиръ сотни, Войсковой Старшина Рытченковъ — 159 юнкеровъ.

Постепенно устраиваясь, въ училищѣ начались регулярныя занятія по расписанію. Шли преимущественно строевыя занятія. Шли инструкторскія занятія съ молодыми казаками и юнкера усердно занимались этимъ дѣломъ, которое отвлекало ихъ отъ ужасныхъ условій жизни, въ которыхъ они находились.

Въ половинѣ декабря началась лемносская зима. Страшной силы ливни буквально затопляли убогія, бракованныя палатки, преподнесенныя любезными "союзниками". Низко неслись тучи надъ лагеремъ и глухіе раскаты грома, часто напоминали боевую, страдную жизнь лихихъ Атаманцевъ.

Вскорѣ и на о. Лемносѣ появились русскіе "зеленые", — наши казаки дезертиры. Убѣжавъ изъ лагеря и скрываясь въ скалистыхъ горахъ, они по ночамъ являлись къ жителямъ деревень и, подъ угрозой не сданныхъ револьверовъ и кинжаловъ, требовали продуктовъ и денегъ, рѣзали барановъ и уходили опять въ горы.

Были случаи убійства одного грека и тяжелаго раненія другого, — произведенные означенными дезертирами.

По приказанію французскаго штаба, отъ Атаманскаго военнаго училища были посланы двѣ вооруженныя развѣдывательныя партіи при офицерахъ, и скоро эти банды, позорящія русское имя и казака, — были ликвидированы юнкерами. Въ соотвѣтствіи съ появленіемъ "зеленыхъ", появился приказъ по Донскому лагерю отъ 22 декабря 1920 г. за № 13.

§ 1. За послѣднее время участились случаи дезертирства изъ лагеря казаковъ, причемъ нѣкоторыя шайки дезертировъ производятъ нападенія на греческое населеніе съ цѣлью ограбленія.

3-го января дезертиры убили одного грека и одного тяжело ранили. Генералъ-губернаторъ о. Лемноса, генералъ Бруссо, приказалъ усилить охраненіе вокругъ лагеря, увеличить нарядъ патрулей обхода населенныхъ пунктовъ, причемъ патрулямъ будутъ придаваться и французскіе офицеры и казаки конвоя генералъ-губернатора.

Съ цѣлью усиленія внутренняго порядка приказываю начальникамъ частей налечь на строевыя занятія и наблюдать за выполненіемъ наряда работъ.

Г. г. офицерамъ стать ближе къ казакамъ во внутренней жизни и разъяснить своимъ подчиненнымъ тяжесть положенія, въ которое попадаютъ дезертиры, не имѣя средствъ къ существованію. Нѣсколько лодокъ съ казаками, отплывшихъ съ острова, погибли въ открытомъ морѣ.

Начальникамъ частей предупредить г. г. офицеровъ и казаковъ, что впредь задержанные дезертиры будутъ отправляться въ Константинополь на бортъ парохода «Поти», откуда въ дальнѣйшемъ будутъ выданы совѣтскимъ властямъ. Обвиненные въ грабежахъ будутъ предаваться военно-полевому суду, съ примѣненіемъ законовъ военнаго времени.

Послѣ Рождества было получено приказаніе, училищу перейти въ другой лагерь по ту сторону Лемносскаго залива, гдѣ будутъ расположены всѣ части Донского корпуса, прибывающія въ скоромъ времени изъ Чаталджи. Переводъ Донскихъ частей вызывался недохватомъ прѣсной воды въ этой сторонѣ лагеря.

Послѣ осмотра и выбора мѣста для лагеря училища, Начальникомъ Училища, 28 декабря, полковникъ Голубинцевъ былъ назначенъ начальникомъ первой команды отправлявшейся для устройства лагеря, въ числѣ 4 офицеровъ и 60 юнкеровъ отъ 3-ьей сотни.

31-го декабря была перевезена и остальная часть 3-ьей сотни, которой для работъ были приданы по 1 взводу отъ 1-ой и 2-ой сотенъ.

Началась энергичная работа по приведенію въ порядокъ мѣста для разбивки лагеря, проведенію узко-колейной дороги отъ пристани и Интендантскихъ складовъ, прокладки водопроводныхъ трубъ и т. д.

31-го декабря на небольшомъ колесномъ пароходикѣ прибылъ изъ Чаталджи Штабъ Донского корпуса.

Второй по счету новый годъ, послѣ выхода изъ Новочеркасска,

училище встрѣчало не въ полномъ составѣ. Темная, тихая новогодняя ночь о. Лемноса. Юнкерамъ не спалось... Слышались разговоры въ палаткахъ, бродили темныя, задумчивыя фигуры по берегу залива Эгейскаго моря. Невольно воспоминалась далекая Россія, гдѣ царствовалъ красный терроръ, гдѣ съ сатанинскимъ смѣхомъ, обнявшись, шли по всему Дону — холодъ, голодъ, произволъ и насиліе.

Тамъ далеко, на сѣверѣ, были родные и близкіе юнкеровъ. Вотъ почему эта ночь, теплая, таинственная своимъ будущимъ новаго 1921 года, такъ дѣйствовала на молодежь-юнкеровъ.

3.

Наступилъ 1921 годъ, смѣнивъ ушедшій въ вѣчность, принесшій столько горя, слезъ, несбыточныхъ надеждъ — 1920 г.

Какъ въ калейдоскопѣ, стремительно смѣняясь, мчалась жизнь юнкеровъ Атаманцевъ.

Отступленіе къ границамъ Донской области, станица Павловская, Кубань съ ея взбудораженнымъ волной большевизма населеніемъ.

Кошмаръ Новороссійска, Евпаторіи, Сальково, Мелитополь, Каховка, Сиваши, Севастополь...

Проклятый Лемносъ, легіонеры...

Только ужасы, тяжелыя нравственныя страданія, издерганные нервы, потеря вѣры во все лучшее въ жизни, принесли училищу эти тяжелые 365 дней

Что ожидаетъ впереди, что сулитъ Атаманскому училищу этотъ новый, неизвѣстный 1921 годъ, встрѣтившій училище заброшеннымъ на дикій, скалистый, угрюмый о. Лемносъ?

Только темная, тихая новогодняя ночь, съ безконечнымъ рокотомъ и плескомъ безконечныхъ волнъ, старалась дать отвѣтъ на невѣдомомъ человѣчеству языкѣ.

Училище вступило въ новую жизнь и новую борьбу съ жизнью. Главнокомандующій Русской Арміей, отъ 1-го января с./г. за № 5, отдалъ слѣдующій приказъ:

Славные соратники! Еще одинъ годъ русскаго лихолѣтья отошелъ въ вѣчность. Позади — поруганная Родина, рядъ дорогихъ могилъ, разбитыя надежды. Впереди — неизвѣстность.

Но милостивъ и справедливъ Господь. Съ мечомъ въ рукѣ и съ крестомъ въ сердцѣ шла наша Армія за правое дѣло. Она выполнила свой долгъ до конца...

Да сохранитъ ее Всевышній на славу будущей Россіи! Да положитъ онъ въ грядущемъ году конецъ русскому лихолѣтью!

Съ Новымъ Годомъ, русскіе воины, съ новымъ счастьемъ!

Генералъ *Врангель*».

Начальникъ Училища, генералъ-маіоръ Максимовъ, отдалъ слѣдующій приказъ по Училищу:

«По старому русскому обычаю, въ сегодняшній день, 1-го января 1921 года, привѣтствую васъ, г. г. офицеры, юнкера и казаки: Съ Новымъ Годомъ, съ новымъ счастьемъ!

Быть можетъ, это «новое счастье» никогда не нужно намъ было такъ, какъ нынѣ, въ тяжелое переживаемое нами время. И мы не должны забывать, что наше счастье зависитъ отъ насъ, ибо «всякъ кузнецъ своему счастью». Будемъ же ковать наше общее счастье. Говорю «общее», потому что личнаго счастья сейчасъ у насъ не можетъ быть: счастлива наша Родина, счастливъ нашъ Донъ, — будетъ счастливъ и каждый изъ насъ...

Въ данный моментъ обстановка намъ благопріятствуетъ: о насъ говорятъ, о насъ пишутъ, нами интересуются. Придетъ время, и съ нами будутъ считаться. Будемъ же и мы сами ковать свое счастье молотомъ вѣрнымъ и надежнымъ, и какъ молотъ имѣетъ два конца, такъ и насъ ни на одну минуту не могутъ покидать два жизненныхъ девиза нашей работы: бодрость духа и упорство въ достиженіи нашего счастья.

И тогда мы скуемъ себѣ такой мечъ, съ которымъ мы и пойдемъ на Донъ, и мы придемъ туда со славой и съ достоинствомъ.

Отъ всей души желаю всѣмъ вамъ, какъ вѣнца — счастья Новаго Года, благополучнаго возвращенія къ себѣ на родину — здоровыми и счастливыми».

3-го января, въ огромномъ заливѣ о. Лемноса показался одинъ громадный транспортъ "Донъ", такъ хорошо знакомый училищу.

Онъ прибылъ изъ Константинополя и привезъ изъ Чаталджи 3.645 казаковъ.

Юнкера высыпали на берегъ, на пристань, и встрѣчали казаковъ, ища между ними родныхъ и одностаничниковъ. Осторожно ступали на землю съ перевозившихъ ихъ баржъ донцы, осѣняя себя крестнымъ знаменемъ и съ какимъ то страхомъ всматриваясь на стоявшихъ на берегу юнкеровъ и казаковъ.

Изъ обоюднаго обмѣна впечатлѣніями и разспросовъ казаковъ о жизни въ Чаталджѣ выяснилось много интереснаго.

Вновь прибывшіе казаки разсказывали про ту агитацію, которую усиленно вели среди нихъ нѣкоторые ихъ товарищи и г.г. офицеры, принимая всѣ мѣры, чтобы отговорить ихъ добровольно отправиться на Лемносъ и побудить ихъ нарушить дисциплину, такъ присущую казаку.

Говорились казакамъ всякіе ужасы и небылицы. Говорили, что на Лемносѣ, на одного казака даютъ одну бутылку воды на недѣлю, кормятъ черезъ день и даютъ хлѣба 4-5 фунтовъ на 10 человѣкъ, что умираетъ ежедневно здѣсь человѣкъ по 20-30 отъ укусовъ змѣй, сколопендръ и скорпіоновъ. И вообще довели казаковъ подобными описаніями жизни на Лемносѣ чуть ли не до открытаго неповиновенія и стрѣльбы.

Осторожно, въ числѣ прочихъ своихъ вещей, снимали казаки посудины, въ которыхъ была... прѣсная вода.

Но скоро это все быстро разсѣялось, когда вблизи пристани казаки увидѣли кранъ водопровода съ неограниченной выдачей воды.

Прибывшіе, потянулись въ указанный имъ районъ лагеря и скоро по склонамъ скалистыхъ горъ — забѣлѣли все тѣ же палатки "Марабу".

Въ этотъ же день прибыла рота французскихъ стрѣлковъ, алжирскихъ арабовъ, которые разбили свой лагерь вблизи нашего.

Это сосѣдство вызвало у юнкеровъ сильно озлобленіе и недовольство, тѣмъ болѣе, что рядомъ, въ деревянномъ баракѣ, была расположена французская комендатура г. Мудроса, комендатомъ которой являлся маіоръ Бреннъ.

Въ красныхъ фескахъ, здоровые, смуглые арабы злобно посматривали на молодежъ — юнкеровъ въ истрепанныхъ англійскихъ фуражкахъ, задорно глядѣвшихъ на азіатовъ.

И, дѣйствительно, въ началѣ задирали другъ друга, но дальнѣйшая жизнь сблизила однихъ съ другими. Ибо и тѣ, и другіе были оторваны отъ своей далекой родины и подчинялись силѣ...

По случаю прибытія донскихъ частей на о. Лемносъ, Начальникъ училища послалъ Начальнику Донского лагеря, — слѣдующую почто-телеграмму:

«Начальнику Штаба Донского Корпуса генералу Говорову.

Атаманское военное училище привѣтствуетъ прибывшихъ на Лемносъ отцовъ и братьевъ и шлетъ Донскому Корпусу наилучшія новогодія пожеланія. За вами и съ вами, подъ водительствомъ нашихъ испытанныхъ и вѣрныхъ вождей, донскіе орлята полетятъ всюду, во имя спасенія нашего сѣдого и гордаго Дона Ивановича. Наша цѣль — Родина, наша мечта — Донъ, и никакія невзгоды и лишенія не охладятъ нашихъ горячихъ и благородныхъ порывовъ...

Отсюда до тебя, Донъ, далеко, но ты знай и твердо вѣрь нашей сыновней клятвѣ:

«Въ часъ невзгоды, честь свободы
Отстоятъ твои сыны»...

И мы отстоимъ».

Училищемъ былъ полученъ отъ генерала Говорова слѣдующій отвѣтъ:

«Начальнику Атаманскаго Военнаго Училища.
От лица прибывшихъ со мной Донцовъ и всего Донского корпуса сердечно благодарю васъ, г. г. офицеровъ и доблестныхъ юнкеровъ за поздравленія и пожеланія всякаго благополучія, а главное скорѣйшаго возвращенія въ свои родные края, на берега милаго всѣмъ намъ Тихаго Дона. 16 января. Наштакордонъ Генштаба генлейтенантъ Говоровъ. № 0354».

Въ ночь подъ 8-ое января, разыгрался невиданный ураганъ. Уже съ вечера подулъ старшный вѣтеръ, который къ 3 час. ночи перешелъ во что-то стихійное, страшное...

Выла, свистѣла буря, обдавая всѣхъ холодомъ. Порывистый вѣтеръ буквально срывалъ палатки юнкеровъ и накрывалъ полотнищами ихъ обитателей. Ставить вновь было немыслимо, вѣтеръ прямо валилъ съ ногъ человѣка; было холодно, началъ накрапывать дождь. Море зловѣще шумѣло и прибой волнъ, какъ глухіе раскаты пушечныхъ выстрѣловъ, разбивалъ массы водъ о скалистые берега Лемноса.

Лагерь, только что принявшій благоустроенный видъ, былъ неузнаваемъ. Все было поломано, исковеркано...

Только къ вечеру слѣдующаго дня буря затихла и насталъ чудный, весенній день.

Наступило утро 10-го января. Яркое, теплое солнышко освѣщало землю и согрѣвало копошившихся русскихъ людей, — донскихъ казаковъ и юнкеровъ,—устраивавшихъ свои незатѣйливыя жилища.

Вдали по заливу показался здѣшній колесный пароходикъ «Aquila», который юнкера уже окрестили гораздо проще "Акула".

Слышались звуки оркестра. То играли трубачи училища, которое въ составѣ 1-ой и 2-ой сотни, переѣзжало на новое мѣсто лагеря, гдѣ уже все было приготовлено ранѣе прибывшими юнкерами.

Тихо шлепая лопостями колесъ, "Акула" пристала къ пристани и дивизіонъ юнкеровъ, выгрузившись, построился для встрѣчи Начальника Штаба Донского корпуса — Генерала Говорова.

Прибывшій генералъ, привѣтствовалъ училище и пожелалъ училищу быть такими же молодцами, какими были они всегда.

Съ оркестромъ, стройными рядами тронулись юнкера къ мѣсту своего новаго расположенія.

Лагерь училища занялъ мѣсто праваго фланга всего Донского корпуса.

Прибывшіе дѣлились "новостью" съ "той" стороны, съ ранѣе прибывшими юнкерами: французами былъ отданъ приказъ, что же-

лающіе могутъ ѣхать въ совѣтскую Россію, но они, т. е. французы, гарантій никакихъ не даютъ и за дальнѣйшее отъѣзжающихъ не ручаются. Эта "послѣдняя" новость мало произвела впечатлѣнія на юнкеровъ, хотя и вызвала много оживленныхъ споровъ.

Скоро былъ отданъ приказъ по училищу — приказъ Главнокомандующаго Русской Арміи отъ 14 января с. г. за № 16:

§1. 10-го января мною отданъ приказъ о переходѣ Донского корпуса на о. Лемносъ.

Впредь до прибытія на Лемносъ генералъ-лейтенанта Абрамова, командиру Кубанскаго корпуса принять подъ свое начальство всѣ прибывшія донскія части. Съ прибытіемъ генерала Абрамова, послѣднему объединить командованіе надъ Донскимъ и Кубанскимъ корпусами и именоваться Начальникомъ Лемносской группы войскъ. Подлинный подписалъ генералъ Врангель».

§ При семъ объявляю къ точному исполненію приказаніе Главнокомандующаго В. С. Ю. Р. отъ 26 (8) іюля авг. 1920 г. за № 147:

Многіе изъ бывшихъ юнкеровъ, самовольно оставившіе военныя училища и юнкерскія школы, а также уволенные изъ нихъ въ дисциплинарномъ порядкѣ въ части войскъ, продолжаютъ носить юнкерскую форму и числиться въ частяхъ войскъ юнкерами.

Главнокомандующій приказалъ упомянутыхъ лицъ не числить въ частяхъ войскъ юнкерами и воспретить имъ ношеніе юнкерской формы. Подлинный подписалъ Начальникъ Штаба В. С. Ю. Р. генералъ-лейтенантъ Шатиловъ.

§ 3. Объявляется новый, установленный съ 17-го января с. г. слѣдующій раціонъ:

Хлѣба — 500 граммъ, муки — 100 граммъ, консервовъ — 200 гр., сахару — 30 гр., сухихъ овощей — 100 гр., или картофеля 300 гр. или свѣжихъ овощей — 225 гр., мыла 15 гр., угля — 400 гр. для варки пищи или дровъ — 650 гр., свѣчей — 8 гр., чаю — 4 гр., соли — 20 гр., жировъ раст. — 20 гр., супу — 25 гр., спичекъ — 2 коробки на человѣка.

Подлинный подписалъ: Начальникъ Донского Лагеря, Генеральнаго Штаба генералъ-лейтенантъ Говоровъ».

17-го января былъ жаркій хорошій день. Чтобы развеселить юнкеровъ послѣ различныхъ предложеній записываться то во французскій легіонъ, то въ совѣтскую Россію (что было запрещено Начальникомъ нашего училища), было рѣшено почти экспромтомъ, устроить концертно-гимнастическій праздникъ училища.

Подготовки было всего четыре дня. Но и этого было достаточно и за это небольшое время наши юнкера-атаманцы сдѣлали многое. Концертное отдѣленіе хора, солистовъ, гимнастика, — прошли великолѣпно. Праздникъ лагеря училища "не отказались посѣтить" даже не приглашаемые, а только услышавшіе о немъ и жители расположеннаго всего въ одной верстѣ небольшого греческаго городка Мудроса.

Безконечныя вереницы женщинъ съ дѣтьми разныхъ возрастовъ и пола, дворовыя собаки, кошки, несомыя на рукахъ, все это тянулось въ лагерь, а между "дамами" степенно шагали "грекосы" въ своихъ національныхъ шароварахъ, съ знаменитой "матнею", вызывавшей не разъ смѣхъ у юнкеровъ.

Это шествіе представляло настоящую греческую идиллію. Приказъ по училищу далъ ясную картину этого праздника:

«Вчера, 18 (31) января с. г., по случаю состоявшагося домашняго праздника, лагерь училища посѣтили: военный губернаторъ о. Лемноса, французскій службы генералъ Бруссо, со своимъ штабомъ, начальникъ англійскаго наблюдательнаго поста, начальникъ Донского лагеря генералъ-лейтенантъ Говоровъ со штабомъ, генералы, офицеры и казаки Донского корпуса.

Въ числѣ приглашенныхъ отъ греческаго населенія города Мудроса прибыли: мэръ города, начальникъ порта, народныя школы съ учительскимъ персоналомъ и многочисленная публика.

Училищный оркестръ, подъ управленіемъ генералъ-маіора Дынскаго, встрѣчалъ генерала Бруссо «Марсельезой».

Праздникъ, сопутствуемый чудной погодой, прошелъ очень удачно. Гимны донскихъ, кубанскихъ и терскихъ казаковъ были выслушаны стоя. Гимнастическія упражненія юнкеровъ, подъ руководствомъ войскового старшины Свѣчникова, пріятно поражали публику своею ловкостью и отчетливостью. Донскія пѣсни юнкерскаго хора, подъ управленіемъ старшаго портупей-юнкера Кочетова и сольныя выступленія юнкеровъ — переносили насъ на берега родного Дона.

Произведенія свои полковникъ Голубинцевъ читалъ съ большимъ подъемомъ и успѣхомъ. Декламація юнкеровъ Доломанова и Попадцова пришлась публикѣ по душѣ.

Наша донская «трещетка», исполненная казаками нестроевой сотни, произвела особенное впечатлѣніе на иностранцевъ.

Закончился праздникъ традиціоннымъ «казачкомъ» и «лезгинкой», лихо исполненными юнкерами. Почетнымъ гостямъ были предложены программы праздника съ художественными виньетками, работы юнкеровъ.

Праздникъ, кромѣ пріятнаго развлеченія, имѣлъ нравственное и воспитательное значеніе, что было отмѣчено и генераломъ Бруссо при его отъѣздѣ изъ училища.

Приношу мою искреннюю благодарность всѣмъ г.г. офицерамъ, юнкерамъ и казакамъ, принимавшимъ участіе въ устройствѣ этого праздника».

Программа этого перваго праздника на о. Лемносѣ была слѣдующая:

ПРОГРАММА

Вокально-Гимнастическаго Праздника Атаманскаго Военнаго Училища 18/31 Января 1931 года.

Лагерь у гор. Мудроса.

ОТДѢЛЕНІЕ 1-ое.

1) Оркестръ А. В. У. исполнитъ маршъ.
2) Гимнастическія упражненія юнкеровъ.
   а) Вольныя движенія,
   б) Упражненія на снарядахъ.
3) Хоръ юнкеровъ исполнитъ гимны: Донскихъ, Кубанскихъ и Терскихъ казаковъ.
4) Полковникъ Голубинцевъ прочтетъ свои послѣднія произведенія.

ОТДѢЛЕНІЕ II-ое.

1) Хоръ юнкеровъ исполнитъ:
   1) "Закувала тай сыза зозуля" — украинская пѣсня,
   2) "Яворъ, стоя между скалами" — муз. Давыдовскаго,
   3) "Эхо", — муз. Шереметьева,
   4) "Вечерній звонъ".
2) Юнкера Артемовъ, Спасскій — "Ночевала тучка золотая".
3) Юнкеръ Доломановъ — украинскіе народные разсказы.
4) Юнкеръ Понадцовъ — "Будда" — Мережковскаго.

ОТДѢЛЕНІЕ III-ье.

1) Хоръ юнкеровъ исполнитъ казачьи пѣсни:
   а) "Ты кормилецъ нашъ, Донъ Ивановичъ"
   б) "Въ степи широкой подъ Иканомъ"
   в) "Хмѣль, мой хмѣлекъ".
2) Юнкера Артемовъ, Наталюткинъ, Спасскій, Автономовъ, Кострюковъ и Борисовъ исполнятъ тріо: — "Тоска по родинѣ" — слова юнк. Коломійцева и музыка ст. п. юнк. Кочетова.
3) Танцы юнкеровъ:
   а) "Казачекъ" — юнкера Самсоновъ и Соловьевъ,
   б) "Лезгинка" — юнкера Сансіевъ и Медвѣдевъ.
4) Оркестръ — Маршъ.

Въ промежуткахъ между отдѣленіями казаки нестроевой сотни училища покажутъ:

1) Народная игра "Трещетка" — ур. Сидоровъ и казаки Брыковъ и Боковъ.
2) "Казачекъ" — подх. Гуровъ и ур. Петровъ.

20-го января на пароходѣ "Поти" прибылъ давно желанный гость — Войсковой Атаманъ Богаевскій.

Медленно вошелъ въ заливъ пароходъ и бросилъ якорь невдалекѣ отъ нашего лагеря.

На небольшомъ катерѣ, атаманъ Богаевскій поѣхалъ съ визитомъ къ французскому Генералъ-Губернатору, генералу Бруссо, и около пяти часовъ вечера, атаманъ Богаевскій прибылъ на пристань города Мудроса.

Училище, въ полномъ составѣ было выстроено вдоль шоссе, для встрѣчи своего Шефа, имѣя на правомъ флангѣ хоръ трубачей.

Представители другихъ войсковыхъ частей были расположены лѣвѣе. Атаманъ Богаевскій прибылъ вмѣстѣ съ атаманами Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ.

Поздоровавшись съ юнкерами и обойдя по фронту, Атаманъ пропустилъ училище церемоніальнымъ маршемъ и отпустилъ домой.

На слѣдующій день, 21-го января, состоялся парадъ уже всему Донскому лагерю; и этого же дня, часа въ три, лагерь училища посѣтилъ Войсковой Атаманъ.

Собравшимся около него юнкерамъ, Атаманъ сказалъ, что; Армія наша еще не признана, но событія должны разыграться въ теченіе 2-3 мѣсяцевъ, которыя могутъ привести насъ на Донъ.

Если же этого не случится, то у Сербіи заарендована Правительствомъ земля, сельско-хозяйственныя машины дастъ Америка, и мы переѣдемъ туда.

Атаманъ просилъ крѣпко держаться училища, не распыляться и не вѣрить вздорнымъ слухамъ и приглашеніямъ.

Желающимъ же закончить образованіе, тогда же будетъ оказано полное содѣйствіе.

Спокойная рѣчь атамана произвела на всѣхъ юнкеровъ хорошее, успокаивающее впечатлѣніе.

23-го января была обѣдня въ Греческомъ соборѣ. На литургіи присутствовалъ Войсковой Атаманъ и атаманы Кубанскаго и Терскаго войскъ.

Училище было въ соборѣ полностью. Великолѣпно пѣлъ хоръ юнкеровъ Атаманцевъ обѣдню, поражая молящихся своею мощностью, красотою голосовъ и великолѣпнымъ исполненіемъ вещей. Было что-то величественное въ этомъ служеніи, при отличномъ резонансѣ собора. Присутствующіе греки, которые кромѣ Лемноса ничего не видѣли, которые не имѣли даже понятія о красотѣ русскаго служенія въ церкви и пѣніи церковныхъ пѣсенъ, — пришли въ восторгъ.

Да и намъ было понятно ихъ восхищеніе. Церковная служба грековъ, "почти" такая же, какъ наша, русская, но неумѣніе свя-

щенниковъ служить, гнусавые, азіатскіе напѣвы дьячковъ объясняли намъ отрицательное отношеніе грековъ къ ихъ церковной службѣ.

Обѣдню посѣтила и французская комендатура.

Въ 2 часа дня въ присутствіи Атамана былъ повторенъ концертъ, по недавно исполнявшейся программѣ, а вечеромъ была заря съ церемоніей.

На слѣдующій день, простившись съ училищемъ и провожаемый имъ до пристани, Войсковой Атаманъ, подъ звуки Донского Гимна и при крикахъ "ура", на катерѣ, тихо отбылъ на пароходъ.

И долго еще слышался гимнъ и видно было, какъ Донской Атаманъ стоялъ съ непокрытой головой на удалявшемся по заливу катерѣ.

По поводу пребыванія Войскового Атамана въ училищѣ былъ отданъ слѣдующій приказъ по Атаманскому училищу:

«Сегодня въ 10 часовъ училище принимало участіе въ парадѣ частей Донского лагеря, принятомъ Донскимъ Атаманомъ. За отличный парадъ и хорошій видъ училище удостоилось особой благодарности Атамана.

Въ 16 часовъ Донской Атаманъ изволилъ лично посѣтить училище. Поздоровавшись съ построеннымъ училищемъ и выразивъ чувство глубокаго удовлетворенія видѣть атаманцевъ бодрыми и блестящими, какъ всегда, въ трудныхъ условіяхъ, Атаманъ въ долгой и сердечной бесѣдѣ съ юнкерами коснулся самыхъ животрепещущихъ вопросовъ настоящаго и будущаго училища и юнкеровъ, видя въ послѣднихъ прежде всего будущихъ молодыхъ и честныхъ офицеровъ освобожденной Россіи и Тихаго Дона.

Послѣ вечерней зори Донской Атаманъ обходилъ лагерь училища, знакомясь съ жизнью юнкеровъ и офицеровъ и нуждами училища.

Отбывая изъ лагеря, Атаманъ неоднократно благодарилъ г. г. офицеровъ за сложное, трудное и почетное дѣло воспитанія молодежи — будущихъ офицеровъ — гордости и надежды Дона и Россіи».

Отъѣзжая въ Константинополь, Атаманъ отдалъ приказъ по В. В. Донскому, отъ 7-го февраля, за № 81:

«Родные Донцы! Шесть дней прожилъ я среди васъ, на островѣ Лемносѣ, познакомился съ вашей жизнью и нуждами и уѣзжаю въ Константинополь, чтобы тамъ снова работать на вашу пользу.

Въ бесѣдѣ съ вами я, вмѣстѣ съ Кубанскимъ и Терскимъ Атаманами и представителемъ Главнокомандующаго, говорилъ вамъ объ общемъ политическомъ положеніи и о томъ, что вамъ нужно держаться вмѣстѣ и терпѣливо ждать лучшихъ дней. Намъ некуда спѣшить сейчасъ. Вся наша мать Родина занята красной нечистью, и мы не въ силахъ въ настоящее время бороться съ нею. Я не поведу васъ на гибель — въ неравный бой. Подождемъ, пока великія европейскія державы, побѣдившія Германію съ ея союзниками, не почувствуютъ въ

полной мѣрѣ всей страшной опасности большевизма для мира всего свѣта и не рѣшать вопроса, какъ бороться съ нимъ.

Рѣшатъ онѣ вооруженной рукой отановить грядущую гибель многовѣковой культуры своей и уничтоженіе милліоновъ неповинныхъ людей, примемъ и мы дѣятельное участіе въ этомъ спасительномъ движеніи, которое вернетъ намъ Родину; предпочтутъ робко ждать, когда большевизмъ самъ собою исчезнетъ, уничтоживъ предварительно несчастную Россію, — всѣ станемъ бѣженцами и найдемъ работу и за предѣлами Родной Земли, до тѣхъ поръ, когда, рано или поздно, будетъ возможность вернуться домой.

Будемъ благодарны благородной Франціи, которая въ самое тяжкое время для нашей жизни протянула намъ дружескую руку. Будемъ вѣрить, что она же, вмѣстѣ съ другими державами-союзницами, поможетъ намъ устроиться почеловѣчески, зарабатывая свой хлѣбъ честнымъ трудомъ, если возвращеніе наше на Родину затянется.

А пока не падайте духомъ, Донцы! Переносите терпѣливо невзгоды, не забывайте ратнаго дѣла и устраивайтесь на островѣ насколько возможно лучше, не жалѣя своего труда.

Вездѣ, гдѣ нужно, въ Константинополѣ, Парижѣ и т. д. — всюду будемъ работать мы, атаманы, вмѣстѣ съ Главнокомандующимъ, чтобы скорѣе вывести васъ, всѣхъ казаковъ, изъ тяжелаго неопредѣленнаго положенія.

Вѣрьте, что мы васъ не забываемъ. Надѣюсь скоро снова быть у васъ. До свиданія.

Подлинный подписалъ Донской Атаманъ, генералъ-лейтенантъ Богаевскій».

Шли дни, ничѣмъ не отличаясь одинъ отъ другого. Отрѣзанность отъ всего міра, полная неизвѣстность, что дѣлается въ Россіи, въ другихъ странахъ, начала создавать какую-то нездоровую атмосферу. Правда, издавался при Штабѣ Донского Корпуса "Информаціонный Бюллетень", печатанный на машинкѣ на писчемъ листѣ бумаги, но что онъ могъ дать ищущей свѣта и правды измученной душѣ, когда онъ былъ весь наполненъ вырѣзками изъ старыхъ газетъ.

Правда, получались училищемъ изрѣдка газеты "Общее Дѣло", издаваемая въ Парижѣ, "Руль", издаваемая въ Берлинѣ и "Вечерняя Пресса", издаваемая въ Константинополѣ. Газеты привозились рѣдко, ибо были въ полной зависимости отъ парохода, привозящаго продукты изъ Французскаго Константинопольскаго Интендантства. И этихъ газетъ было недостаточно, ибо ихъ были единицы, а жажда чтенія, жажда знанія того, что дѣлается кругомъ, была очень сильна.

И начали создаваться различные слухи, предположенія, которыя впослѣдствіи принимали окраску чуть не оффиціальныхъ сообщеній и передавались другъ другу, съ какимъ то наслажденіемъ и вѣрою, въ иногда совершенно нелѣпыя вѣсти.

Этимъ жило и училище. Часто фантазеры-юнкера, ради шутки пускали какую-либо подобную "утку", она стремительно облетала

весь лагерь училища, неслась дальше и въ совершенно искаженномъ, перекрашенномъ видѣ, возвращалась обратно.

И часто авторъ этой "утки" —впослѣдствіи самъ начиналъ вѣрить въ нее, не сознавая, что это его мысль, его дѣтище, только болѣе украшенная фантазіей другого ума.

Такъ, 4-го февраля разнесся слухъ, изъ "самыхъ достовѣрныхъ источниковъ", что французскій Генералъ-Губернаторъ Бруссо, обходя лагерь кубанскихъ казаковъ, будто бы сказалъ: что скоро вся Русская Армія, расположенная въ Галлиполи и на о. Лемносѣ, получитъ оружіе и пойдетъ въ Россію.

Результатъ этого "достовѣрнаго" сообщенія — ликованіе въ станѣ Атаманцевъ-юнкеровъ. Создалось настроеніе, пошли споры, предположенія...

И вдругъ.., 5-го фвераля послѣдовалъ приказъ-предложеніе отъ французскаго штаба о. Лемноса — записываться въ Бразилію.

Это былъ совершенно неожиданный ударъ въ спину. Юнкера были ошеломлены.

А тутъ дождь, холодъ давалъ настроеніе тупое, мрачное, холодное, какъ самый день.

Начальникъ училища вначалѣ не хотѣлъ объявлять этого приказа, но командиры сотенъ посовѣтывали этого не дѣлать, ибо рано или поздно, но это станетъ извѣстно юнкерамъ и только вызоветъ недовѣріе къ офицерамъ училища, что они что-то скрываютъ отъ юнкеровъ.

Тогда Начальникъ Училища, послѣ доклада Начальнику Донского лагеря, приказалъ объявить этотъ приказъ, но положилъ резолюцію: "Личное разъясненіе Начальника лагеря: юнкеровъ не касается. Казакамъ объявить".

Объявлено было нижеслѣдующее:

Телеграмма,

полученная изъ Константинополя 9-го февраля генераломъ Бруссо. Лемносъ. № 3290-3. Предсѣдатель Французскаго Совѣта Министровъ телеграфируетъ: Нашъ посланникъ въ Ріо-де-Жанейро ставитъ меня въ извѣстность, что штатъ Соспоаь, отвѣчая на нашъ запросъ Бразильскому Правительству, единовременно съ другими странами, объявляетъ, что онъ готовъ немедленно дать пріютъ и работу 10.000 русскихъ изъ Арміи Врангеля, предпочтительно съ ихъ семьями, но при непремѣнномъ условіи, что дѣло касается только сельскихъ хозяевъ и земледѣльцевъ. И такъ Соспоаь беретъ на себя издержки переѣзда изъ Европы въ Санъ-Паоло, даетъ территоріи для колонизаціи и выдаетъ необходимые авансы при прибытіи этихъ лицъ. Штатъ Св. Павла также разсматриваетъ вопросъ о способѣ принятія еще другихъ 10.000. Президентъ Штата Сосполя ожидаетъ

только на него отвѣта, чтобы поручить перевозки этихъ эмигрантовъ кораблямъ, исполнявшимъ ранѣе требованія эмиграціоннаго «Агентства».

Просьба сообщить эти свѣдѣнія бѣженцамъ и выполнить повѣрку тѣхъ, которые подходятъ къ вышеуказанной категоріи, и просить эмигрировать въ Соcполь.

Телеграфируйте мнѣ результаты повѣрки тотчасъ же по ея окончаніи. Начальникъ Штаба Этиованъ. Вѣрно: №.

Препровождая при семъ копію телеграммы генерала Бруссо, по приказанію Начальника лагеря, прошу представить въ Штакоръ свѣдѣнія о числѣ желающихъ ѣхать въ Бразилію къ вечеру 17-го февраля. Разъясненіе: предложеніе штата Сосполь касается всѣхъ русскихъ, военныхъ и гражданскихъ, и исключительно земледѣльцевъ.

16 февраля. Генеральнаго Штаба полковникъ Ситниковъ. № 285.

Резолюція Начальника Училища, что запись въ Бразилію юнкеровъ "не касается", вызвала смѣхъ и ироническіе возгласы и нежелательные разговоры среди юнкеровъ. Запись была разрѣшена и юнкера спѣшно начали записываться, по ихъ собственному признанію, только потому, что это было имъ запрещено. Изъ 1-ой сотни записалось 8 человѣкъ, изъ 2-ой 17 человѣкъ и 3-ей сотни — сорокъ два.

Записалось и пять офицеровъ училища.

Когда выяснилось, что въ эту трудную минуту, когда болѣе всего нужны были единеніе, сплоченность и сила духа, записалось пять офицеровъ училища, которые этимъ поступкомъ сами наталкивали юнкеровъ на уходъ изъ училища и какъ бы агитировали за запись въ Бразилію, — было собрано общее собраніе офицеровъ училища для разбора и выясненія дѣйствій означенныхъ офицеровъ.

На собраніи было сказано много рѣзкихъ словъ, причемъ командиръ 3-ьей сотни Войсковой Старшина Рытченковъ сказалъ, что офицерамъ училища нельзя уходить первыми, бросая юношей-юнкеровъ и кто изъ офицеровъ училища записался, тому не мѣсто быть въ училищѣ.

Это заявленіе было поддержано и было рѣшено доложить объ этомъ Начальнику училища. Послѣдній лично побесѣдовалъ съ каждымъ изъ записавшихся и указалъ на невозможность дальнѣйшаго пребыванія въ училищѣ.

Результатомъ этого собранія, согласно личнаго приказанія Начальника Донского лагеря, записавшіеся офицеры въ этотъ же день были отчислены отъ училища.

Было нехорошее настроеніе во всемъ лагерѣ. И вдругъ 6-го февраля, на Лемносскомъ рейдѣ показалась яхта Главнокомандующаго

"Лукулъ". Скоро разнеслась вѣсть, что прибылъ генералъ Врангель и что запись въ Бразилію имъ запрещена.

Это проявленіе воли, вѣра въ генерала Врангеля, какъ лучъ солнца, сразу разорвала тяжелую завѣсу, спустившуюся на лагерь казаковъ. Настроеніе сразу приподнялось.

Генералъ Врангель сдѣлалъ визитъ генералу Бруссо и, осмотрѣвъ Кубанскій лагерь, прибылъ въ расположеніе Донского лагеря. На пустырѣ, около города Мудроса, были собраны всѣ части Донского корпуса.

1-ая сотня училища, со знаменемъ, была выстроена на пристани — почетнымъ карауломъ.

Блеснули шашки, понеслись надъ рейдомъ звуки "Встрѣчи" трубачей училища и плавно, разрѣзая волны, легко неслась къ пристани шлюпка, подъ роднымъ Андреевскимъ флагомъ. Въ шлюпкѣ, на кормѣ виднѣлась знакомая фигура генерала Врангеля.

Принявъ рапортъ и пропустивши сотню церемоніальнымъ маршемъ, генералъ Врангель направился къ выстроенымъ частямъ Донского корпуса.

Быстро приближался генералъ Врангель къ стройнымъ рядамъ, выстроенныхъ юнкеровъ; все замерло. Только попрежнему гордо колыхалось полотнище училищнаго знамени.

Увидя, что юнкера были безъ шинелей, Главнокомандующій сбросилъ съ себя пальто на руки ординарцу-юнкеру.

— "Здорово родные орлы-атаманцы!" — привѣтствовалъ генералъ Врангель юнкеровъ. Его веселый, бодрый, гордый видъ, подобострастное отношеніе къ нему сопровождавшихъ союзниковъ сразу показало намъ, что *этотъ* генералъ Врангель не *тотъ*, который былъ у насъ въ декабрѣ мѣсяцѣ.

Быстро проходя по фронту училища, генералъ Врангель обратился къ Начальнику училища, сказавъ: "У васъ, какъ и всегда, идеальный порядокъ" — и тутъ же передъ строемъ всего лагеря поблагодарилъ училище за службу и пошелъ обходить другія войсковыя части.

Обойдя всѣхъ, Главнокомандующій приказалъ всѣмъ частямъ стать около него и громко, отчетливо, чеканя каждое слово въ присутствіи стоявшихъ около него французовъ, среди которыхъ были знающіе русскій языкъ, сказалъ приблизительно слѣдующее:

«Дорогіе Донцы! Я пріѣхалъ къ вамъ, чтобы навѣстить васъ и показать васъ моимъ гостямъ, работникамъ печати.

Говорятъ, что Русской Арміи нѣтъ. Такъ пусть же они сами посмотрятъ на васъ и напишутъ, что они видѣли лично.

Время идетъ быстро впередъ, а съ нимъ идетъ конецъ красной нечисти. Не долго имъ осталось жить на нашей родной землѣ. Пройдетъ 2-3 мѣсяца, и красная нечисть зальетъ кровью другія державы, и хотя поздно, но поймутъ онѣ, что такое большевики, и сгинутъ тогда красные.

Крѣпитесь и держитесь, мои родные! Скоро, повѣрьте, вы будете дома. Не вѣрьте различнымъ хитрымъ обѣщаніямъ и благамъ о записи въ легіоны, въ Совѣтскую Россію и Бразилію.

Васъ туда сманиваютъ французы. чтобы было меньше ртовъ, чтобы скорѣе развязаться съ вами.

Но я, вашъ Главнокомандующій (ген. Врангель подчеркнулъ это) — приказываю: всякія теперь же записи прекратить и исполнять приказы, только мною санкціонированные. Различные же приказы французовъ — не исполнять:

Спасибо еще разъ за службу».

Затѣмъ училище и другія войсковыя части перестроились и прошли мимо Главнокомандующаго церемоніальнымъ маршемъ.

Прямо съ парада училище прошло въ Греческій соборъ, гдѣ соборнымъ духовенствомъ частей Донского корпуса, при пѣніи хора Атаманскаго училища, былъ отслуженъ торжественный молебенъ.

По окончаніи церковной службы, Главнокомандующій пошелъ осматривать лагерь училища, причемъ былъ въ околодкѣ, церкви училища, осматривалъ палатки юнкеровъ, попутно задавая молодежи различные вопросы объ ихъ жизни на о. Лемносѣ.

При громовыхъ кликахъ "ура", генералъ Врангель отбылъ изъ училища, для осмотра лагеря другихъ частей.

На слѣдующій день Главнокомандующій отбылъ на яхту "Лукулъ" для слѣдованія въ Константинополь.

По училищу былъ отданъ приказъ:

«19-го февраля въ Донской лагерь прибылъ нашъ Главнокомандующій, генералъ Врангель. На пристани Его Высокопревосходительство былъ встрѣченъ почетнымъ карауломъ отъ ввѣреннаго мнѣ училища, съ которымъ онъ поздоровался словами: «Здравствуйте орлы-Атаманцы!» Пропустивъ почетный караулъ церемоніальнымъ маршемъ и поблагодаривъ его за отличное прохожденіе, генералъ Врангель началъ затѣмъ обходъ выстроенныхъ на площади у пристани частей Донского корпуса. На правомъ флангѣ войскъ стояло Атаманское военное училище. Поздоровавшись съ нимъ, какъ и съ почетнымъ карауломъ, Главнокомандующій обратился къ училищу со слѣдующими словами:

«Считаю своимъ долгомъ передъ всѣми отдѣльно и громко поблагодарить васъ за вашу всегдашнюю безупречную, примѣрную, отличную службу. Спасибо вамъ, орлы-Атаманцы!»

Подойдя ко мнѣ, генералъ Врангель неоднократно и горячо пожалъ мнѣ руку, сказавъ при этомъ: «Благодарю васъ. Училище всегда и вездѣ въ блестящемъ порядкѣ». Послѣ обхода войскъ, Главнокомандующій обратился къ

частямъ съ горячей рѣчью. Въ ней Его Высокопревосходительство выразилъ надежду на наше скорое свѣтлое будущее; на то, что скоро мы понадобимся; насъ будутъ просить, намъ будутъ кланяться. Надо только терпѣть и даже самые нетерпѣливые должны имѣть силы дождаться этого конца. Далѣе указывалось на необходимость единенія, сплоченности, нежеланія распыляться.

Въ заключеніе генералъ Врангель, какъ Главнокомандующій, выразилъ твердую увѣренность въ томъ, что часъ выступленія нашего на территорію Родины подъ его водительствомъ не такъ далекъ.

Послѣ этой рѣчи послѣдовалъ церемоніальный маршъ, за который «орлы-Атаманцы» снова удостоились отмѣнной похвалы своего Верховнаго Русскаго Вождя.

Въ 11 час. 30 мин. въ мѣстномъ соборѣ былъ отслуженъ соборне Донскимъ духовенствомъ молебенъ въ присутствіи генерала Врангеля.

Пѣлъ хоръ юнкеровъ училища, поразившій всѣхъ молившихся красотой и мощью своего исполненія. Изъ войсковыхъ частей на молебнѣ было одно только наше училище.

Послѣ молебна Главнокомандующій отправился прямо въ лагерь училища, гдѣ обошелъ церковь, палатки и мастерскія.

Обратившись къ выстроенному тутъ же дивизіону юнкеровъ и снова поблагодаривъ училище за безупречную службу, Его Высокопревосходительство добавилъ: «А вы, г. г. офицеры и юнкера, знайте: что бы съ нами ни случилось, вы нигдѣ и никогда не будете забыты. Гдѣ буду я, тамъ будете и вы, гдѣ вы тамъ буду и я».

Получивъ разрѣшеніе Главнокомандующаго, я обратился къ нему съ такими словами:

«Атаманцы! Вы хорошо знаете нашего Главнокомандующаго, и нашъ Верховный Вождь хорошо знаетъ вѣрныхъ атаманцевъ. Мы не разъ выполняли его экстренные боевые приказы и всегда съ честью выходили изъ всѣхъ положеній. Сальково, Геническъ, Вознесенка, Мелитополь, Каховка, Перекопъ, Пусюрманъ, Джанкой, Симферополь, Бахчисарай, Севастополь — все это историческіе пункты, гдѣ училище бывало по приказу своего Вождя. Посмотримъ прямо, смѣло и честно въ глаза нашему Главнокомандующему и скажемъ ему: «Ваше Превосходительство! За Атаманцевъ не безпокойтесь. Нашъ девизъ простой: «Долгу вѣренъ, врагу грозенъ». Такими мы были на поляхъ Таврім и горахъ Крыма, такими мы остались въ пустынѣ Лемноса, такими мы придемъ съ вами въ Россію и вернемся на Донъ, такими мы и сейчасъ кричимъ вамъ наше бурное, атаманское «ура»!

Прощаясь съ нами, Главнокомандующій, въ знакъ своей особой признательности училищу, обнялъ меня и еще разъ поблагодарилъ.

По обходѣ всего лагеря, генералъ Врангель отбылъ на «Лукуллъ» на лодкѣ, подъ крики «ура» выстроеннаго на пристани училища.

Свое удовольствіе училищу Главнокомандующій отмѣтилъ въ приказѣ своемъ отъ 21-го февраля 1921 года, за № 61, гдѣ лично мнѣ, какъ Начальнику училища, объявлена благодарность.

Благодарность эту я раздѣляю со всѣми г. г. офицерами, юнкерами и казаками училища. Глубокій всѣмъ поклонъ за все, что дѣлается и будетъ дѣлаться каждымъ честнымъ Атаманцемъ во имя Дона и во славу родного училища.

Нельзя не упомянуть о сооруженіи училищной церкви на островѣ Лемносѣ.

Прибывшее на Лемносъ училище, имѣло духовнаго наставника, — священника о. Іоанна Куколева, Донского казака, станицы Атаманской, который занялъ мѣсто протоіерея Дмитрія Смирнова, не пожелавшаго раздѣлить участь изгнанія училища и ставившаго свои личныя блага, выше благъ пасомыхъ имъ юнкеровъ. 19-лѣтняя служба о. Смирнова въ училищѣ, въ тягостныя минуты переживаемыя училищемъ, была имъ забыта и на транспортѣ "Донъ" училище лишилось своего духовнаго наставника. И только случайно оказавшійся на этомъ же транспортѣ о. І. Куколевъ, по добровольному желанію ѣхавшій на Лемносъ, раздѣляя участь всѣхъ казаковъ и юнкеровъ, — согласился на предложеніе Начальника Училища занять мѣсто училищнаго священника.

По прибытіи на Лемносъ, какъ то невольно возникла мысль объ устройствѣ походной церкви училища, гдѣ можно было бы почерпнуть силы, надежду и вѣру на свѣтлое будущее Родины и въ минуты колебанія души, ея невѣрія, подкрѣпить себя молитвою.

Ктиторомъ церкви былъ назначенъ, подавшій мысль объ ея устройствѣ, командиръ 3-ей сотни, Войсковой Старшина Рытченковъ.

Была поставлена цѣль, устроить такую церковь, которая могла бы быть образцомъ для будущихъ походныхъ церквей, въ частяхъ Донского Корпуса, ибо само училище во всемъ служило образцомъ для другихъ.

Но всѣ великолѣпные замыслы по архитектурѣ, безжалостно уничтожались дѣйствительностью, — полнымъ отсутствіемъ какихъ-либо денежныхъ суммъ и строительнаго матеріала.

Съ разрѣшенія начальника училища былъ пущенъ подписной листъ среди офицеровъ училища и юнкеровъ, давшій двадцать четыре драхмы и 40 лептъ. Это и былъ основной капиталъ.

Изъ старыхъ досокъ, воротъ какого-то палисадника, полученныхъ въ Инженерномъ Управленіи, руками Войскового Старшины Рытченкова и Войскового Старшины Короченцева, при плохенькомъ рубанкѣ и поперечной пилѣ, ржавыхъ гвоздяхъ, началась создаваться училищная церковь. Начали постройку аналоя, престола, жертвенника и разныхъ вещей церковной утвари. Попутно портными училища, изъ простыни и остатковъ бязи, шились покровы на вышеуказанныя предметы.

Изъ содранныхъ внутреннихъ перегородокъ англійскихъ палатокъ "Маркизетъ", которыя были тройной цвѣтной матеріи — крас-

ной, желтой и сѣрой, — были пошиты церковныя завѣсы на врата, дорожки и т. д. Руками юнкеровъ былъ сооруженъ бетонный полъ въ церковной палаткѣ и изъ досокъ ящиковъ изъ подъ консервовъ, былъ сооруженъ иконостасъ, по проекту войскового старшины Короченцева.

Иконы были написаны юнкеромъ Константиномъ Поповымъ на палаточномъ холстѣ, самыми обыкновенными малярными красками. Была сооружена люстра, хоругви, запрестольный крестъ съ нарисованнымъ на немъ распятіемъ Христа.

Весь иконостасъ былъ выкрашенъ въ голубой, — Атаманскій цвѣтъ съ бѣлыми колоннами, сдѣланными изъ палаточныхъ столбовъ.

Облаченіе священника, крестъ и евангеліе имѣлись раньше. Не доставало священныхъ сосудовъ. Но изъ брошенныхъ на англійскомъ аэродромѣ старыхъ, латунныхъ резервуаровъ лампъ, были сооружены св. чаши. Винные стаканчики, подвѣшенные на тонкой телефонной проволокѣ — служили лампадами.

Результатъ любовнаго отношенія къ дѣлу, старанія и вкуса получился прекрасный — была создана очень красивая, уютная церковь.

И цѣль была достигнута. Церковные колокола замѣнили — буферъ отъ вагонетки, небольшая стальная тавровая рельса и огромный полукругъ колеса, взорваннаго турбиннаго миноносца, части котораго валялись на берегу залива.

1-го февраля состоялось освященіе церкви, въ память Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, престольнаго дня лагерной училищной церкви при станціи Персіановки, близъ гор. Новочеркасска.

Начальникъ училища, послѣ освященія церкви, отдалъ слѣдующій приказъ:

«Вчера, 1/14 с. февраля, въ 17 часовъ была освящена училищная церковь во имя Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, какъ память существованія таковой же лагерной церкви училища въ родной, далекой землѣ.

Изъ простой французской палатки въ короткое время, на добровольныя пожертвованія г. г. офицеровъ, чиновниковъ, юнкеровъ и казаковъ училища, устроенъ благолѣпный иконостасъ и куплена необходимая церковная утварь. Училищная церковь, долженствующая служить мѣстомъ душевнаго успокоенія и источникомъ бодрости духа, будетъ представлять драгоцѣнный памятникъ для исторіи Дона послѣ счастливаго нашего возвращенія туда.

Приношу мою искреннюю благодарность благотворителямъ и устроителямъ церкви и всѣмъ потрудившимся.

Особенно благодарю ктитора церкви, Войскового Старшину Рытченкова, Войскового Старшину Короченцева, коллежскаго регистратора Ажогина, юнкера Попова и вахмистра Чеботарева, какъ принимавшихъ главное и дѣятельное участіе въ созданіи училищной церкви.

Надѣюсь, что сочетаніе нашей благолѣпной церкви съ искренней молитвой училищнаго батюшки и гармоническимъ пѣніемъ нашего хора юнкеровъ создадутъ такую обстановку, куда всѣ мы будемъ ходить на молитву не по наряду, а по влеченію нашего духа и настоятельнымъ запросамъ души».

Въ виду предстоящаго производства въ офицеры юнкеровъ старшаго курса, обѣщаннаго войсковымъ Атаманомъ въ мартѣ мѣсяцѣ, 14-го февраля вечеромъ состоялась разборка вакансій въ полки.

Въ яркій, солнечный теплый день 16-го февраля, въ 11 часовъ дня, на передней линейкѣ была отслужена панихида, по звѣрски разстрѣлянным большевиками — Атаманамъ Назаровѣ и Волошиновѣ. Это былъ день ихъ мученической кончины. Въ этотъ день они отдали свою жизнь за счастье и благо родного Дона. Сурово глядѣли лица, молящихся юнкеровъ; видно каждый переживалъ въ своей душѣ, то, что совершилось уже три года назадъ.

Печальные напѣвы панихиды стройно неслись надъ Лемносскимъ заливомъ. Едва замѣтно мерцали зажженныя свѣчи на столикѣ около священника и легкое, незамѣтное дуновеніе вѣтерка качало полотнище хоругвей...

А недалеко стоялъ англійскій миноносецъ. Его видъ приводилъ къ дѣйствительности. Ему непонятна, чужда была молитва Донскихъ юнкеровъ...

20-го февраля, съ разрѣшенія начальника училища, согласно старыхъ традицій училища, былъ совершенъ "офицерскій" обходъ юнкеровъ, по заранѣе выработанному церемоніалу.

Въ 12 часовъ ночи маршъ трубачей училища, традиціонныя обходныя пѣсни, церемоніальный маршъ "молодыхъ" юнкеровъ передъ "г.г. офицерами", крики "ура" — переполошили весь лагерь.

Тамъ думали, что прибылъ Атаманъ и поздравлялъ юнкеровъ съ производствомъ въ офицеры.

Но обходъ кончился, бывшіе "звѣри" воочію убѣдились въ силѣ духа старыхъ традицій училища и лагерь постепенно заснулъ.

Въ эту ночь завѣщались и передавались старыя традиціи училища — молодежи. Этимъ и было сильно всегда Атаманское военное училище.

Память доблестныхъ юнкеровъ-атаманцевъ, павшихъ за Отечество, была почтена слѣдующимъ образомъ:

«...дабы почтить память славной смерти юнкеровъ училища, павшихъ въ бояхъ, впредь на перекличкѣ юнкеровъ наканунѣ производства старшаго класса въ офицеры приказываю выкликать ихъ по спискамъ слѣдующихъ сотенъ учи-

лища: юнкера Панкова Вадима. 3-ей сотни, юнкера Скрынника Павла. 2-ой сотни, юнкера Кисилева Павла. 3-ей сотни, юнкера Черенкова Михаила. 2-ой сотни, и юнкера Барабошкина Павла. 1-ой сотни, и при упоминаніи фамиліи павшаго взводному портупей-юнкеру, повернувшись лицомъ къ вахмистру и взявъ руку подъ козырекъ, отвѣчать: «Палъ славной смертью юнкера-Атаманца въ бояхъ подъ Каховкой».
Такой же порядокъ переклички сохранить въ канунъ лѣтняго училищнаго праздника и въ присутствіи на перекличкѣ Донского Атамана.

Справка: Приказы по училищу: 1920 г. за № 14, § 3, и № 78, § 6 и 1921 г. за № 28, § 4.

Былъ сырой, холодный вечеръ 7-го марта новаго стиля. Эти дни было какъ то особенно тоскливо. Дѣйствовала на юнкеровъ погода, негдѣ было отогрѣться, хотя бы на мгновеніе избавиться отъ сырости.

Сквозь большинство палатокъ, какъ черезъ мелкое сито иногда просѣивался дождь.

Что то не слышно было о пріѣздѣ Войскового Атамана, обѣщавшаго юнкерамъ прибыть на производство юнкеровъ старшаго класса. Вдали на якорѣ стоялъ, пришедшій изъ Константинополя какой то транспортъ.

Часовъ около четырехъ дня, Начальникомъ Училища, черезъ офицера, пріѣхавшаго на Лемносъ изъ Константинополя, на этомъ транспортѣ, отъ Войскового Атамана была получена слѣдующая телеграмма:

«4-го марта 1921 года. Лемносъ. Телеграмма.

Атаманское Военное Училище.

Генералу Максимову, копія генералу Говорову.

Поздравляю *) выпускныхъ юнкеровъ производствомъ. Сожалѣю, что мой отъѣздъ въ Сербію не позволяетъ поздравить ихъ лично. Обмундировка для произведенныхъ будетъ доставлена ближайшимъ рейсомъ. Организуйте офицерскіе курсы согласно приказа № 14. Главнокомандующій согласился съ нашимъ проектомъ, по которому будутъ также организованы курсы въ другихъ частяхъ Русской Арміи.

Введите измѣненіе въ приказъ, что неспособные офицеры откомандировываются въ свои части, а не увольняются отъ службы. № 1027/ к. Донатаманъ Богаевскій».

Эта радостная вѣсть сразу разнеслась по лагерю училища и когда означенная телеграмма была прочитана Начальникомъ училища на вечерней зарѣ, передъ стройными шеренгами выстроившихся юнкеровъ, бурное и долгое несмолкаемое “ура” понеслось по воздуху, долетая до лагеря другихъ частей корпуса.

---

*) Терскій Атаманъ поздравляетъ Терцевъ.

Въ виду нѣкоторыхъ чисто техническихъ препятствій, Начальникъ училища объявилъ, что производство оффиціально состоится 9-го марта.

Окончилась заря и юнкера съ радостнымъ гуломъ начали расходиться по палаткамъ. Настроеніе сразу приподнялось у всѣхъ, въ виду ожидаемаго радостнаго событія.

Только небо больше и больше хмурилось и темныя, свинцовыя тучи низко неслись надъ землей.

Утро 8-го марта началось сильнѣйшимъ дождемъ, переходящимъ временами въ ливень. Шумѣли огромные грязные ручьи, стремительно катясь между палатокъ, прямо въ море.

Наконецъ, къ вечеру тучи разрѣдились, мѣстами выглянуло синее небо.

Появилась надежда, что завтра, свѣтлый день производства не будетъ омраченъ отвратительной дождливой погодой.

Былъ выработанъ слѣдующій церемоніалъ производства юнкеровъ въ офицеры:

8-го МАРТА:

1) Послѣ занятій "Генеральный отбой" (хоръ трубачей),

а) "Слушайте всѣ",

б) "Атаманскій маршъ",

в) "Генеральный отбой".

2) Панихида по всѣмъ офицерамъ и юнкерамъ, умершимъ со времени выхода училища изъ Новочеркасска (въ 16 час.),

3) Заря съ церемоніей (въ 17 часовъ):

а) хоръ трубачей,

б) повѣстка,

в) три залпа,

д) перекличка:

1) всѣхъ состоящихъ въ спискахъ училища;

2) убитыхъ г.г. офицеровъ и юнкеровъ училища (возводный портупей-юнкеръ отвѣчаетъ: "Палъ славной смертью юнкера-Атаманица въ бою подъ Каховкой".

е) Заря,

ж) Чтеніе "Отче нашъ".

з) Коль Славенъ,

и) Отбой,

к) Гимнъ,

л) Чтеніе приказа о производствѣ и назначеніе новыхъ вахмистровъ,

м) Передача традиціонной шашки новому вахмистру 1-ой сотни,

н) Послѣдній церемоніальный маршъ выпускныхъ юнкеровъ старшаго класса.

9-го МАРТА:

1) Утренняя заря (въ 9 час.) — хоръ трубачей;

2) Общая утренняя молитва г.г. офицеровъ и юнкеровъ (безъ гимна),

3) Сборъ училища для встрѣчи Начальника Лагеря (въ 10 часовъ), выпускные на правомъ флангѣ,

4) Встрѣча Начальника Лагеря,

5) Чтеніе адъютантомъ училища приказа о производствѣ въ офицеры выпускныхъ юнкеровъ,

6) Чтеніе адъютантомъ приказа о назначеніи новаго знаменщика,

7) Передача знамени новому знаменщику,

8) Поздравленіе Начальникомъ Лагеря произведенныхъ офицеровъ и раздача погонъ (хоръ трубачей исп. маршъ: "Слава Войску Донскому"),

9) Поздравленіе произведенныхъ:

а) самымъ старѣйшимъ атаманцемъ училища — Войсковымъ Старшиной Рытченковымъ,

б) старшимъ изъ юнкеровъ — вахмистромъ Евстратовымъ;

в) старшимъ изъ казаковъ — подхорунжимъ Букинымъ, Федоромъ.

Перерывъ ½ часа.

(Произведенные офицеры надѣваютъ офицерскую форму).

10) Офицерскій сборъ произведенныхъ (хоръ трубачей);

11) Молебенъ;

12) Прощаніе съ училищнымъ знаменемъ;

13) Мое послѣднее слово къ произведеннымъ офицерамъ;

14) Церемоніальный маршъ младшаго класса передъ Начальникомъ лагеря и вновь произведенными;

15) Относъ знамени;

16) Хлѣбъ-соль (въ 13 часовъ);

17) Концертъ юнкеровъ (въ 17 часовъ).

Въ 5 часовъ, согласно церемоніалу, на открытомъ воздухѣ была совершена панихида по убитымъ въ бояхъ и умершимъ чинамъ училища со времени выхода изъ Новочеркасска.

Послѣ панихиды состоялась заря съ церемоніей, на которой, поочтенно вызывались убитые въ бояхъ юнкера: "Палъ славной смертью юнкера-Атаманца, въ бояхъ подъ Каховкой" — неслись суровые отвѣты взводныхъ порт.-юнкеровъ.

Тихо наступили сумерки и скоро темная, сырая ночь охватила лагерь училища.

Наконецъ, наступилъ день производства юнкеровъ, на о. Лемносѣ. Историческій день въ жизни юнкеровъ и знаменательный въ исторіи Дона.

Было холодное, вѣтренное утро. Къ 10 часамъ утра училище уже было построено. Заранѣе были разосланы приглашенія во всѣ части Донского корпуса. Начали уже приходить гости, ожидался приходъ Начальника лагеря.

Юнкера, ожидавшіе производства, были выстроены по полкамъ предварительной записи. Лѣвѣе были выстроены остальные юнкера училища.

Вдали показался Начальникъ лагеря, генералъ Говоровъ. Раздались звуки оркестра, игравшаго "встрѣчу". Торжественная минута началась.

Послѣ чтенія приказа Войскового Атамана о производствѣ, генералъ Говоровъ сказалъ небольшую рѣчь и поздравилъ юнкеровъ съ призводствомъ въ офицеры.

Громкое "ура" огласило Лемносскій заливъ и торжественно нарушая бурное "ура" — неслись звуки родного гимна "Всколыхнулся".

На большомъ деревянномъ подносѣ, несомомъ двумя казаками и красиво задрапированномъ матеріей цвѣта атаманцевъ, были разложены погоны молодыхъ офицеровъ.

Генералъ Говоровъ, поздравляя каждаго вновь произведеннаго офицера, лично вручалъ пару погонъ, другую же пару молодой офицеръ получалъ отъ Начальника училища.

Погоны были подаркомъ отъ училища и шились портными училища изъ сѣрой фуфаечной матеріи (рубахъ). Звѣздочки же вышивались сестрами милосердія Нечаевскаго лазарета.

Раздача погонъ была закончена. Радостно глядѣли молодые офицеры. То, чего они такъ долго ожидали, къ чему стремились, — свершилось.

Выстроеннымъ молодымъ офицерамъ, какъ старѣйшій офицеръ училища, Войсковой Старшина Рытченковъ сказалъ слово, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Г. г. молодые офицеры!

Какъ самый старѣйшій офицеръ училища, отъ имени офицеровъ училища, я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ.

Сейчасъ передъ нами совершилось событіе, которое у каждаго изъ насъ, старыхъ офицеровъ, вызвало тысячу воспоминаній о томъ чудномъ днѣ, о той минутѣ, когда мы имѣли счастье получить офицерскіе погоны и итти той дорогой, по которой шли водители славы нашей когда-то могучей арміи.

Теперь вы въ нашей офицерской средѣ.

Вы, молодежь, — питомцы славнаго Атаманскаго военнаго училища, коимъ должны гордиться и высоко держать знамя атаманца.

Я съ гордостью могу сказать, что вы, молодые офицеры, стоите гораздо выше всѣхъ предыдущихъ выпусковъ изъ училища, имѣющаго уже 50-лѣтній юбилей своего существованія.

Десятки лѣтъ изъ нашего училища выпускались сотни славныхъ офицеровъ, украшавшихъ Войско Донское. Но прежніе выпуски офицеровъ, ихъ жизнь, воспитаніе, были въ совершенно другомъ положеніи.

Великолѣпно одѣтые, одѣтые, какъ рѣдко одѣвался офицеръ, живущій въ городѣ, чистые, сытые, спавшіе на кроватяхъ съ матрацами, простынями, физически сильные, съ крѣпкими нервами, — вотъ жизнь юнкера Новочеркасскаго училища.

Жизнь юнкера-атаманца полна противоположностей.

Вы вступили на тернистый путь юнкера, въ періодъ гражданской бойни, въ которой, право, законность и любовь отошли въ сторону, уступивъ дорогу насилію, кошмарному ужасу и пьяной свободѣ.

Вы, славная молодежь, заняли почетное мѣсто на страницахъ исторіи училища, исторіи Всевеликаго Войска Донского и исторіи Государства Россійскаго.

Вы должны знать, что первыми, вѣрными гонцами по созыву Большого Войскового Круга, въ 1917 году, созываемаго для разбора знаменитаго теперь въ исторіи «бунта» Каледина — были юнкера Новочеркасскаго училища.

Что послѣдними носителями порядка и законности, спокойствія гор. Новочеркасска въ его послѣдніе, жуткіе дни — были славные Атаманцы.

Что историческій жестокій бой подъ Каховкой, 31-го іюля, 1 и 2-го августа 1920 года, былъ выигранъ исключительно юнкерами-атаманцами, кровью своею запечатлѣвшими преданность Дону, Родинѣ и своею славною смертью давшими право училищу носить гвардейскія Георгіевскія петлицы.

Что послѣдній клочекъ земли Русской, — гор. Севастополь, во время трагическихъ дней эвакуаціи Русской Арміи, сохранившій до послѣдняго момента лицо руcкаго города, — своимъ внутреннимъ порядкомъ былъ обязанъ юнкерамъ-Атаманцамъ.

Наконецъ, волею Бога, наше славное училище очутилось здѣсь, на Лемносѣ. Казалось, все потеряно, все угасло, потеряна надежда на обратное возвращеніе, пропала вѣра въ свѣтлое будущее Россіи.

Ужасныя условія жизни, оборванные, полуголодные, спящіе на клочкахъ брошенной прямо на землю соломы, нравственно разбитые, съ истрепанными нервами, вы должны были представить собою только все отрицательное.

Но вы знали, вы помнили, что вы прежде всего юнкера-Атаманцы. Что вы правый флангъ всего Всевеликаго Войска Донского, что вы носители ореола славы сѣдого, стараго Дона.

И вы сотворили чудо. Вы не потеряли силу духа и вѣру въ правоту своихъ

идей. Вы твердо шли впередъ намѣченной дорогой. Вы знали, что на васъ смотрятъ, на васъ равненіе, и вы достигли своего.

Про юнкеровъ-Атаманцевъ стали говорить всѣ, не только на Лемносѣ, но внѣ его. Про васъ пишутъ въ газетахъ, журналахъ...

И вы вполнѣ заслужили, чтобы про васъ говорили, про васъ писали, васъ любили.

Но вездѣ и во всемъ, вы, славная молодежь, были образцомъ и примѣромъ. Вы со своимъ молодымъ порывомъ стремились впередъ, ко всему чистому, свѣтлому, совершенному. А за вами, вѣря вамъ, твердо шли ваши младшіе товарищи-юнкера.

Вы создали славу училища.

Сейчасъ вы покинули училище, и тоскливо стало на душѣ... Мы сжились съ вами, мы полюбили васъ....

Но радостью пылаютъ наши сердца. Мы знаемъ, что вы питомцы Атаманскаго Военнаго Училища. Что, гдѣ бы вы ни были, какія бы препятствія не встрѣтились вамъ на жизненномъ пути, вы воскликнете: «Я — юнкеръ-Атаманецъ!» и легко одолѣете преграждающее вамъ.

И мы знаемъ, мы свято вѣримъ, что вами честь и слава училища потрепаны не будутъ.

А когда вамъ станетъ тяжело, когда иссякнутъ ваши силы и трудно будетъ нести свой крестъ, — прислушайтесь и услышите: «Есть порохъ въ пороховницахъ, не ослабла казачья сила и не гнутся юнкера-Атаманцы». И мы васъ поддержимъ.

Счастливой службы, счастливаго пути!

Нашей молодежи, вновь произведеннымъ офицерамъ, наше «ура!»

Послѣ поздравленія отъ юнкеровъ училища, принесеннаго вахмистромъ Евстратовымъ, и отъ казаковъ нестроевой роты, произнесеннаго старшимъ изъ казаковъ, подхорунжимъ Букинымъ, прослужившимъ въ училищѣ безъ перерыва 20 лѣтъ и не покинувшаго училища при отступленіи изъ Новочеркасска, — былъ объявленъ перерывъ, дабы молодые офицеры могли надѣть погоны.

Прошло около получаса, и звуки оркестра понеслись по лагерю. Играли "Сборъ".

Начался торжественный молебенъ, послѣдній разъ пѣли въ хорѣ молодые офицеры... Прощаніе со знаменемъ, подъ сѣнью котораго уходящіе теперь въ полки дрались подъ Каховкой..

Многіе изъ молодыхъ смахивали невольно набѣгавшую слезу, когда, преклонивъ колѣно, цѣловали полотнище родного знамени. И строго глядѣло со знамени изображеніе св. пророка Иліи. Начальникомъ училища генераломъ Максимовымъ было произнесено послѣднее слово молодымъ офицерамъ:

Родные питомцы!

Сегодня въ вашей жизни величайшій, историческій день. Сегодня у васъ переломъ.

Еще вчера вы были ученики, а сегодня вы уже учителя, учителя науки побѣждать. Еще вчера вы были воспитанники, а сегодня уже воспитатели, воспитатели долга священнаго, чести воинской, вѣрности казачьей. Настала минута, когда вамъ поручается дѣло огромной важности; когда вашей совѣсти ввѣряются сотни жизней вашихъ братьевъ-казаковъ.

Есть отъ чего призадуматься, есть отъ чего усиленно заботиться и забиться вашимъ молодымъ, горячимъ, но благороднымъ сердцамъ.

И въ эти историческія для васъ минуты никто такъ вѣрно не понимаетъ васъ, никто такъ близко не стоитъ къ вамъ, никто такъ искренно и глубоко не переживаетъ съ вами сегодняшняго дня, какъ мы, ваши руководители, учителя и воспитатели; ваши — по плоти, крови и духу. Отсутствіе сегодня здѣсь вашихъ близкихъ и родныхъ не можетъ не отразиться на вашемъ настроеніи, и это обстоятельство еще болѣе единитъ насъ съ вами.

Сейчасъ, какъ никогда, можетъ быть, ваши и наши сердца бьются въ унисонъ. Сейчасъ, какъ никогда, вамъ нужна моральная опора и поддержка. Я это понимаю и говорю вамъ: «Училище — ваша первая и послѣдняя опора».

Вы только что помолились Богу, поцѣловали вашу училищную боевую святыню — знамя, и тѣмъ сказали родной вамъ школѣ свое «послѣднее прости». Съ этой минуты училище для васъ уже въ прошломъ, и юнкерскіе годы безвозвратно отошли въ областъ воспоминаній.

Пройдетъ немного времени, и вы совсѣмъ покинете стѣны родного училища.

Съ вашимъ уходомъ мы теряемъ коренныхъ атаманцевъ; мы теряемъ самыхъ стойкихъ и лихихъ юнкеровъ; отъ насъ уходитъ краса гнѣзда родного, источникъ юнкерской бодрости, энергіи и веселья. Съ вашимъ уходомъ семья атаманцевъ осиротѣетъ. Мы къ вамъ привыкли и сроднились. Намъ искренно грустно. Но

«Пусть время холодной волною смываетъ людей и вѣка,
Незримыхъ же узъ души и сердца человѣка не смоетъ оно никогда».

И въ этомъ наше утѣшеніе. И поэтому мы больше радуемся, чѣмъ грустимъ. Вѣдь вы не уходите отъ насъ, а лишь перелетаете съ гнѣзда стараго, насиженнаго, въ гнѣздо новое.

Переставъ быть Атаманцами лишь по формѣ, вы до деревянаго креста останетесь ими по духу и по убѣжденію. Улетѣвъ отъ насъ туда, вы будете тамъ дѣлать одно съ нами великое дѣло.

Будучи плотью отъ плоти и кровью отъ крови истыми дѣтьми Атаманскаго военнаго училища, вы навсегда, на всю жизнь связаны съ нами прочными узами всего для насъ святого и дорогого.

Кусочекъ вашего сердца и вашей души всегда будетъ принадлежать вашей альма-матеръ.

Что вы посѣяли здѣсь, то пожнете тамъ. Долгъ же вашъ передъ Родиной вы всегда выполняли честно. Вы презирали опасности и лишенія. Вы побороли голодъ и душевныя муки.

Сейчасъ у васъ запасъ знаній, вы пышете и воодушевленіемъ и энергіей, ваше горячее сердце бьется горячей любовью къ Дону, ваша заповѣдь сейчасъ: «Вся жизнь наша тебѣ, Тихій Донъ». И въ минуты видимой разлуки я говорю вамъ: «Вылетайте жъ, соколы ясные, орлята сизокрылые, изъ родного гнѣзда атаманскаго, да на просторъ донской, да на волю казацкую летите туда орлиными взмахами; летите гордо и смѣло, летите на крыльяхъ правоты и вѣры съ клекотомъ орлинымъ, побѣднымъ.

Тамъ васъ ждутъ вожди наши — орлы матерые, васъ ждутъ братья-казаки, ястребы степные, васъ ждетъ стая славныхъ полковниковъ, есауловъ да хорунжихъ Донскихъ.

И несите вы имъ: старшимъ помощь и повиновеніе; младшимъ — знаніе, одушевленіе, побѣду, да любовь братскую.

И будьте насторожѣ; круглыя сутки куйте мечи, оттачивайте шашки. Ждите клича боевого, слова атаманскаго.

Кличъ этотъ будетъ магическій и громко грянетъ по нашему лагерю: «На Донъ!»

И съ быстротой молніи подымайте вы стаи ваши орлиныя, ставьте въ ряды ихъ стройные. Ведите ихъ къ побѣдѣ. И сами впереди. Не говорите имъ: «Ляжемъ костьми». Что толку въ томъ? Нѣтъ, пусть врагъ ляжетъ, а вы пройдите по его костямъ.

И казаки пойдутъ за вами вездѣ и всюду.

И зорко глядите на сѣверъ: тамъ, далеко, далеко покажется одна точка; и съ нея глазъ не спускайте и въ сторону не поддавайтесь. То сверкнетъ золотой куполъ Черкасскаго собора. Будетъ день, когда точка выростетъ въ соборъ, когда далекій гулъ смѣнитъ ясный звонъ черкасскихъ колоколовъ; когда неясный шумъ замѣнитъ ясное «ура», когда тысячныя толпы народа съ иконами и хоругвями выйдутъ къ вамъ настрѣчу; когда ваши отцы и матери, родные и близкіе, слезами радости оросятъ ваши загорѣлыя лица, горячо обнимутъ васъ и пожмутъ благородныя руки и словами любви и благодарности успокоятъ ваши измученныя сердца.

Да будетъ этотъ счастливый день!

И величавый Ермакъ отвѣситъ вамъ поясной поклонъ, и пылкій Платовъ отсалютуетъ вамъ Атаманскимъ перначемъ.

Такъ сѣдой и непокорный Донъ встрѣтитъ вѣрныхъ сыновей своихъ.

И запируетъ старикъ: «вдаритъ» цымлянское, забурлитъ раздорское, заиграетъ мелиховское. Пиръ и великое веселье будетъ на всемъ Дону. Имена ваши, какъ побѣдителей и избавителей, будутъ передаваться изъ устъ въ уста, и заповѣдуютъ старики потомству — хранить ихъ на вѣчныя времена въ память Донскихъ казаковъ.

Это будетъ вамъ лучшая изъ всѣхъ и безсмертная награда. Но кончится пиръ, пройдетъ угаръ веселья. Шашекъ въ ножны не вкладывайте. Идите дальше. На полпути не останавливайтесь. Служите Дону до конца, до послѣдняго издыханія. Обожайте Донъ, храните его завѣты и традиціи. Преклоняйтесь предъ именемъ Атамана. Любите казака.

Въ жизни — рыцарь чести и долга, въ бою — безстрашенъ и хитеръ, на службѣ — непреклоненъ. Вотъ вамъ мой завѣтъ!

Однако, куда бы судьба васъ ни забросила, въ какія бы поднебесныя выси ни занесли васъ орлиныя крылья, — всегда и вездѣ оглядывайтесь на ваше старое гнѣздо, родное вамъ училище. И въ горѣ, и въ радости, и въ счастьѣ, и въ несчастьи — идите сюда, къ намъ. Двери училища открыты вамъ во всякое время дня и ночи. Тутъ всегда вы найдете: и ласку, и привѣтъ, и поддержку, и совѣтъ. Если, паче чаянія, наша память не сохранитъ вашихъ дорогихъ именъ, назовите при встрѣчѣ намъ нашъ атаманскій пароль, и вы вдвойнѣ будете нашими. Пароль нашъ простой, но для Атаманцевъ безсмертный:

«Долгу вѣренъ, врагу грозенъ».

Съ такимъ паролемъ мы и выпускаемъ васъ на дорогу чести и поле славы.

Съ такимъ же паролемъ да будетъ вся ваша будущая жизнь — сплошнымъ церемоніальнымъ маршемъ!

Съ Богомъ въ путь!

Прощайте, юнкера! Да здравствуютъ г. г. офицеры!

«Ура» вамъ!

Затѣмъ послѣдовалъ церемоніальный маршъ юнкеровъ со знаменемъ передъ молодыми офицерами, послѣ чего имъ и гостямъ были предложены хлѣбъ-соль, въ двухъ большихъ палаткахъ.

Торжество закончилось.

Были выпущены молодые офицеры изъ училища, на историческомъ отнынѣ о. Лемносѣ.

И этимъ выпускомъ, этой молодежью училище будетъ всегда гордиться, какъ будетъ и радоваться ею, нашъ старый, сѣдой Донъ.

Всего было произведено въ офицеры и чиновники (одинъ) 103 юнкера, которые были распредѣлены по слѣдующимъ донскимъ частямъ:

Л.-Гв. Казачій полкъ — 12; Л.-Гв. Атаманскій полкъ — 6; Атаманское военное училище — 12; въ Донскую артиллерію, съ прикомандированіемъ къ Л.-Гв. Донской Казачьей батареѣ — 3; во 2-ую Донск. каз. батарею—2; въ 3-ю Д. каз. батарею—2; въ 4-ю Донск. каз. батарею — 3; въ 5-ую Донск. казачью батарею — 2; въ 6-ую Донск. каз. батарею — 2; въ Донск. гаубичную батарею — 2; въ Донскіе казачьи полки: въ 3-ій Донской Калединовскій полкъ—7; въ 4-ый Донск. Назаровскій полкъ — 8; въ 5-ый Донской Платовскій полкъ — 4; въ 6-ой Донской Ермаковскій полкъ — 3; въ Терско-Астраханскій полкъ — 7; въ Донской техническій полкъ — 2; во 2-ой Донской каз. полкъ — 4; въ 10-ый Донской каз. полкъ — 1; въ 7-ой Донской пласт. полкъ—1; въ 8-ой Донской пласт. полкъ—1; въ 9-ый Донской Георгіевскій Гундоровскій полкъ — 2; въ 18-ый Донской Георгіевскій полкъ — 7; въ Дзюнгарскій калмыцкій полкъ — 9 и въ управленіе Донского интендантства — 1.

А 10-го марта молодые офицеры, сопровождаемые училищемъ въ полномъ составѣ, съ хоромъ трубачей, покинувъ навсегда родное училище, пошли въ лагерь своихъ полковъ. Сильный с.-в. вѣтеръ рвалъ и трепалъ палатки. Училище осиротѣло и какая-то тишина царила среди оставшихся юнкеровъ...

Училищу былъ отданъ слѣдующій приказъ:

«Вчера, 10-го марта, мы всѣмъ училищнымъ составомъ проводили нашихъ вновь произведенныхъ офицеровъ до лагеря 1-ой Донской дивизіи и сердечно

съ ними тамъ простившись, передали ихъ, что называется, изъ рукъ въ руки ихъ новымъ начальникамъ и сослуживцамъ.

Во главѣ встрѣчающихъ былъ Начальникъ 1-ой Донской каз. дивизіи, генералъ Татаркинъ.

Итакъ, надъ нашей работой по подготовкѣ старшаго класса, въ офицеры, поставлена точка. Тяжело дались офицерскіе погоны нашимъ питомцамъ. Работать приходилось все время урывками. Съ самаго выхода изъ Новочеркасска училище буквально не знало отдыха. То походъ, то сторожевка, конвой и сопровожденіе Командарма и его поѣзда, то плаваніе по морямъ, борьба съ зелеными, славные бои подъ Каховкой, трудная и самая отвѣтственная гарнизонная служба, начиная съ Новочеркасска и слѣдуя черезъ Сосыку, Кущевку, Тимашевку, Екатеринодаръ, Новороссійскъ, Феодосію, Евпаторію, Джанкой, Таврію, Симферополь и кончая Севастополемъ.

Мѣсяцъ плаванія, Константинополь, — теперь Лемносъ. Приходилось служить, воевать и одновременно съ этимъ учиться. Учебныя пособія были въ самомъ ограниченномъ количествѣ, преподавателей — мало; о классахъ не приходится и говорить: занимались и во дворахъ, садахъ, порою лишь въ комнатахъ, прямо на полу, а чаще — просто подъ открытымъ небомъ. Тѣмъ не менѣе, все необходимое не только было пройдено, но даже прорепетировано. Только любовь къ Родинѣ, только сознаніе правоты и вѣры въ свое великое дѣло давало имъ и всѣмъ намъ силу и бодрость на такую трудную и добросовѣстную работу. И сегодняшній день я нахожу наиболѣе умѣстнымъ и удобнымъ, чтобы отмѣтить въ жизни училища личный примѣръ нашего строевого, учебнаго и административнаго персонала.

Оставивъ свои семьи, бросивъ свое имущество, лишившись всего, вы, г. г. офицеры, не оставили, однако, вашихъ питомцевъ. И въ трагическія минуты переживанія нашей Арміей дезорганизаціи и полной неизвѣстности будущаго, вы сохранили ваши сердца; ваши души оказались самыми стойкими. Вы не опозорили вашихъ именъ записью ни въ Совдепію, ни въ Бразилію, ни тѣмъ болѣе въ легіоны. Вы не только честно работали, но всюду и всегда являли собою высокій личный примѣръ вашимъ юнкерамъ. И тѣ шли за вами, шли послушно и довѣрчиво. Результатъ вашей дѣятельности налицо: о нихъ вамъ говорилъ Главнокомандующій, оцѣнку ихъ мы неоднократно слышали отъ нашего Атамана, отъ нашихъ высшихъ строевыхъ начальниковъ и отъ представителей французской арміи, генераловъ Шарпи и Бруссо. Надо, не хвалясь, сказать прямо: въ рядахъ не только Донской, но и всей Русской Арміи — Атаманское военное училище заняло самое почетное мѣсто. Исчерпывающую, заслуженную вамъ благодарность и награды вы получите отъ нашего отца Дона Ивановича.

Я же, какъ вѣрный сынъ Дона, вашъ ближайшій начальникъ, упреждаю сейчасъ ваши будущія большія награды своимъ маленькимъ словомъ.

Земно кланяюсь всему постоянному составу училища за вашъ безпримѣрно тяжелый, но почетнѣйшій трудъ. Ваша сверхчеловѣческая и трудная работа вышла далеко за предѣлы училища и эхомъ раскатилась по всѣмъ полкамъ родного корпуса. На васъ смотрятъ, по васъ равняются, съ васъ стали брать примѣръ.

Генерала Попова, полковника Шляхтина, полковника Болдырева, полковника Кочетова, войсковыхъ старшинъ — Рытченкова, Грекова и Маркина, какъ стоящихъ во главѣ отдѣловъ строевого, учебнаго и хозяйственнаго и канцеляріи, прошу принять за трудъ мою глубокую благодарность.

Въ такой же мѣрѣ, отъ лица службы благодарю и всѣхъ взводныхъ командировъ, хозяйственныхъ чиновъ, преподавателей, врачей, чиновниковъ и сестеръ милосердія.

Дай Богъ вамъ успѣха и дальше».

6.

За недостаткомъ строевыхъ офицеровъ въ училищѣ, происшедшемъ вслѣдствіе откомандированія многихъ г. г. офицеровъ, какъ несоотвѣтствующихъ своему назначенію (запись въ Бразилію и офицеровъ не-казаковъ) и нежеланія многихъ офицеровъ, находящихся въ полкахъ, занять мѣсто смѣнныхъ офицеровъ, по причинѣ "дѣйствительной работы" — 12 молодыхъ офицеровъ было оставлено въ училищѣ.

10-го же марта распространился по всему лагерю печальный слухъ, тяжело отозвавашійся на сердцахъ многихъ.

Послѣ окончанія выпускного обѣда въ училищѣ, хорунжій Шириковъ, вышедшій въ 5-ый Донской Платовскій полкъ, пошелъ сопровождать бывшаго на обѣдѣ въ училищѣ командира 5-го Донского полка въ лагерь полка.

Проводивши его, хорунжій Шириковъ возвращался домой, въ училище.

Была темная, холодная ночь. Сильный вѣтеръ метался по острову и со стономъ несся дальше въ море.

Желая сократить путь, хор. Шириковъ, взявъ направленіе на огни лагеря, пошелъ по берегу залива.

Совершенно не зная почвы, Шириковъ попалъ въ трясину и завязъ въ ней по поясъ. Безумные крики его о спасеніи не были услышаны. Всякій звукъ сильный вѣтеръ уносилъ въ море..

И не будучи услышанъ никѣмъ, постепенно замерзая, вблизи жилищъ, всего шагахъ въ 200, хор. Шириковъ, потерявъ силы и возможность выбраться изъ трясины, умеръ отъ разрыва сердца.

Это была тяжелая, страшная смерть. И эта смерть тяжело отозвалась въ сердцахъ его товарищей и родного училища. Умереть въ день производства и такой смертью...

12-го марта прахъ Ширикова, сопровождаемый училищемъ и частью своего полка, подъ печальные звуки похороннаго марша, былъ отнесенъ на французское кладбище *), гдѣ и былъ погребенъ.

***) См. приложеніе 1.**

И среди могилъ французскихъ солдатъ возвышался новый могильный холмикъ съ небольшимъ крестикомъ и скромной надписью: "Хорунжій Шириковъ. Умеръ 10 марта 1921 г.".

Уже давно возникла среди офицеровъ училища мысль о сооруженіи училищнаго музея, бывшаго когда-то въ училищѣ и разграбленнаго большевиками въ 1918 году.

Поданная мысль была поддержана Начальникомъ училища, который отдалъ слѣдующій приказъ:

«Придавая огромное воспитательное и историческое значеніе сохраненію памяти потомковъ и исторіи родной намъ школы всего того, что было, есть и будетъ свидѣтелемъ жизни училища, нахожу своевременнымъ и необходимымъ положить начало училищному музею.

Завѣдывающимъ музеемъ назначаю старшаго офицера-атаманца, Войскового Старшину Рытченкова; помощниками — полковника Голубинцева и Войскового Старшину Короченцева.

Всѣхъ чиновъ и юнкеровъ училища прошу всемѣрно проникнуться важностью наличія музея въ нашей тѣсной атаманской семьѣ, широко оповѣстить объ этомъ нашихъ бывшихъ питомцевъ и каждому изъ насъ счесть своимъ долгомъ быть вкладчикомъ въ училищную историческую сокровищницу , — фотографіи, замѣтки, воспоминанія, стихи, работы юнкеровъ, имѣющія отношеніе къ училищу какія-либо вещи и прочее.

Все это съ глубокой благодарностью будетъ принято въ музей училища и сохраняться тамъ, какъ реликвіи. Имена жертвователей будутъ заноситься въ особую книгу.

Богъ въ помощь этому благому дѣлу!»

Приказомъ по В. Донскому отъ 22/4 февраля 1921 г. за № 14, для поднятія уровня образованія г. г. офицеровъ В. В, Д., произведенныхъ въ первый офицерскій чинъ за боевыя отличія, были учреждены при Атаманскомъ военномъ училищѣ офицерскіе курсы

"Цѣль этихъ курсовъ — систематизировать пріобрѣтенныя познанія и дополнять ихъ, поднявъ тѣмъ общій уровень образованія командируемыхъ на означенные курсы офицеровъ и привить имъ пріемы, необходимые для воспитанія и обученія ихъ будущихъ подчиненныхъ".

Срокъ обученія былъ опредѣленъ 6-мѣсячный. Начальникомъ курсовъ былъ назначенъ офицеръ училища, Войсковой Старшина Калюгинъ, энергично взявшійся за устройство означенныхъ курсовъ, разбивку лагеря, расположеннаго рядомъ съ училищемъ.

Нѣкоторые же офицеры училища временно пошли на усиленіе строевого командного состава офицерскихъ курсовъ.

22 марта, въ 10 часовъ утра, въ училище начали прибывать офицеры 1-ой Донской каз. дивизіи. Началась разбивка палатокъ, линеекъ, и скоро новый бѣлый городъ возникъ рядомъ съ училищемъ.

Жизнь на офицерскихъ курсахъ, его обученіе, всецѣло подчинялась Начальнику Атаманскаго училища и во всемъ была сходна съ жизнью, обученіемъ юнкеровъ училища.

Составъ офицерскихъ курсовъ раздѣлялся на постоянный и перемѣнный. Численный составъ былъ 250 офицеровъ и 80 казаковъ.

Наступило 15 марта, а съ нимъ дошли до насъ радостные слухи. Газеты были переполнены свѣдѣніями, что въ С. Россіи неспокойно, что всюду вспыхиваютъ волненія, что начались мѣстами возстанія противъ совѣтскаго режима.

Чутко прислушивался лагерь юнкеровъ къ совершающимся въ Россіи событіямъ; слушали и боялись вѣрить. Какъ-то извѣрились во всемъ за эти послѣдніе ужасные годы. Какъ взрывъ порохового погреба, разнеслась вѣсть о возстаніи матросовъ въ Кронштадтѣ.

Въ лагерѣ шло ликованіе, слышались повсюду пѣсни, музыка. Юнкера собирались группами и оживленно разсуждали о назрѣвающихъ серьезныхъ событіяхъ.

Возстали матросы, возстали наиболѣе устойчивые элементы красной власти. И какая благодарность неслась съ береговъ Лемноса — далекому Кронштадту, его матросамъ, возставшимъ за право и истинную свободу!

Неслись тысячи пожеланій успѣха морякамъ, какъ хотѣлось оказать имъ помощь...

А тутъ наступили дни хорошей, теплой погоды. Яркое солнышко согрѣвало землю и измученныя, усталыя сердца...

Тихо подошла теплая, весенняя, лунная ночь... По разнымъ концамъ лагеря слышались пѣсни юнкеровъ, то грустныя, полныя тоски по милому, далекому, то безудержно-веселыя.

Вдругъ разнеслась новая вѣсть. Начальникъ училища получилъ изъ штаба лагеря копію телеграммы о возстаніи по всей Россіи.

Быстро собрались юнкера, прибыли трубачи училища, и Начальникъ училища при свѣтѣ лампы прочелъ слѣдующую телеграмму замершему отъ трепетнаго ожиданія и волненій "кругу" юнкеровъ:

«19-го марта н. ст. Командиру Оккупаціоннаго корпуса, генералу Бруссо. Лемносъ.

Прошу передать генералу Фостикову слѣдующую телеграмму, переданную изъ Парижа отъ Гучкова.

По вѣрнымъ свѣдѣніямъ, Орелъ, Тамбовъ, Псковъ, Кіевъ — освобождены. Небывалое народное волненіе. Въ Царицынѣ разстрѣляно 150 коммунистовъ - большевиковъ. Въ центрѣ и на югѣ царитъ полная анархія. Подписалъ: генералъ Шатиловъ».

Грянуло не бывалое, неслыханное на Лемносѣ "ура". То кричали измученныя тоской и страданіями души, услышавъ радостныя вѣсти о крушеніи владычества красныхъ.

Летѣли въ воздухъ фуражки, неслись звуки Донского гимна. "Домой" — слышалось отовсюду. А поздно ночью, когда лагерь спалъ мертвымъ сномъ, высоко, высоко, тихо "курлыкая", летѣли на милый, далекій сѣверъ журавли. Они несли вѣсти отъ насъ туда, въ дорогую Россію, что мы, заброшенные на угрюмый о. Лемносъ, готовы итти помогать возставшимъ...

Летѣли журавли...

Слѣдующій день опять принесъ новости:

...Грязи, Лиски, Каменская, Новочеркасскъ, Таганрогскій, Ростовскій округа тоже возстали и очищены отъ большевиковъ.

Наступило 22-ое марта (9-го по ст. стилю). Сегодня день весны, день возвращенія ласкающаго солнечнаго луча, послѣ долгой зимней спячки, угашавшей духъ вѣры въ будущее, хорошее и великое Россіи.

Высоко, чуть-чуть замѣтны, трепеща крылышками, пѣли жаворонки, чирикали какія-то птички, блеяли небольшія стада овецъ...

Легко дышала грудь, вдыхая чистый морской воздухъ. Отдыхали измученные нервы, и живописныя группы юнкеровъ виднѣлись по склону, идущему къ морю. Все радовалось, отдыхало...

25 марта на рейдѣ показался огромный однотрубный турецкій пароходъ "Решидъ Паша", сопровождаемый французскимъ миноносцемъ.

Оказалось, что прибыли казаки изъ Чаталджи. Думали, что прибылъ съ казаками и командиръ корпуса — генералъ Абрамовъ, но генералъ Абрамовъ не пріѣхалъ и ожидался на этихъ дняхъ, на транспортѣ "Донъ".

Вечеромъ Начальникъ училища генералъ Максимовъ былъ вызванъ въ штабъ Начальника лагеря, гдѣ, въ присутствіи другихъ вызванныхъ начальниковъ частей, генералъ Говоровъ сказалъ слѣдующее:

— Получена бумага отъ французскаго начальника гарнизона

о. Лемноса — генерала Бруссо, который увѣдомляетъ, что комиссаръ Францiи сообщаетъ, что Францiя не признала генерала Врангеля и его Русскую Армiю. Что паекъ будетъ даваться французами только до 1-го апрѣля. Что казакамъ предлагается теперь же записываться въ Бразилiю, Совдепiю или переходить на собственное иждивенiе.

По прибытии въ лагерь училища ,генералъ Максимовъ собралъ всѣхъ командировъ сотенъ и передалъ содержанiе приказа французскаго командованiя.

Эта новая, ошеломляющая вѣсть поразила командировъ сотенъ. Какъ-то не вязались въ одно цѣлое всѣ эти послѣднiя событiя, катящiяся съ головокружительной быстротой. Волненiя въ С. Россiи, Кронштадтъ, анархiя... мы съ трепетомъ ждали всѣ послѣдней вѣсти — паденiя совѣтской власти красныхъ, мы были наканунѣ возвращенiя въ Россiю... И вдругъ, сейчасъ, — совершенно противоположное.

Французское правительство отрекалось отъ насъ, отъ бывшихъ союзниковъ Францiи,—большая часть которыхъ,изъ находящихся на Лемносѣ, дралась за честь Францiи и, проливая кровь, отдавала все, что только имѣла самого дорогого, — свою жизнь — за цѣлость Францiи. И теперь, въ силу событiй, политическихъ интригъ, часть Русской Армiи, никогда не измѣнившей Францiи, очутилась на о. Лемносѣ. И этого было достаточно, чтобы французское правительство выказало свое "благородство", подняло забрало, открывъ свое настоящее лицо, и отвернулось отъ тѣхъ, которые вѣрили Францiи, которые не признали насилiя, кроваваго ужаса и пьяной свободы въ Родной странѣ.

Начали разбираться, начали приходить въ себя и пришли къ заключенiю, что это неудачный политическiй выкидышъ французскаго правительства. До полученiя же приказа отъ генерала Абрамова и его прiѣзда, было рѣшено юнкерамъ ничего не говорить.

А юнкера въ эти тягостныя минуты, не зная, что свершилось, пѣли пѣсни, танцовали...

26 марта подъемъ юнкеровъ былъ сдѣланъ ранѣе обычнаго, по случаю прихода на рейдъ транспорта "Донъ", на которомъ прибылъ генералъ Абрамовъ.

Быстро построилось училище и пошло къ пристани, гдѣ заняло мѣсто на шоссе около пристани. Въ эти тревожные, непонятные для насъ дни, прiѣздъ генерала Абрамова былъ особенно желателенъ.

Отъ него ждали разъясненій: что же, наконецъ, совершается вокругъ насъ и въ какой водоворотъ попало училище?

Оркестръ заигралъ "встрѣчу". Показался генералъ Абрамовъ, и сотни глазъ устремились на него, чтобы разгадать, что знаетъ онъ.

Поздоровавшись съ юнкерами и пройдя по фронту, генералъ Абрамовъ сталъ передъ серединой его и сказалъ приблизительно слѣдующее:

— Юнкера! Франція не признала Русскую Армію и не признала генерала Врангеля ея Главнокомандующимъ.

Не признавая насъ даже какъ бѣженцевъ, она отказалась насъ кормить. Желая разрядить, распылить насъ, Франція рѣшила предложить всѣмъ запись въ Бразилію, въ Совѣтскую Россію, или перейти на собственное иждивеніе. Изъявившіе желаніе ѣхать въ С. Россію будутъ отправлены на пароходѣ «Решидъ Паша».

Но генералъ Врангель сказалъ мнѣ слѣдующее:

Въ Бразилію ѣхать нельзя, ибо ѣхать туда, это равносильно подчиниться бѣлому рабству. Въ Россію мы поѣдемъ, но при условіи выдачи намъ нашего оружія, которое предназначалось къ отправкѣ въ Грузію, но было задержано въ Константинополѣ.

Франція въ выдачѣ оружія намъ отказала. Распыляться сейчасъ нельзя никакъ, надо теперь имѣть еще больше духа и единства.

Когда насъ Франція лишитъ пайка, мы будемъ довольствоваться на средства, имѣющіяся въ распоряженіи Главнокомандующаго генерала Врангеля, а затѣмъ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, насъ будетъ довольствовать Америка.

Кронштадтъ снова занятъ большевиками, благодаря предательству оставшихся на свободѣ коммунистовъ.

По всей Россіи сильнѣйшія возстанія.

Эта рѣчь, спокойствіе прибывшаго генерала Абрамова, сразу отразилось на настроеніи, какъ у офицеровъ, такъ и у юнкеровъ.

Вѣрили командиру корпуса, вѣрили, что не все еще погибло, что борьба съ жизнью еще возможна. Что желаніе французовъ распылить насъ — встрѣтило отпоръ со стороны генерала Врангеля.

Послѣ смотра, училище пошло прямо на пристань, гдѣ музыкой и криками "ура" встрѣтило первые эшелоны прибывшихъ на шаландахъ казаковъ съ транспортовъ "Донъ" и "Решидъ Паша".

Скоро начали циркулировать упорные слухи, что французы прямо объявили казакамъ, еще не сгружавшимся на берегъ, что на Лемносъ имъ сходить не имѣетъ смысла. Что скоро паекъ будетъ совершенно прекращенъ и что оставшимся на островѣ, если они не уѣдутъ въ Бразилію или въ совѣтскую Россію грозитъ въ будущемъ голодная смерть.

Генералъ Абрамовъ съ транспорта "Донъ" поѣхалъ на шлюп-

кѣ на "Решидъ Паша", чтобы лично разъяснить казакамъ истинное положеніе дѣла.

Но его на "Решидъ Паша" не пустила французская команда парохода. Тогда генералъ Абрамовъ съ лодки разъяснилъ собравшимся на борту парохода казакамъ, что происходитъ въ данное время. Казаки были ошеломлены. Но французы сразу начали дѣлить казаковъ для отправки въ Бразилію и совѣтскую Россію, совершенно упуская третью группу — на собственное иждивеніе.

Въ 2 часа дня "Решидъ Паша", давъ два гудка сиреной, снялся съ якоря и пошелъ въ совѣтскую Россію, увозя съ собой не пожелавшихъ высадиться на Лемносъ казаковъ и бѣженцевъ. При отходѣ парохода, отъѣзжавшіе кричали "ура", срывали съ себя погоны, бросая ихъ въ море.

Еще до ухода парохода съ рейда, былъ выбранъ "комитетъ" и свои комиссары.

Рота сенегальскихъ стрѣлковъ была въ полной боевой готовности. Всюду были разставлены полевые караулы, съ придачей пулеметовъ.

Было стыдно смотрѣть на нихъ и ихъ приготовленія не разъ вызывали искренній и горькій смѣхъ юнкеровъ и офицеровъ.

29 марта, согласно приказа французскаго командованія, къ 9 часамъ утра въ училище должна была прибыть французская комиссія, для личнаго прочтенія ихъ знаменитаго приказа о распыленіи за № 1515. Послѣ училища эта "комиссія" должна была слѣдовать въ другія части корпуса.

Въ 9 часовъ училище было выстроено на передней линейкѣ. Согласно приказа офицеры были отдѣлены отъ юнкеровъ и построились отдѣльно. Юнкера были настроены очень злобно по отношенію къ союзникамъ и стоило немалыхъ усилій отговорить ихъ отъ какихъ либо враждебныхъ выступленій по адресу комиссіи.

Наконецъ, пришелъ французскій комендантъ маіоръ Бренъ, который видно неловко себя чувствовалъ передъ устремленными на него взорами.

Ставъ передъ фронтомъ, жиденькимъ голосомъ, какъ весь и самъ, началъ читать онъ означенный приказъ, — по-французски, хотя довольно хорошо зналъ русскій языкъ, ибо долгое время служилъ въ Россіи.

Но сейчасъ, говорить на русскомъ языкѣ было "неприлично" и стоявшій рядомъ съ Бреномъ, Начальникъ училища переводилъ содержаніе этого приказа по-русски.

Приказъ гласилъ слѣдующее:

Приказъ генерала Бруссо за № 1515.

Генералъ Шарпи, Командующій оккупаціоннымъ корпусомъ въ Константинополѣ, сообщилъ мнѣ слѣдующее:

Верховный Комиссаръ Французской Республики на Востокѣ сообщилъ генералу Врангелю, что правительство рѣшило прекратить въ ближайшій срокъ всякій кредитъ на содержаніе русскихъ бѣженцевъ.

Онъ ему также сообщилъ, что Французское правительство не намѣрено поддерживать и даже допустить новыя дѣйствія генерала Врангеля противъ совѣтской власти.

Генералу Врангелю сообщено, что при этихъ условіяхъ бѣженцы должны выбрать одно изъ трехъ слѣдующихъ положеній:

1) Возвратиться въ Совѣтскую Россію,

2) Отправиться въ Бразилію,

3) Самимъ обезпечить свое содержаніе.

При такомъ ясно выраженномъ положеніи слѣдуетъ прекратить всякое различіе между гражданскими и военными бѣженцами и принимать какъ тѣхъ, такъ и другихъ, при указаніи имъ выбора одного изъ трехъ выходовъ.

Изъ полученныхъ до сего времени французскимъ правительствомъ свѣдѣній усматривается, что нынѣшнія возстанія въ Россіи — наканунѣ ихъ подавленія, по крайней мѣрѣ что касается Кронштадта, и что, съ другой стороны, люди, уже отправленные въ Новороссійскъ, были приняты хорошо и имъ не причинено никакого зла.

Съ другой стороны, Бразилія соглашается принять 20.000 бѣженцевъ; условія существованія тамъ, повидимому, хороши и благопріятны. Эмигранты сохранятъ русскую національность.

Во исполненіе распоряженія Французскаго Правительства, командирамъ лагерей Мудроса Восточнаго и Мудроса Западнаго, объявить настоящій приказъ своимъ подчиненнымъ и сообщить мнѣ завтра, 26-го марта, къ 18 часамъ, а, если возможно, то и раньше, слѣдующее:

1) Число людей, желающихъ выѣхать въ Совдепію,

2) Число людей, желающихъ выѣхать въ Бразилію.

Посадка на пароходы «Решидъ Паша» и «Донъ», отправляющіеся въ Совѣтскую Россію, начнется въ воскресенье утромъ.

Полная свобода мнѣній должна быть предоставлена всѣмъ: пытающіеся посягнуть на эту свободу будутъ считаться отвѣтственными передъ французской властью.

Настоящій приказъ прочитать полностью войскамъ и расклеить по лагерямъ.

Подлинный подписалъ: Бруссо.

Послѣ прочтенія этого приказа было предложено юнкерамъ и офицерамъ, желающимъ ѣхать въ Россію, въ Бразилію — выйти впередъ. Конечно, никто не вышелъ. Царило гробовое молчаніе и Бреннъ, окончательно сконфузившись, удалился со своей "комиссіей" въ сосѣдній лагерь, — лазаретъ доктора Нечаева, сказавъ на прощаніе "Мерси, месье".

Были различные слухи о томъ, что въ нѣкоторыхъ Донскихъ полкахъ при чтенiи приказа были инциденты съ нашей стороны по отношенiю комиссiи французовъ, читавшей означенный приказъ.

"Комиссiя "старалась всячески очернить русскихъ офицеровъ передъ казаками и, при чтенiи приказа казакамъ, совершенно изолировала послѣднихъ отъ офицеровъ, причемъ просили офицеровъ даже поворачиваться спиной къ казакамъ.

Французскiй же миноносецъ въ моментъ обхода комиссiи, подошелъ къ району лагеря и даже снялъ чехлы съ орудiй.

Часа три спустя, послѣ начала "работъ" комиссiи во всѣхъ частяхъ Донского корпуса, около лагеря 2-ой Донской дивизiи была замѣчена группа казаковъ, все болѣе и болѣе увеличивающаяся.

Это оказались желающiе ѣхать въ совѣтскую Россiю. Это были потерявшiе казачiй свободный духъ и склонившiе свои выи передъ заманчивами картинами совѣтской Россiи, такъ соблазнительно и красиво нарисованными любезными французами.

Это были люди, отнынѣ принявшiе подданство Лейбы Бронштейна, Ленина и К-о.

И потянулись вереницы этихъ несчастныхъ людей, съ котомками и мѣшками на пристань...

Подошли катера, шаланды и новыхъ подданныхъ красныхъ владыкъ, начали перевозить и грузить на "Донъ".

Французскiя власти добились отчасти своего. Около 2 тысячъ донцовъ были погружены на "Донъ".

Изъ нестроевой сотни училища ушло 43 казака.

29-го марта, чтобы немного развлечь юнкеровъ и дать нравственный отдыхъ отъ послѣднихъ переживанiй, Пластунская сотня училища устроила оперетку-кабарэ.

На открытомъ воздухѣ, еще задолго до спектакля, подъ ближайшимъ руководствомъ генерала Дынскаго, была сооружена открытая сцена.

На ея сооруженiе пошелъ подручный, лемносскiй матерiалъ: рельсы узко-колейной жел. дороги, камни, земля, полотнища брезентовыхъ палатокъ. Все это сооруженiе было красиво декорировано флагами нацiональныхъ цвѣтовъ — русскихъ и донскихъ.

Въ отдѣлкѣ получилось красивое, легкое сооруженiе.

Были разосланы юнкера для личныхъ приглашенiй — начальниковъ частей, г.г. офицеровъ и дамъ. Цѣлый день шли послѣднiя приготовленiя. Были заготовлены художественныя программки. Со

стоявшаго еще на якорѣ транспорта "Донъ" — были приглашены дамы служащихъ "Дона" и нѣкоторые офицеры.

Спектакль привлекъ массу публики и сошелъ очень хорошо. Интересенъ онъ былъ еще и тѣмъ, что у его устроителей не было рѣшительно никакого театральнаго матеріала. Оперетка была написана по памяти п.-ю. Вихляндцевымъ, остальные номера пришлось тоже создать и воспроизводить по памяти.

Программа была слѣдующая:

ПРОГРАММА.

29 марта 1921 года. о. Лемносъ.

Признательные Пластуны Атаманскаго Военнаго Училища.

"ИВАНОВЪ ПАВЕЛЪ" — оперетка буффъ, въ 1 дѣйствіи и 2-хъ картинахъ.

Дѣйствующія лица:

Мамаша — О. Э. Скачкова.
Ивановъ Павелъ — юн. Бурдуковъ.
Шпаргалка — К. Г. Балашевичъ.
Русскій языкъ — юн. Поспѣевъ.
Математика — юн. Сидоровъ.
Географія — юн. Файеръ.
Исторія — юн. Бодрухинъ.
Сторожъ — п.-ю. Вихляндцевъ.
Режиссеръ — п.-ю. Вихляндцевъ.

КАБАРЭ:

1) Хоръ юнкеровъ 3-ьей сотни:
   а) "Ты кормилецъ нашъ, Донъ Ивановичъ".
   б) "Спите орлы боевые".
   в) "Вспоили вы насъ и вскормили".
   г) "Два великана".
2) "Сонъ" — декламація юн. Нечаева.
3) "Яблочко" — комическій дуэтъ — ю.ю.Платуновъ и Ананіевскій
4) "Мнѣ все равно" — романсъ. Итальянскій теноръ. Соло исп. ю.ю. Сидоровъ и Ивановъ, Ф.
5) Парадный выходъ борцовъ, чемпіоновъ міра.
6) "Сакія Муни" — декламація юн. Платуновъ.
7) Силовые трюки со штангой — ю. Ананіевскій.
8) Струнное тріо: а) 2-ой танецъ Брамса.
   б) 2-ая мазурка Венявскаго.
   в) Серенада мандолинистовъ.
   исп. ю.ю. Бурдуковъ, Ананіевскій и Щербаковъ

9) "Слонъ и Муха" — юморески юн. Платуновъ.
"Испанская Серенада"

10) Хоръ братьевъ Зайцевыхъ — гвоздь сезона. Колоссальный успѣхъ за границей.

Конферансье ю. Платуновъ.

Духовой оркестръ подъ управленіемъ маэстро Дынскаго.

ТАНЦЫ.

31-го, въ три часа ночи, "Донъ" снялся съ якоря, тронулся въ Константинополь, съ тѣмъ, чтобы болѣе никогда не заходить на о. Лемносъ.

А съ берега, въ районѣ расположенія лагеря училища, зажженными факелами и фонарями сигнализовали "нѣкоторые" за столь короткое время знакомства, потерявшіе сердца.

"Донъ", перегрузивши совѣтскихъ подданныхъ на "Керасундъ", — ушелъ въ Бизерту.

Нельзя не отмѣтить 1-го апрѣля 1921 года, когда вышелъ первый номеръ журнала "Сынъ Изгнанія", издаваемый 3-ьей сотней Атаманскаго военнаго училища.

Довольно часто юнкера 3-ьей сотни обращались къ своему командиру сотни о разрѣшеніи издавать свой училищный журналъ.

Обращеніе иниціаторовъ къ юнкерамъ другихъ сотенъ не встрѣтило сочувственнаго отклика, между тѣмъ многіе изъ юнкеровъ училища обладали безъ сомнѣнія недюжинными талантами, какъ беллетристы, поэты и художники.

Рѣшено было издавать сотенный журналъ. Было получено разрѣшеніе Начальника училища, но не было бумаги, хотя бы минимальнаго количества.

Но изъ этого положенія скоро вышли. Первый даръ бумаги былъ полученъ отъ одного изъ сочувствующихъ офицеровъ другого лагеря — полковника К-на, отъ адъютанта штаба корпуса полковника А-ва и отъ училища было выдано десять драхмъ.

Несмотря на скудость типографскаго матеріала, первый номеръ журнала былъ выпущенъ.

Журналъ былъ размѣромъ 1/4 листа писчей бумаги, до 50-60 страницъ каждый. Печатался онъ на пишущей машинкѣ съ копировальной бумагой и выходилъ въ трехъ экземплярахъ, подъ общей редакціей юнкера Бондарева.

Матеріалъ для печатанія давали преимущественно юнкера тре-

тьей сотни и только въ слѣдующихъ номерахъ изрѣдка стали появляться работы офицеровъ и юнкеровъ другихъ сотенъ.

"Сынъ Изгнанія" въ оригинальной обложкѣ былъ довольно изященъ по изданію и внутреннему содержанію и выдержалъ шесть номеровъ, вплоть до ухода училища съ острова Лемноса.

Безусловно, какъ историческій матеріалъ, для музея училища онъ былъ цѣннымъ вкладомъ *страдныхъ* Лемносскихъ дней.

Чтобы временно закончить эпопею трагическаго распыленія казаковъ, слѣдуетъ привести оффиціальное сообщеніе Штаба Главнокомандующаго:

Пройденъ еще одинъ этапъ героической борьбы за счастье и свободу Родины малымъ числомъ, но великихъ духомъ людей. Истомленная и обезкровленная въ неравныхъ бояхъ Русская Армія уходила изъ Крыма, оставивъ позади себя могилы боевыхъ товарищей. Что ждетъ ее, куда преклонить голову — никто не зналъ.

И вотъ на мачтахъ судовъ взвился флагъ. Тѣ же родные цвѣта... Кто не оставилъ насъ въ тяжелую годину? Кто великодушно протянулъ намъ братскую руку помощи? Кто вспомнилъ пролитую за други своя кровь на поляхъ Восточной Пруссіи?. Франція... Нашъ старый вѣрный союзникъ... И исчезли сомнѣнія... И вновь надежды.... Вѣра въ будущее...

Константинополь. Все предвѣщало, что Армія будетъ сохранена для Россіи. Командующій французской эскадрой, оказавшій мощную поддержку дѣлу эвакуаціи, свидѣтельствуетъ Главнокомандующему отъ лица флота чувство глубокаго почтенія къ храбрости его Арміи, выражая надежду на славное возвращеніе на Родину.

Командующій французскими войсками на Востокѣ письмомъ отъ 9-го декабря подчеркиваетъ, что о нарушеніи организаціи арміи не можетъ быть и рѣчи; что въ соблюденіи стройности этой организаціи французское командованіе всецѣло расчитываетъ, какъ на личный престижъ генерала Врангеля, такъ и на его авторитетъ, какъ главы Арміи.

Размѣщенныя въ трехъ лагряхъ (Лемносъ, Галлиполи и Чаталджа) войска начали быстро устраиваться на зимовку, встрѣчая полное содѣйствіе французовъ; въ частности, это касается лагеря Чаталджа. Но неожиданно, въ среднихъ числахъ декабря, размѣщенному въ этомъ лагерѣ Донскому корпусу было отдано французскими властями распоряженіе готовиться къ переѣзду на Лемносъ.

Не вызываемое никакими серьезными соображеніями, это распоряженіе совершенно естественно вызвало волненіе въ штабѣ Главнокомандующаго и еще болѣе, конечно, въ средѣ казаковъ Донского корпуса, видѣвшихъ въ этомъ стремленіе отдѣлить ихъ на островѣ отъ всего міра и окончательно уничтожить возможность возвращенія въ Россію.

Въ это же время Главнымъ Командованіемъ было получено извѣстіе изъ Парижа о томъ, что г. Лейгъ оффиціально заявилъ о прекращеніи съ перваго февраля финансовой и матеріальной помощи Арміи. Учитывая невозможность въ этихъ условіяхъ отдать распоряженіе о перевозкѣ казаковъ на Лемносъ, Главнокомандующій обратился къ французскому командованію съ просьбой

подтвердить продолженіе довольствія войскъ какъ на материкѣ, такъ и на Лемносѣ. Командующій французскимъ оккупаціоннымъ корпусомъ отъ дачи такого подтвержденія въ письменной формѣ уклонился, но при личномъ свиданіи заявилъ въ общихъ фразахъ, что не допускаетъ мысли о возможности прекращенія довольствія, если таковое не будетъ обезпечено изъ другихъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ, подготовка переѣзда на Лемносъ продолжалась, помимо вѣдѣнія и внѣ инициативы Русскаго Командованія, распоряженіями французскихъ властей; и Главнокомандующій, правда, уже получившій извѣщеніе изъ Парижа о томъ, что палата вотировала кредитъ въ 100.000.000 для содержанія крымскихъ бѣженцевъ, — отдалъ распоряженіе о перевозкѣ

Но смущеніе уже пустило среди казаковъ глубокіе корни. Перспектива голодной смерти привела къ взрыву возмущенія передъ погрузкой на пароходы. Демонстрируя возможность прекращенія выдачи пайка, французскія власти въ теченіе двухъ дней не выдавали въ одинъ изъ донскихъ лагерей никакого продовольствія и въ послѣдующіе нѣсколько дней выдавали въ значительно уменьшенной порціи.

Одновременно съ этимъ французскимъ командованіемъ была объявлена запись желающихъ выѣхать въ Совдепію. Поставленная въ безвыходное положеніе, распропагандированная воспользовавшимися благопріятными условіями большевицкими агентами, часть казаковъ рѣшила пойти лучше на вѣрную быструю гибель въ Совдепіи, чѣмъ на медленное умираніе отъ голода на Лемносѣ.

Тѣ же мѣры воздѣйствія были оказаны при производившейся въ то же время записи въ Совдепію среди Кубанскаго корпуса (Лемносъ).

Всѣ дѣйствія французскаго командованія ясно стали указывать, что въ отношеніи арміи политика приняла окраску, противоположную той, какую мы встрѣтили по прибытіи въ Константинополь.

Завѣдомо зная, что ожидаетъ возвращающихся въ Совдепію, и видя, что положеніе вещей, диктуемое непосильностью для Франціи новыхъ затратъ, онъ измѣнить не въ силахъ, Главнокомандующій обратился къ дружественнымъ странамъ съ просьбой оказать всемѣрную помощь по принятію частично на ихъ территоріи армій.

Въ теченіе января мѣсяца никакихъ новыхъ предложеній о распыленаіи арміи не поступало. Напротивъ, 2-го февраля отношеніемъ за № 3226/3 генералъ Шарпи увѣдомилъ Главнокомандующаго, что французское правительство не намѣрено оставить на произволъ судьбы русскихъ бѣженцевъ, которыхъ оно пріютило до тѣхъ поръ, пока комитетъ русскихъ организацій не сможетъ его замѣнить.

Въ серединѣ января отъ французскаго командованія было получено извѣщеніе о возможности размѣстить въ разныхъ странахъ 10.000 русскихъ эмигрантовъ и предоставить имъ земледѣльческую работу.

За исключеніемъ соображенія о тягости для русскихъ гражданъ удаляться отъ родины (что было все же сообщено французскому командованію), это предложеніе было все-таки относительно пріемлемымъ выходомъ изъ положенія, но формулировка его была такъ туманна, что Главное Командованіе обратилось съ просьбой дать болѣе подробныя свѣдѣнія объ условіяхъ эмиграціи, но таковыхъ сообщено не было ни тогда, ни позже, ни до сихъ поръ.

И, наконецъ, въ среднихъ числахъ марта Верховный Комиссаръ Франціи сообщилъ Главнокомандующему о томъ, что, согласно полученнымъ изъ Пари-

жа распоряженіямъ, довольствіе армія прекращается 1-го апрѣля; поэтому чинамъ арміи необходимо прійти къ одному изъ трехъ рѣшеній:

1) выѣхать въ Совдепію, 2) эмигрировать въ Бразилію и 3) искать себѣ частнаго заработка. Рѣшеніе должно быть принято немедленно, ибо до перваго апрѣля осталось двѣ недѣли.

Естественнымъ отвѣтомъ на это Главнокомандующаго было: онъ не можетъ совѣтовать выѣзжать въ Совдепію на вѣрную смерть или въ Бразилію на полную неизвѣстность людямъ, ввѣрившимъ ему свою судьбу.

Ходъ событій явно ускорялся, не считаясь съ положеніемъ людей. Главнокомандующій обратился съ воззваніемъ ко всему міру о помощи тѣмъ, кто ради свободы Родины, ради спасенія всей Европы, безмѣрно проливали свою кровь, считая долгомъ чести остаться вѣрнымъ своимъ союзникамъ. Вмѣстѣ съ этимъ Главнокомандующій обратился къ Королевичу-Регенту Сербіи и Правителю Венгріи съ просьбой придти на помощь арміи.

Но событія шли своимъ чередомъ. Желаніе такъ или иначе покончить съ вопросомъ существованія Русской Арміи привело французское командованіе къ необходимости сдѣлать шаги, характеръ которыхъ былъ совершенно противоположенъ положенію, занятому французскимъ правительствомъ въ первые дни нашего пребыванія подъ покровительствомъ Франціи. Оно объявило: 1) что первая партія прибывшихъ въ Совдепію была встрѣчена радушно, вопреки имѣющимся неопровержимымъ свѣдѣніямъ, 2) что слухи о помощи со стороны какихъ-либо державъ лишены всякаго основанія, что ихъ распускаютъ заинтересованные въ дѣлѣ сохраненія «теплыхъ мѣстъ» начальники, и что фактически продовольствіе прекращается 1-го апрѣля. Вмѣстѣ съ тѣмъ всякое выраженіе желанія начальниковъ разъяснить истинное положеніе вещей пресѣкалось въ самой рѣзкой формѣ, причемъ въ каждомъ удобномъ случаѣ начальники выставлялись въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ.

Особенно рѣзко и оскорбительно для насъ, русскихъ, все это было на островѣ Лемносѣ, гдѣ французскій комендантъ генералъ Бруссо издалъ приказъ, въ которомъ пытался подорвать престижъ нашихъ начальниковъ. Несмотря на это, приказъ все же нами былъ исполненъ въ точности. Вѣрные долгу службы и общему дѣлу русскіе начальники, дабы не вызывать какихъ-либо осложненій, не сопротивлялись французскимъ военнымъ властямъ.

Однако, несмотря на это, по приказанію генерала Бруссо, миноносецъ и вооруженные катера поочередно подводились къ тѣмъ участкамъ берега, гдѣ происходила сортировка казаковъ на выѣздъ въ Совдепію. Вездѣ были наготовѣ вооруженные караулы. Офицерамъ приказывали становиться спиною къ казакамъ, дабы «казаки на лицахъ офицеровъ не прочли бы осужденія себѣ и тѣмъ не стѣснялось бы ихъ свободное волеизъявленіе». Подобныя унизительныя картины имѣли мѣсто повсюду.

Никто не сомнѣвается, что скоро наступитъ часъ освобожденія нашей Родины и что русскій народъ скоро будетъ имѣть право говорить, какъ равный среди другихъ народовъ Европы.

Тѣмъ болѣе горько и непонятно отношеніе къ доблестной страдалицѣ — Русской Арміи, до конца остающейся вѣрной своимъ высокимъ завѣтамъ, со стороны французскихъ представителей и командованія за послѣднее время.

Начальникъ Штаба Главнокомандующаго Русской Арміи, генералъ отъ кавалеріи Шатиловъ».

Генералъ Врангель, на основаніи полученныхъ свѣдѣній отъ высшаго Рускаго Командованія на о. Лемносѣ, написалъ слѣдующее письмо къ генералу Пелле, Верховному Комиссару Франціи въ Константинополѣ отъ 2-го апрѣля 1921 года:

«Сегодня мною получены подробныя донесенія, дающія картину того, во что вылилось на островѣ Лемносѣ выполненіе распоряженій Французскаго Командованія объ отправленіи желающихъ въ Совѣтроссію.

Не допускаю и мысли, чтобы Вами были даны инструкціи прибѣгнуть къ тѣмъ пріемамъ пропаганды, какіе имѣли мѣсто въ дѣйствительности и излагаются ниже.

Великая, благородная Франція и ея доблестная побѣдоносная Армія всегда стояла за правое дѣло и не имѣетъ нужды въ тѣхъ окольныхъ путяхъ, къ которымъ прибѣгалъ нашъ общій врагъ, разложившій нашу Армію въ 1917 году путемъ пропаганды — дискредитированія офицерскаго состава.

По донесеніямъ командировъ Донского и Кубанскаго корпусовъ, на Лемносѣ произошло слѣдующее:

Хотя до 1-го апрѣля — объявленнаго срока прекращенія довольствія — и оставалось всего лишь нѣсколько дней, тѣмъ не менѣе я не допускалъ и мысли о томъ, что французы могли бы обречь на голодную смерть на островѣ своихъ бывшихъ вѣрныхъ союзниковъ.

Лишь холодный расчетъ нашихъ враговъ, лишь нѣмецкое бездушіе выбросили «бездомныхъ константинопольскихъ собакъ» на безводныя скалы Остіи.

Поэтому я не пріостановилъ отправки донскихъ эшелоновъ на Лемносъ. Однако, повидимому, въ служебномъ усердіи лемносскія власти перешли всякія границы и обманули мое довѣріе солдата, привыкшаго итти прямо, въ открытую...

На пароходахъ, везущихъ донскихъ казаковъ на Лемносъ, велась открытая агитація.

Казаковъ убѣждали не вѣрить своему командному составу, не вѣрить офицерамъ, которые ихъ обманываютъ и скрываютъ горькую правду. Все-де уже кончено, какъ въ Россіи, такъ и здѣсь.

На Лемносѣ ихъ ждетъ голодная смерть. Предлагалось даромъ не терять времени — не сходить на берегъ, а на этихъ же пароходахъ отправляться на Родину, въ Совѣтроссію...

Первое время, не зная, что дѣлать, не зная истинной обстановки, нашлись нѣсколько тысячъ упавшихъ духомъ людей, остановившихся въ нерѣшительности и замѣшкавшихся на пароходахъ.

Таковые немедленно были объявлены отправляющимися въ Совдепію и окружены французской охраной.

Когда же удалось установить связь съ берегомъ и выяснить положеніе, то многіе казаки одумались и просили отправить ихъ обратно въ войсковыя части. Но имъ было объявлено, что уже поздно мѣнять рѣшеніе.

Никакія мольбы не помогли. Многіе казаки въ отчаяніи бросались съ пароходовъ въ воду и вплавь пытались достичь берега. Можетъ ли подобная картина быть названа отправкой людей, «добровольно изъявившихъ желаніе ѣхать на Родину».

О томъ же, что въ дѣйствительности происходило на сушѣ, на самомъ островѣ, можетъ дать ясное представленіе приказъ коменданта острова генерала

Бруссо. Не можетъ быть двухъ мнѣній о томъ духѣ, въ которомъ написанъ этотъ приказъ, явно пытающійся дискредитировать нашъ командный составъ.

Приказъ этотъ былъ выполненъ въ точности. Вѣрные долгу службы и общему дѣлу, русскіе начальники не допускали и мысли сопротивленія французскимъ военнымъ властямъ, дабы не вызвать какихъ-либо осложненій. Тѣмъ не менѣе, генералъ Бруссо не остановился передъ демонстраціей силы, оскорбительной для русскихъ. Миноносецъ и вооруженные катера по-очереди подводились къ тѣмъ участкамъ берега, гдѣ производилась сортировка казаковъ.

Вооруженные караулы были наготовѣ. Офицерамъ приказывали становиться спиной къ казакамъ, дабы «казаки на лицахъ офицеровъ не прочли бы осужденія себѣ и тѣмъ не стѣснялось бы ихъ свободное волеизъявленіе»...

Подобныя унизительныя сцены имѣли мѣсто повсюду. Французскіе офицеры, обходившіе фронтъ частей, всемѣрно старались дискредитировать въ глазахъ казаковъ ихъ начальниковъ.

Въ отвѣтъ на выраженное нѣкоторыми казаками желаніе двинуться въ Совѣтроссію не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ, капитанъ Мишле замѣтилъ, что теперь уже поздно, — не надо было раньше удирать отъ тѣхъ же большевиковъ.

Указанныя выше мѣропріятія не могутъ имѣть другихъ послѣдствій, какъ разложеніе частей.

Я вновь считаю своимъ долгомъ остановить ваше вниманіе на тѣхъ же послѣдствіяхъ, кои грозятъ прибывающимъ въ Совдепію, дабы указать, какое большое количество русской крови вѣрныхъ союзной Франціи сыновъ Россіи и какія тяжкія страданія въ чрезвычайкахъ еще большаго числа ихъ влечетъ за собой обратная эвакуація Русской Арміи въ Совдепію. Ко мнѣ поступили неопровержимыя свѣдѣнія о жестокихъ издѣвательствахъ, которымъ подвергались прибывшіе въ Новороссійскъ, о томъ, что большинство ихъ томится въ лагеряхъ и чрезвычайкахъ, и о томъ, что часть ихъ уже разстрѣляна.

Событія въ Россіи и неизбѣжный ходъ революціи, тождественной для всѣхъ народовъ и во всѣ времена, указываютъ на близость конца владычества поработителей нашей Родины.

Никто не сомнѣвается, что занимается уже разсвѣтъ освобожденія Россіи, и что скоро Русскій народъ будетъ имѣть право говорить, какъ равный среди другихъ народовъ Европы.

Осуществляемыя же нынѣ мѣропріятія, особенно сопровождаемыя описываемыми тяжелыми фактами, тѣмъ характеромъ поведенія французскихъ военныхъ властей, какъ на островѣ Лемносѣ, невольно вызываютъ чувство возмущенія, горечи и опасенія за будущее среди серьезныхъ людей, истинныхъ патріотовъ и друзей Франціи.

Что же касается широкихъ массъ, вообще болѣе близорукихъ, а въ Россіи еще кромѣ того и болѣе темныхъ, то результаты могутъ быть роковыми. Народъ, въ рукахъ котораго будущее Россіи, живетъ непосредственными впечатлѣніями.

Не только для солдатъ, но даже и для рядового офицерства истинная роль Франціи въ истекшей великой борьбѣ слишкомъ вдалекѣ и никогда не будетъ столь ясной, какъ жгучее чувство негодованія и обиды при видѣ жестокой расправы послѣднихъ дней — такой непонятной перемѣны послѣ первыхъ мѣсяцевъ рыцарскаго гостепріимства.

Приложеніе: копія приказа генерала Бруссо № 1515.

Генералъ Врангель».

7.

Наступила чисто весенняя погода. Какъ то хотѣлось быть въ полѣ, хотя бы на короткое время отрѣшиться отъ скучной однообразной лагерной жизни, не видѣть однообразія палатокъ и безконечной шири Лемносскаго залива.

Тянуло на "волю"... Но мы были на чужбинѣ, мы были изгнанники, за которыми зоркое око неустанно наблюдало.

Намъ было запрещено отходить отъ лагеря, далѣе опредѣленной черты. Начальникомъ училища было рѣшено устроить дальнюю прогулку всего училища. Было "испрошено" разрѣшеніе у французскихъ властей, былъ полученъ пропускъ и 17 апрѣля въ 8 часовъ утра училище тронулось въ давно жданную, желанную прогулку.

Намѣчена была греческая деревня "Кандопуло". Чтобы эта прогулка не была тяжела для юнкеровъ, обезсиленныхъ "голоднымъ" пайкомъ французовъ, рѣшено было наканунѣ выслать въ д. Кандопуло походныя кухни и, купивъ на мѣстѣ барановъ, сварить супъ, выдавъ мясныя порціи, которыхъ училище не видало съ самаго Босфора.

Чтобы прогулку обставить болѣе торжественно и улучшить уже на мѣстѣ пищу юнкеровъ, въ деревню были заранѣе посланы три офицера, которые и обратились къ жителямъ съ просьбой о продуктахъ.

Выйдя за предѣлы лагеря, училище пошло не строемъ, и надо было видѣть, съ какой неподдѣльной радостью шли юнкера, срывая полевые цвѣты и украшая свою грудь красными, атласными маками.

Начавшійся было въ лагерѣ сильный вѣтеръ, дувшій отъ моря, съ удаленіемъ отъ него въ глубь острова, постепенно стихъ, дѣлая прогулку еще болѣе интересной и очаровательной.

Восемь верстъ, отдѣлявшіе лагерь отъ деревни, были пройдены легко и свободно. У околицы деревни, училище снова построилось и съ оркестромъ вошло въ деревню. Огромная толпа народа, преимущественно женщинъ и дѣтей, встрѣтила училище, причемъ нѣкоторыя изъ женщинъ плакали. Были ли вызваны эти слезы сожалѣніемъ насъ, или воспоминаніями, что ихъ мужья и сыновья забраны на непопулярную среди нихъ войну съ турками, — было неизвѣстно.

Училище по кривымъ улицамъ подтягивалось къ церкви, съ колокольни которой несся скучный трезвонъ.

На церковной площади, въ присутствіи большой толпы крестьянъ

и выстроенныхъ глаголемъ юнкеровъ, оркестромъ училища былъ сыгранъ греческій гимнъ, послѣ котораго разнеслись звуки и мощное пѣніе всѣхъ юнкеровъ — "Донского гимна".

Затѣмъ училище было введено въ церковь, гдѣ училищнымъ священникомъ былъ отслуженъ краткій молебенъ.

Пѣніе хора юнкеровъ невольно вызвало восхищеніе грековъ, никогда не слышавшихъ русскаго пѣнія и не видавшихъ русской церковной службы.

Черезъ два часа на краю деревни былъ розданъ улучшенный обѣдъ юнкерамъ. "Благодарные" жители съ трудомъ приподнесли 300 штукъ яицъ и 9 фунтовъ рису, которые тоже пошли въ котелъ.

Кромѣ того, удалось получить отъ богатыхъ мѣстныхъ грековъ бочку хорошаго краснаго вина. Вино особенно подкрѣпило молодежь юнкеровъ и обратный путь былъ пройденъ еще веселѣе. Эта прогулка осталась надолго въ памяти юнкеровъ.

А въ лагерѣ ,во время нашего отсутствія бушевалъ ураганъ. Многія палатки были окончательно изорваны и огромная зеленая палатка — классы — лежала на землѣ какими то безформенными брезентовыми глыбами.

Уже прошло почти полтора года, какъ Новочеркасское военное училище Войсковымъ Атаманомъ было переименовано въ Атаманское Военное Училище. Уже почти полтора года училище съ честью несло наименованіе "АТАМАНСКАГО" и въ кровавыхъ бояхъ, тяжелыхъ переходахъ, въ изгнаніи на о. Лемносѣ, оно всегда и высоко держало знамя "Атаманца".

Училище гордилось родственной связью съ старымъ Л.-Гв. Атаманскимъ полкомъ и вѣря ему, своему старшему брату, беря доблестные примѣры съ родного полка, — шло по его пути.

Гвардейскія георгіевскія петлицы молодого Атаманскаго военнаго училища, — были яркимъ показателемъ правильно взятаго направленія.

Хотѣлось болѣе сблизиться, хотѣлось слиться въ единую семью съ лихими голубыми васильками — старыми Атаманцами.

И это единеніе въ достиженіи общей цѣли — Славы Дона — училище хотѣло имѣть въ разрѣшеніи старыхъ Атаманцевъ — присвоенія училищу Атаманскаго марша.

Начальникомъ Училища, Генераломъ Максимовымъ, отъ 29 марта 1921 года было написано командиру Л.-Гв. Атаманскаго полка, — генералу Хрипунову слѣдующее письмо:

«Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь,
Михаилъ Григорьевичъ!

Ввѣренное мнѣ училище, въ день 50-лѣтія своего существованія, 8-го ноября 1919 года, получило наименованіе Атаманскаго.

Донской Атаманъ лично мнѣ сказалъ, что дать училищу это имя было его давнишней мечтой и искреннимъ желаніемъ связать училище съ однимъ изъ лучшихъ полковъ Дона — Л.-Гв. Атаманскимъ.

Старый Атаманецъ, нынѣ и нашъ училищный однополчанинъ, генералъ Богаевскій указалъ мнѣ держать съ нашимъ старшимъ братомъ — Л.-Гв. Атаманскимъ полкомъ — тѣсный контактъ. Числясь въ спискахъ Вашего полка и нашего училища, Донской Атаманъ тѣмъ самымъ явился первымъ связывающимъ Васъ и насъ звеномъ.

Пожалованныя училищу за боевыя отличія подъ Каховкой гвардейскія георгіевскія петлицы и наша училищная форма одежды — и по духу и по внѣшности сдѣлали насъ сродни Атаманцамъ. Но хотѣлось бы, чтобы и наши сердца бились въ унисонъ съ Вашими; хотѣлось бы, чтобы наше боевое училищное знамя развѣвалось подъ тѣ же звуки марша, что и Ваши безсмертные штандарты; хотѣлось бы, чтобы наиболѣе яркіе и сильные моменты въ жизни молодой Атаманской школы запечатлѣвались побѣдными звуками марша Л.-Гв. Атаманскаго полка.

Отъ имени своего и училища прошу Вашей санкціи на присвоеніе училищу полкового марша ввѣреннаго Вамъ Л.-Гв. Атаманскаго полка.

Захватывающіе звуки красиваго марша нашей старой гвардіи еще болѣе воодушевятъ сизокрылыхъ орлятъ сѣдого Дона, и въ исторію его вплетутъ еще не одну лавровую вѣтвь беззавѣтной службы Атаманца.

Общій полковой маршъ обяжетъ молодыхъ Атаманцевъ итти по завѣтамъ и историческимъ стопамъ своихъ старшихъ братьевъ, отцовъ и дѣдовъ ветерановъ-Атаманцевъ и быть вѣрными хранителями ихъ традиціи и обычаевъ.

Уважающій Васъ *А. Максимовъ*».

Л. Гв. Атаманскій полкъ не замедлилъ откликнуться на просьбу училища и его командиръ полка, генералъ Хрипуновъ, письмомъ своимъ отъ 15 апрѣля 1921 года, за № 367, сообщилъ:

«Многоуважаемый Алексѣй Михайловичъ!

Препровождаю при семъ постановленіе общества г. г. офицеровъ Л.-Гв. Атаманскаго полка.

«Общее собраніе г. г. офицеровъ Л.-Гв. Атаманскаго полка подъ предсѣдательствомъ полковника Захарова заслушало 10-го апрѣля письмо Начальника Атаманскаго военнаго училища, генерала Максимова къ командиру Л.-Гв. Атаманскаго полка генералу Хрипунову, съ просьбой о санкціонированіи полкомъ права на присвоеніе марша полка вышеуказанному училищу.

При обсужденіи этого вопроса общество г. г. офицеровъ не могло не отмѣтить недавнее, но славное прошло Атаманскаго военнаго училища, когда, въ смутную годину тяжелыхъ испытаній, оно смѣло и гордо шло по крестнымъ путямъ чести и любви къ своей Родинѣ и сѣдому Дону и такъ беззавѣтно проливало кровь въ тяжелыхъ бояхъ на поляхъ Каховки.

Теперь же, на далекой чужбинѣ, Атаманское военное училище является единственнымъ разсадникомъ военныхъ знаній и служитъ постояннымъ примѣромъ въ лицѣ г. г. офицеровъ и юнкеровъ воинскаго воспитанія и дисциплины.

Принимая во вниманіе боевое прошлое и услуги, оказанныя училищемъ Родинѣ и Дону, отмѣченныя высокими наградами, и образцовое состояніе училища въ настоящее время, — общество г. г. офицеровъ постановило: что съ его стороны на присвоеніе марша полка Атаманскому военному училищу препятствій не встрѣчается.

Да послужатъ звуки родного марша крѣпкимъ связывающимъ звеномъ между живущимъ второй вѣкъ полкомъ и славнымъ училищемъ и да живутъ и крѣпнутъ традиціи старой гвардіи въ сердцахъ молодыхъ юнкеровъ.

Да не забудутъ они, что только одинъ разъ, больше ста лѣтъ тому назадъ, дали Атаманцы свой родной маршъ 10-му Донскому казачьему полку за дружескую лихую и беззавѣтную поддержку полка въ битвѣ при Краонѣ и Лаонѣ въ 1813 году, и да будутъ отнынѣ родные звуки Атаманскаго марша еще болѣе воодушевлять Атаманское военное училище на ревностное служеніе, подвиги и жертвы нашей Великой Родинѣ».

Вполнѣ соглашаюсь съ постановленіемъ общества г. г. офицеровъ и отнынѣ съ чувствомъ особаго исключительнаго удовольствія буду слушать дорогіе звуки родного марша Атаманскаго военнаго училища, звуки котораго будутъ мнѣ всегда говорить о тѣсной и ненарушимой связи полка со славнымъ училищемъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности.

Вашъ покорный слуга Михаилъ *Хрипуновъ*».

Нужно ли описывать радость и гордость Атаманскаго военнаго училища, получившаго право на присвоеніе марша Л.-Гв. Атаманскаго полка.

19 апрѣля училище снова получило развлеченіе, исполнителями котораго явились юнкера 2-ой сотни. Ими была выполнена слѣдующая программа:

ПРОГРАММА.

Спектакля - кабарэ.

Юнкеровъ 2-ой сотни Атаманскаго Военнаго Училища.

ОТДѢЛЕНIЕ 1-ое.

"ИЗЪ ЛЮБВИ КЪ ИСКУССТВУ" — комедія въ 1-мъ дѣйствіи.

1. Кузьма Ивановичъ Инлюковъ — юн. Табунщиковъ.
2. Акулина Матвѣевна, его жена — м-ль Курдюмова Н.
3. Машенька — ихъ дочь — м-ль Балашевичъ.
4. Плоній Нарписовичъ Резеда — X.
5. Семенъ Васильевичъ Ромашевъ — ст. п.-юн. Мещеряковъ.

ОТДѢЛЕНIЕ 2-ое,

"ХИРУРГIЯ" — Инсценировка по разсказу Чехова

исп. ю.ю. Соловьевъ и Борисовъ.

"Менистрель" — мелодекламація — юн. Табунщиковъ.
"Малороссійскіе разсказы" — юн. Чулковъ.
"Пѣсни сибирскихъ бродягъ" — ю.ю. Автономовъ, Борисовъ, Прилѣпскій.

Окультистъ Денъ-Оглы-Амаръ — X.
Дуэтъ на корнетахъ — ххх.
Куплеты на злобу дня — юн. Понадцовъ.
"Страшнѣе смерти" — ххх.
Декламація — юн. Давыдовъ.

Хоръ сотенныхъ пѣсенниковъ.
Казачекъ.
Танцы.

Казалось, что все успокоилось и можно спокойно дожидаться переселенія въ другія страны.

Но 21 апрѣля снова появился приказъ генерала Бруссо о новой записи въ Бразилію, Корсику, на Дальній Востокъ и т. д...

На всѣхъ заборахъ, стѣнахъ нѣкоторыхъ бараковъ была расклеена новая "декларація".

ДЕКЛАРАЦІЯ. (Орфографія сохранена).

Франція не можетъ продолжать до безконечности пожертвованія, требуемыя для содержанія русскихъ бѣженцевъ; они сами должны выбрать одно изъ трехъ нижеслѣдующихъ рѣшеній:

1) Заботиться самимъ о существованіи,
2) Возвращаться въ Россію, или
3) Принять условія правительствъ, которыя предлагаютъ ихъ принять.

1) Бѣженцы, которые въ состояніи сами заботиться о своемъ существованіи.

Бѣженцы, имѣющіе свои средства или могущіе доказать, что они сами или при посредствѣ признанныхъ обществъ нашли себѣ работу для самосуществованія, могутъ покидать лагерь, гдѣ они помѣщены. Они должны имѣть необходимый паспортъ или свидѣтельства мѣстожительства.

2) Возвращеніе въ Россію.

Самые фантастическіе и тенденціозные слухи распространяются относительно отправки въ Россію. Правда заключается въ слѣдующемъ: бѣженцы добровольно заявили желаніе вернуться въ Россію, французскія власти вмѣшивались, чтобы отвергнуть всякое препятствіе послѣ добровольнаго желанія, чтобы пароходы снабжены были необходимымъ продовольствіемъ, такъ, напримѣръ: пароходъ, который отправленъ былъ въ Новороссійскъ, имѣлъ для всѣхъ пассажировъ продовольствіе на 15 дней, тогда какъ нормальное разстояніе только три дня. Пароходы, отправленные въ Одессу, имѣли продовольствіе на 10 дней вмѣсто 2-дневнаго нормальнаго рейса. Что же касается судьбы бѣженцевъ, отправленныхъ въ Россію, то радіо, посланное 5 апрѣля изъ Москвы, сообщаетъ, что не запрещено вернуться въ Россію — казакамъ, кретьянамъ и слу-

жащимъ, которые отказались бороться противъ совѣтскихъ властей, и никто изъ нихъ не будетъ преслѣдуемъ.

При организаціи новой отправки въ Одессу будутъ приняты необходимыя мѣры, чтобы всѣ бѣженцы, желающіе вернуться на свою родину, могли свободно выразить желаніе и не были притѣсняемы во время отхода.

3) *Въѣздъ въ страны, которыя предложили принять русскихъ бѣженцевъ.*

Государства, которыя предложили принять русскихъ бѣженцевъ въ настоящее время, слѣдующія: *Бразилія, Перу, Мадагаскаръ и Франція.*

Бразилія и Перу. Бразильское правительство, по требованію французскаго правительства, готово дать въ области *Санъ-Паоло* убѣжище и работу 20.000 русскимъ бѣженцамъ, при условіи, чтобы они были земледѣльцы и землепашцы. Перу согласилось принять 1.000 бѣженцевъ крестьянъ-землепашцевъ. Эти два государства — цивилизованныя страны, законы которыхъ защищаютъ и уважаютъ свободу и достоинство каждаго человѣка, живущаго на ихъ территоріи. Если бы эта гарантія не существовала, то французское правительство не согласилось бы на отправку въ Бразилію и Перу русскихъ бѣженцевъ. Слухи, которые распространены о судьбѣ русскихъ бѣженцевъ, будто бы они превращаются въ бѣлыхъ рабовъ, — ложны и тенденціозны. Бѣженцы, которые идутъ въ Бразилію и Перу, сохраняютъ русское подданство, и не обязателенъ для нихъ никакой срокъ для жительства. Климатъ здоровый и особенно годный для всякаго рода работъ земли; земледѣльческія эксплоатаціи огромны и очень процвѣтаютъ, и бѣженцы, по ихъ прибытіи, могутъ найти себѣ работу, которая позволитъ имъ существовать. Въ настоящее время организуется первая отправка бѣженцевъ въ количествѣ 10.000; достаточное число бѣженцевъ уже записано, и всѣ мѣры приняты, чтобы всякій могъ свободно выразить свое желаніе, не боясь быть посмѣшищемъ или притѣсненъ кѣмъ бы то ни было. Небольшое количество русскихъ, которые были эвакуированы въ Тунисъ, то-есть 900 человѣкъ, отправились уже въ Бразилію.

Мадагаскаръ. Мадагаскарская колонія назначена для хорошихъ рабочихъ дерева и построекъ. По ихъ прибытіи, они будутъ приняты въ разныхъ общественныхъ и частныхъ верфяхъ. Бѣженцы, идущіе на Мадагаскаръ, должны быть увѣрены, что они будутъ приняты хорошо.

Франція. Національное Французское Отдѣленіе ручной земледѣльческой работы можетъ найти мѣсто русскимъ работникамъ слѣдующихъ категорій: поденщикамъ, землепашцамъ, ломовымъ извозчикамъ, волопасамъ, пастухамъ, рабочимъ для обработки винограда, виноградарямъ, дровосѣкамъ, рабочимъ, умѣющимъ доить, косарямъ, кондукторамъ косныхъ машинъ, жатвенныхъ машинъ и тракторовъ. По прибытіи бѣженцы получаютъ жалованіе, которое соотвѣтствуетъ вознагражденію французскихъ рабочихъ тѣхъ же категорій. Транспортъ русскихъ бѣженцевъ въ вышеназванныя страны дѣлается безплатно со стороны французскаго правительства». (Подписи нѣтъ).

И опять подпольная агитація среди юнкеровъ, опять волненія, желаніе хотя бы куда-либо вырваться съ проклятаго Лемноса и начались новыя записи...

Прошло всего нѣсколько дней, опять появилась новая "Декларація". Отлитографированная на камнѣ, въ сотняхъ экземплярахъ, она усердно расклеевалась сенегальцами и раздавалась въ лагеря полковъ.

На дверяхъ же французскаго барака, гдѣ помѣщался "Штабъ" былъ прибитъ огромный плакатъ этой декларапіи, печатанный дюймовыми русскими буквами. Декларація была слѣдующаго содержанія:

ДЕКЛАРАЦІЯ.

Послѣ эвакуапіи Крыма, русскіе бѣженцы безъ помощи Франціи должны бы были погибнуть отъ голода и болѣзней.

Изъ-за человѣколюбія, не имѣя въ виду никакой политической цѣли, Франція приняла на себя заботу о бѣженцахъ и содержитъ ихъ почти уже пять мѣсяцевъ.

Это содержаніе обходится Франціи 40 милліоновъ франковъ въ мѣсяцъ. За пять мѣсяцевъ истрачено 200 милліоновъ франковъ, тогда какъ гарантіи, данныя русскимъ командованіемъ и состоящія въ судахъ, сырьѣ и т. д., представляютъ собою 30 милліоновъ франковъ.

Франція счастлива тѣмъ, что она могла спасти около 100.000 русскихъ, но будучи сама сильно изнурена войной, она не можетъ продолжать безконечно приносить столь тяжелыя жертвы.

Для всѣхъ русскихъ бѣженцевъ является вопросомъ достоинства и чести принятіе предложенныхъ имъ способовъ выйти изъ положенія бѣженцевъ и честно добывать своимъ трудомъ средства для существованія.

Независимо отъ этого вопроса чести, для бѣженцевъ является также вопросомъ насущной необходимости обезпечить себѣ честное и достойное существованіе трудомъ, такъ какъ французское правительство вынуждено рано или поздно прекратить ихъ содержаніе». (Подписей нѣтъ).

Произошелъ даже смѣшной инцидентъ между юнкерами и французами изъ-за этой деклараціи.

Съ утра, на дверяхъ французскаго барака, находившагося на косогорѣ, всего въ 50 шагахъ отъ нашего лагеря, появился огромный плакатъ "деклараціи".

Замѣтивъ его, наши юнкера стали стекаться къ бараку и съ любопытствомъ читая ее, начали списывать. Часто взрывы хохота и колкіе намеки — неслись изъ группы собравшихся.

Вдругъ въ дверяхъ показывается взбѣшенный французскій офицеръ, захлопываетъ дверь передъ юнкерами, но не забываетъ все же сунуть десятокъ листовокъ "деклараціи", но уже небольшого размѣра.

Что было интересно, такъ это то, что и здѣсь подписей французовъ не существовало. Отъ кого это исходило — было неизвѣстно.

Видно авторамъ было стыдно указывать себя и подписываться тамъ, гдѣ они трактуютъ о "чести, достоинствѣ русскихъ людей".

Шли дни... Незамѣтно прошла недѣля говѣнія для всего училища; наступили святые дни воспоминаній страданій Христа Спасителя.

Вербная суббота съ раздачей вербочекъ, съ большимъ трудомъ отысканныхъ въ районѣ нашего лагеря, принесла массу воспоминаній изъ далекаго, милаго прошлаго...

Но молодежь не унывала; смѣхъ слышался по всему лагерю, по старому обычаю хлестали вербочками другъ друга.

Многіе юнкера, вооружившись уже вербочками болѣе солидныхъ размѣровъ, пользуясь великолѣпнымъ вечеромъ, пошли въ отпускъ въ лагери другихъ частей.

Слѣдующій день испортилъ настроеніе училища. Съ утра пошелъ небольшой дождь, перешедшій къ 2 часамъ дня въ огромной силы ливень. Бѣдные, вымокшіе юнкера, не найдя спасенія въ палаткахъ, искали убѣжища. А ливень принималъ все болѣе страшные размѣры. По ровикамъ гудѣла вода, сбѣгая каскадами въ заливъ, принявшій сразу грязно-коричневый оттѣнокъ.

25 апрѣля вечеромъ въ училищѣ было опять ликованіе. Генералъ Абрамовъ получилъ почту изъ Константинополя, въ которой ему сообщалось: "что Сербія оффиціально рѣшила взять Русскую Армію и бѣженцевъ. Русская Армія, въ количествѣ 11 тысячъ будетъ взята на пограничную стражу, а остальные на работы, по проведенію новыхъ ж. д. и шоссе.

Что въ Константинополь прибыли изъ Парижа Гучковъ и Харламовъ и изъ Варшавы — Савинковъ, которые сообщили, что разложеніе въ совѣтской Россіи идетъ быстрымъ темпомъ, что самодержавіе совѣтовъ падетъ къ іюню и что къ осени мы будемъ дома, въ Россіи.

Это было объявлено Начальникомъ училища, собравшимся юнкерамъ, казакамъ и офицерамъ училища.

Во время рѣчи Начальника училища, изъ лагеря лазарета доктора Нечаева, расположеннаго рядомъ съ нами, бѣжали въ нашъ лагерь служащіе лазарета слушать эти выдающіяся въ нашей безпросвѣтной лемносской жизни новости.

Сотни рукъ сняли фуражки и послѣдовали примѣру Начальника училища, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Скоро домой... И вѣрилось, и нѣтъ...

Наступилъ Святой и Великій Четвергъ. Сквозь полотнища большой палатки-церкви мерцаютъ десятки зажженныхъ свѣчей... Вся палатка была переполнена молящимся. Гулко раздавались дребезжащіе удары церковнаго "колокола", отбивавшаго число прочитанныхъ Евангелій...

Наступила и Великая Св. Суббота. Съ ранняго утра были ра-

зосланы юнкера за полевыми цвѣтами, плелись гирлянды, устраивалась арка, украшавшаяся принесенными цвѣтами.

Выметались палатки, все чистилось и принимало праздничный видъ. Около палатокъ, стоявшихъ на пескѣ и совершенно лишенныхъ зелени, укладывался принесенный издалека зеленый дернъ. Каждая палатка щеголяла своимъ убранствомъ и затѣйливыми рисунками изъ камня, зелени и цвѣтовъ около нея.

Тихо спустилась на землю, темная, теплая Пасхальная ночь. Какъ-то все притаилось, затихло.... Только сотни огней отъ костровъ, разбросанныхъ по всему отрогу скалистаго Лемноса свидѣтельствовали, что жизнь человѣческая не замерла, что Донское казачество готовится къ Великому празднику

Было тихо и въ лагерѣ училища. Но лагерь не спалъ. Слышались разговоры въ полголоса изъ разныхъ концовъ лагеря; юнкера дѣлились своими воспоминаніями этой Святой ночи, когда они были дома среди родныхъ и близкихъ дорогихъ лицъ.

Эти воспоминанія, эта ночь наводили щемящую тоску по далекому сѣверу, на людей, не имѣющихъ своего отечества, не имѣющихъ правъ и свободы...

Часовая стрѣлка подходила къ полуночи. Церковь училища, украшенная живыми цвѣтами, преимущественно маками и ромашками, съ зажженными лампадами и свѣчами у иконъ, была уже наполнена, молящимися. Читались "часы" у Св. Плащиницы, стоявшей посрединѣ церкви.

Подошедшій къ церковной "колокольнѣ" юнкеръ, взялъ "било" — какой-то рычагъ, отъ машины взорваннаго миноносца, перекрестился и началъ бить по импровизованному колоколу.

Гулкіе удары понеслись по воздуху и полетѣли надъ задремавшимъ было Лемносскимъ заливомъ, достигая палатокъ другихъ частей корпуса. Началась заутреня.

Невольно вспомнился Новочеркасскъ, родные звуки соборнаго колокола и радостный, ликующій перезвонъ колоколовъ другихъ церквей города...

Начался крестный ходъ по лагерю училища. Съ пылающими факелами, несомыми назначенными для этого юнкерами, двигалась духовная процессія кругомъ училищнаго лагеря, а сзади шла огромная, молчаливая и грустная толпа молящихся...

"Воскресеніе Твое Христе Спасе" —пѣлъ юнкерскій хоръ. Мерцали свѣчи въ рукахъ молящихся. Это была торжественная и неизгладимая никогда изъ памяти минута.

Медленно былъ обойденъ весь лагерь и процессія остановилась у церкви...

"Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ" — понеслись торжествующіе напѣвы — побѣды жизни надъ смертью.

Какъ-то невольно нѣкоторые вздрогнули. Это было не неожиданностью, это было скорѣе нервное, жуткое...

Началась заутреня. Съ грустнымъ лицомъ служилъ училищный священникъ эту торжественную службу.

Грустные, невеселые стояли юнкера и офицеры. Думы каждаго изъ нихъ были не здѣсь. Невольно летѣли онѣ туда, домой, къ роднымъ и дорогимъ лицамъ.

"Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его" началъ пѣть хоръ. Началось христосываніе... Нервы не выдержали и у многихъ показались слезы; слезы не радости Св. Празднику, а безысходной тоски, что въ эти великіе дни любви, всепрощенія, мы были изгнанниками своей Русской земли: "Христосъ Воскресе!"

Христосъ Воскресе! — вамъ униженные, оскорбленные, съ далекаго угрюмаго Лемноса шлютъ офицеры и юнкера-Атаманцы. Христосъ Воскресе!

А въ эти минуты загудѣлъ, пришедшій вчера транспортъ "Ріонъ".

Онъ повезъ "желающихъ" въ Бразилію. Всего изъ Донского, Кубанскаго и бѣженскаго лагеря соблазнились великолѣпно расписанными перспективами французовъ, приблизительно около 1.500 человѣкъ.

Изъ училища уѣхало: 10 юнкеровъ, казаковъ нестроевой сотни — 9*).

Дальновидныя власти брали подписки, что отъѣзжающіе были, дѣйствительно, сельско-хозяйственные рабочіе и земледѣльцы. Только отбирая эти подписки, французы грузили желавшихъ на "Ріонъ", ибо "бразильцы" опредѣленно высказались, какихъ имъ рабочихъ необходимо.

И если бы прибывшіе въ Бразилію такими не оказались, то за счетъ французовъ они будутъ отправлены обратно. Причемъ власти брали подписки, предупреждая отъѣзжающихъ, что за обманъ французскаго правительства, желающаго добра русскимъ бѣженцамъ, французы будутъ предавать суду, карающему тяжелыми работами и тюрьмой.

*) См. приложеніе II.

8.

Яркое утреннее солнышко обогрѣвало землю, давая хорошее, спокойное настроеніе. Весело и оживленно поднимались юнкера.

Кровати были составлены изъ всякой дряни, валявшейся въ окрестностяхъ лагеря, какъ-то: старыхъ, заржавленныхъ банокъ изъ подъ галетъ и масла, кусковъ желѣза, камня. Нѣкоторые, болѣе предпріимчивые, достали настилы досокъ съ греческаго бывшаго аэродрома, гдѣ они несли караулы. Веселый смѣхъ слышился отовсюду.

Въ 9 часовъ утра было назначено общее разговѣніе съ юнкерами на передней линейкѣ. Группы юнкеровъ, по-сотенно, за примитивными столами, прямо на землѣ, на одѣялахъ, въ различныхъ позахъ, — представляли живописную картину.

На "столахъ" — были небольшіе куличи, яйца, вино. Въ пустыхъ жестянкахъ изъ подъ консервовъ стояли букеты полевыхъ цвѣтовъ съ ярко выдѣляющимися красными маками.

Оживленно прошелъ этотъ пасхальный завтракъ-разговѣніе. Офицеры сидѣли съ юнкерами по-сотенно, а за отдѣльнымъ столикомъ сидѣла группа преподавателей училища, Начальникъ Училища и Командиръ Донского Корпуса, генералъ Абрамовъ.

Въ 11 часовъ дня около мельницъ состоялся парадъ всѣмъ частямъ Донскаго корпуса, который принималъ Командиръ Корпуса.

Лихо прошли церемоніальнымъ маршемъ юнкера и отойдя въ сторону наблюдали за прохожденіемъ другихъ частей войскъ.

Бѣлыя рубахи, платья дамъ, толпа грековъ въ національныхъ костюмахъ, бодрые звуки марша, поднимали настроеніе.

Парадъ закончился и юнкера пошли въ свой лагерь. А оттуда неслись звуки трезвона нашихъ церковныхъ "колоколовъ", которые съ ранняго утра и до 6 час. вечера слышались во всемъ лагерѣ. Это былъ чисто рускій, пасхальный трезвонъ.

Особенно изощрялись въ трезвонѣ юнкера — бывшіе семинаристы, доходившіе до виртуозности. "Звонило" на трехъ колоколахъ, обыкновенно человѣкъ шесть, держа въ каждой рукѣ по "желѣзякѣ".

Для улучшенія пищи въ дни Св. Пасхи, Донскимъ Атаманомъ и Донскимъ Правительствомъ назначено было изъ войсковыхъ суммъ 11.615 драхмъ, коотрыя и были распредѣлены между частями Донского корпуса, причемъ на училище пришлось 950 драхмъ.

Это вниманіе и забота Атамана объ изгнанникахъ Лемноса сильно насъ тронула послѣ ужаснаго французскаго голоднаго пайка. Люди получили возможность по-человѣчески встрѣтить день св. Пасхи.

Донской корпусъ отъ Главнокомандующаго Русской Арміи получилъ слѣдующую телеграмму:

«Поздравляю родныхъ соратниковъ, всѣхъ чиновъ Арміи и Флота со Свѣтлымъ Праздникомъ. Да будетъ наступающій праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія предвѣстникомъ близкаго воскресенія нашей несчастной Родины. Да приведетъ крестный путь Русской Арміи къ свѣтлому будущему Великой Россіи».

Генералъ *Врангель*.

Въ приказѣ по Донскому корпусу отъ 29-го апрѣля приведено было поздравленіе съ Св. Праздникомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Христосъ Воскресе! Вамъ, дорогіе Донцы, я передаю этотъ привѣтъ и поздравленіе съ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Въ трудной и тяжкой обстановкѣ встрѣчаемъ мы эти дни, лишь любовь и вѣрность Тихому Дону привели насъ сюда. Тяжело ваше испытаніе: многіе слабые духомъ не выдержали его и, склонивъ голову, пошли подъ позорную палку насильниковъ воли казачьей. Но вы, богатыри духомъ, будьте попрежнему сильны своею любовью къ Родинѣ, крѣпки своимъ единствомъ. Держитесь другъ друга, не распыляйтесь, и желанное освобожденіе Родины будетъ скоро достигнуто. Вспомнимъ въ эти дни родные хутора и станицы, имъ пошлемъ мысленно нашъ братскій привѣтъ: «Христосъ Воскресе».

Генералъ *Абрамовъ*».

Въ приказѣ же по Донскому лагерю отъ 30-го апрѣля былъ приведенъ слѣдующій рядъ телеграммъ:

По случаю праздника Св. Пасхи мною отправлены телеграммы: Главнокомандующему Русской Арміей.

«Русскія войска съ острова Лемноса почтительнѣйше приносятъ свои поздравленія съ праздникомъ Св. Пасхи ихъ Верховному Вождю. Донцы, Кубанцы, Терцы и Астраханцы, не склонившіе головъ подъ ударами судьбы, продолжаютъ, какъ и ранѣе, открыто и смѣло смотрѣть въ лицо будущему, вѣря, что недалекъ часъ, когда руководимые твердой рукой своего Главнокомандующаго, они въ составѣ Русской Арміи, отпразднуютъ Свѣтлое Воскресеніе своей многострадальной Родины.

Христосъ Воскресе!

Начальникъ Лемносской группы войскъ Русской Арміи

Генералъ-лейтенантъ *Абрамовъ*».

Командиру 1-го Армейскаго корпуса, генералу Кутепову.

«Донцы, Кубанцы, Терцы и Астраханцы поздравляютъ Васъ и доблестныя войска 1-го Армейскаго корпуса съ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія и непоколебимо вѣрятъ въ близкое воскресеніе нашей многострадальной Родины. Соединяющія казаковъ и добровольцевъ узы, крѣпко спаянныя пролитой за общее дѣло на Дону, Кубани, Терекѣ и Астраханскихъ степяхъ кровью

лучшихъ сыновъ Россіи, да послужатъ залогомъ торжества той идеи, во имя которой уже четвертый годъ ведетъ безпримѣрную героическую борьбу Русская Армія. Христосъ Воскресе!

Остр. Лемносъ. Начальникъ Лемносской группы войскъ
Генералъ-лейтенантъ *Абрамовъ*».

Отъ командира 1-го Армейскаго корпуса получена слѣдующая телеграмма:

«Генералу Абрамову. Ввѣренный мнѣ корпусъ поздравляетъ Васъ и славныхъ Донцовъ, Кубанцевъ, Терцевъ и Астраханцевъ съ праздникомъ Св. Пасхи. Съ гордостью вспоминая время, когда въ рядахъ 1-ой Арміи боролись за нашу общую Родину доблестные казаки, твердо надѣемся, что недалекъ тотъ часъ, когда мы снова вернемся на Родину и крѣпкой стѣной станемъ на защиту ея свободы. Христосъ Воскресе!

Командиръ 1-го Армейскаго корпуса генералъ-отъ-инфантеріи *Кутеповъ*».

26-го апрѣля Командиръ корпуса приказалъ произвести новый пріемъ молодыхъ людей на младшій курсъ училища, куда условія поступленія нижеслѣдующія:

1) Возрастъ — не моложе 17 лѣтъ,

2) Образованіе 1-го разряда и 2-го разряда, причемъ послѣднимъ, послѣ нѣкоторой подготовки будетъ произведенъ экзаменъ на полученіе правъ 1-го разряда.

3) Срокъ обученія — 2-хъ годичный (съ显 коннымъ и пластунскимъ отдѣлами),

4) Предварительное медицинское освидѣтельствованіе,

5) Поступающій долженъ быть обмундированъ.

Было отдано въ приказѣ по корпусу всѣмъ Начальникамъ частей, Управленій и учрежденій Донского лагеря, 26-го апрѣля къ 10 часамъ, а командиру Донской бѣженской бригады по полученіи приказа, командировать въ Атаманское училище всѣхъ лицъ, желающихъ и удовлетворяющихъ указаннымъ условіямъ. Поступающимъ въ училище изъ войсковыхъ частей командировать съ послужными списками или краткими записками о службѣ.

Всего было принято въ младшій классъ, на конный отдѣлъ — 19 воинскихъ чиновъ, которые временно, до зачисленія ихъ юнкерами, были прикомандированы къ 1-ой сотнѣ юнкеровъ, для предварительнаго испытанія.

На третій день Пасхи погода испортилась. Періодъ дождей прошелъ, начался періодъ лемносскихъ "сквозняковъ". Подулъ опять сильнѣйшій вѣтеръ, понеслась пыль, вздымались тучи песку, засы-

пая глаза. Во всѣ щели палатокъ (а ихъ было такъ много) проникала пыль и густымъ слоемъ ложилась на все. Спастись отъ нея было такъ же немыслимо, какъ и отъ дождя.

Въ этотъ день училище принимало представителей офицерскаго состава лихого Л.-Гв. Атаманскаго полка.

Въ большой зеленой палаткѣ были накрыты столы на 49 человѣкъ, украшенные цвѣтами.

Отъ Атаманскаго полка присутствовало шесть человѣкъ. Было сказано много тостовъ, въ которыхъ такъ явно проскальзывало то начавшееся единенiе, сплоченность и безконечная любовь къ своему родному Дону — между молодымъ Атаманскимъ училищемъ и старымъ, боевымъ Л.-Гв. Атаманскимъ полкомъ. Торжественные звуки общаго Атаманскаго марша подчеркивали это единенiе.

14-го мая состоялись спортивныя состязанiя юнкеровъ по слѣдующей программѣ:

ПРОГРАММА СОСТЯЗАНIЙ:

1) Бѣгъ на 100 метровъ, 2) барьерный бѣгъ на 90 метровъ, 3) бѣгъ на пересѣченной мѣстности на 500 метровъ, 4) прыжки въ длину, 5) прыжки въ высоту, 6) упражненiя на турникѣ, 7) упражненiя на параллельныхъ брусьяхъ, 8) индивидуальныя упражненiя на снарядахъ, 9) офицерскiя состязанiя.

Въ состязанiяхъ приняли участiе 30 юнкеровъ и 3 офицера.

Побѣдителями вышли, дали слѣдующiе результаты и получили слѣдующiе призы:

Бѣгъ на 100 метровъ: 1) 2-ой сотни порт.-юнкеръ Автономовъ — 12,4 секунды — бритва, 2) 3-ей сотни порт.-юнкеръ Клочковъ — 12,7 секунды — кружка; 3) 1-ой сотни юнкеръ Баландинъ — 12,8 секунды — ножъ; 4) 3-ей сотни юнкеръ Карнѣевъ — 12,8 секунды — записная книжка.

Барьерный бѣгъ на 90 метровъ: 1) 3-ей сотни юнкеръ Карнѣевъ — 16,4 секунды — бритва; 2) 1-ой сотни юнкеръ Манцыновъ — 16,5 секунды — ножъ; 3) 1-ой сотни порт.-юнкеръ Гришинъ — 16,7 секунды — кружка; 4) 1-ой сотни юнкеръ Кащеевъ — 16,8 секунды — записная книжка.

Бѣгъ на 500 метровъ: 1) 3-ей сотни порт.-юнкеръ Губкинъ — 2 мин. 16 сек. — бритва; 2) 3-ей сотни порт.-юнкеръ Клочковъ — столовый приборъ; 3) 3-ей сотни юнкеръ Полухинъ — ножъ; 4) 2-ой сотни юнкеръ Краснопрошинъ — записная книжка.

Прыжки въ высоту: 1) 1-ой сотни юнкеръ Баландинъ — 1 метръ

42,5 сант. — табакерка. 2) 2-ой сотни юнкеръ Автономовъ — 1 метръ 42,5 сант. — ножъ; 3) 2-ой сотни порт.-юнкеръ Сибирсковъ — 1 метръ 35 сант. — записная книжка.

Прыжки въ длину: 1) 1-ой сотни юнкеръ Баландинъ — 5 метровъ 7,5 сант. — шпоры (призъ Начальника училища); 2) 1-ой сотни порт.-юнкеръ Артемовъ — 4 метра 93 сант. — кружка, 3) 2-ой сотни юнкеръ Автономовъ — 4 метра 90 сант. — ножъ; 4) 2-ой сотни юнкеръ Савченковъ — 4 метра 82,5 сант. — табакерка, подаренная для призовъ изъ публики.

Турникъ: 1) 2-ой сотни порт.-юнкеръ Сибирсковъ — шпоры; 2) 2-ой сотни порт.-юнкеръ Автономовъ — табакерка; 3) 1-ой сотни порт.-юнкеръ Артемовъ — ножъ; 4) 3-ей сотни порт.-юнкеръ Балтюковъ — кружка.

Параллельныя брусья: 1) 3-ей сотни юнкеръ Ананьевскій — бритва; 2) 2-ой сотни порт.-юнкеръ Автономовъ — шпоры; 3) 2-ой сотни порт.-юнкеръ Сибирсковъ — ножъ.

Индивидуальныя упражненія: первымъ показалъ себя 1-ой сотни порт.-юнкеръ Рожковъ, давшій на турникѣ и на параллельныхъ брусьяхъ рядъ замѣчательно эффектныхъ, красивыхъ и чисто исполненныхъ упражненій. Призъ — бритва съ приборомъ.

Офицерскія упражненія (на снарядахъ): лучшимъ былъ признанъ хорунжій Самсоновъ, помощникъ инструктора гимнастики, который получилъ призъ, подарокъ г-на Жеоржіадисъ.

Кромѣ того, изъ всѣхъ участниковъ, получившихъ призы, юнкеръ 1-ой сотни Баландинъ былъ удостоенъ приза г. г. офицеровъ училища —полевая сумка, какъ получившій наибольшее число призовъ по разнымъ видамъ спорта.

Въ составъ жюри, присудившаго первенство участникамъ состязанія, входили: 1) предсѣдатель — командиръ Терско - Астраханскаго полка, генералъ-маіоръ Агоевъ; члены: 1) Техническаго Донского полка — полковникъ Кудиновъ, 2) 8-го Донского казачьяго полка — полковникъ Мишустовъ, 3) Офицерской сотни 2-ой Донской казачьей дивизіи — полковникъ Сахрановъ. Секретарь жюри: помощникъ адъютанта училища подъесаулъ Харитоновъ.

Призы были выданы по окончаніи состязаній при звукахъ туша, исполненнаго оркестромъ училища и апплодисментахъ присутствующихъ.

22-го мая/9-го по ст. ст., въ день перенесенія мощей Св. Николая Чудотворца и въ память основанія Ордена Св. Николая, на

плацу около залива состоялся парадъ всѣмъ частямъ Донского корпуса.

Въ 10 часовъ утра училище со знаменемъ, съ оркестромъ музыки, въ бѣлыхъ рубахахъ и голубыхъ безкозыркахъ, стройными колыхающимися рядами тронулось изъ лагеря на мѣсто сбора всѣхъ частей корпуса.

Было собрано до 5-ти тысячъ донскихъ казаковъ. На флангѣ всѣхъ частей, построенныхъ покоемъ, стоялъ Терско - Астраханскій полкъ.

Распущенныя знамена, красивые полковые и сотенные значки, бѣлые ряды войскъ, при великолѣпной солнечной погодѣ, — представляли красочную картину.

Передъ войсками былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, послѣ котораго командиръ корпуса, кавалеръ ордена Св. Николая Чудотворца, произнесъ рѣчь, охарактеризовавъ возникновеніе ордена и его сегодняшнее празднованіе.

Здравица Верховному Главнокомандующему, генералу Врангелю, была подхвачена тысячами голосовъ и громкое "ура", какъ бурный шквалъ, раскатилось далекимъ эхомъ по склонамъ угрюмаго, скалистаго Лемноса.

Это былъ парадъ Русскихъ войскъ, красивый, бѣлый парадъ, послѣ вшивой жизни, мокнувшихъ подъ дождемъ и страдающихъ отъ голода и холода воиновъ.

Прежніе были не похожи на настоящихъ. Время и погода измѣнили людей до неузнаваемости. Это былъ стройный лемносскій парадъ.

Лихо прошли юнкера церемоніальнымъ маршемъ, но эта лихость отозвалась на состояніи юнкеровъ.

Простоявъ на парадѣ около 50 минутъ, изнуренные недоѣданіемъ, нѣкоторые юнкера не выдержали, и 4 юнкера упали въ обморокъ. Ясно обнаруживалось малокровіе, и малѣйшая напряженная работа приводила моментально къ полному упадку силъ.

Этотъ день былъ началомъ переформированія Донскихъ частей, въ связи съ подготовкой къ отправкѣ ихъ въ дружественныя намъ страны, въ Сербію и Болгарію, откуда были получены вполнѣ опредѣленныя заявленія о принятіи Русскихъ войскъ на ихъ территорію.

Отъѣздъ перваго эшелона ожидался въ самомъ непродолжительномъ времени.

2-ая Донская дивизія была сведена въ одинъ Гундоровскій полкъ, предназначенный къ отправкѣ въ Болгарію на работы.

Гундоровскій полкъ и влившійся въ него 8-ой Донской казачій полкъ рѣшили свои боевыя знамена передать на храненіе, вплоть до возрожденія этихъ полковъ, Атаманскому военному училищу; знамена послѣ парада были торжественно перенесены и сданы училищу.

Начальникомъ училища по этому случаю былъ отданъ слѣдующій приказъ по училищу:

«Атаманцы! Бывшая наша славная 2-ая Донская дивизія, сведенная нынѣ въ одинъ Гундоровскій полкъ, въ самые ближайшіе дни временно отдѣляется отъ корпуса и уходитъ на мирныя работы въ Болгарію.

Но душой и сердцемъ эта безсмертная дивизія будетъ съ нами, и въ знакъ постояннаго своего единенія со своими братьями она оставляетъ здѣсь свои старыя знамена. Этимъ знаменамъ болѣе 350 лѣтъ. Подъ этими знаменами лѣтали по Сибири, Европѣ и Россіи доблестные Донскіе полки съ нашими вихрь-атаманами; эти же знамена водили къ побѣдамъ и нашихъ отцовъ, братьевъ и сыновей.

Это — дорогія, обвѣянныя духомъ и славою побѣдъ святыни нашего Дона. Имѣть, хранить и итти за ними — честь для каждаго изъ истыхъ сыновъ старика-отца Дона Ивановича. И эта честь выпала отнынѣ на васъ, Атаманцы.

Передать свои боевыя регаліи, а съ ними и святые завѣты нашихъ предковъ, передать ихъ именно вамъ, а не какимъ-либо другимъ войсковымъ частямъ, было единодушнымъ желаніемъ всѣхъ чиновъ славной дивизіи. Гордитесь такимъ высокимъ довѣріемъ къ вамъ и примите эти знамена, какъ высшую моральную награду за всѣ ваши лишенія и испытанія. Но помните, что такое высокое довѣріе къ вамъ обязываетъ васъ ко многому и прежде всего ко всему честному и благородному. Не обманите жъ надеждъ и чаяній испытанныхъ отпрысковъ Дона: будьте стойки и непоколебимы, будьте вѣрными часовыми и самихъ знаменъ, и тѣхъ высокихъ, святыхъ завѣтовъ, которые начертаны на нихъ; будемъ вѣрить, что съ новыми знаменами раскроются и новыя свѣтлыя страницы нашего будущаго. Богъ намъ въ помощь!

Къ полученнымъ знаменамъ назначаются:

Къ знамени Георгіевскаго Гундоровскаго полка: знаменщикомъ — 3-ей сотни порт.-юнкеръ Кудиновъ Павелъ и ассистентомъ — той же сотни мл. порт.-юнкеръ Тарановскій Леонидъ.

Къ знамени 8-го Донского казачьяго полка: знаменщикомъ — 1-ой сотни мл. порт.-юнкеръ Прянишниковъ Борисъ и ассистентомъ — той же сотни мл. порт.-юнкеръ Рожковъ Иванъ».

9.

23-го мая утромъ на рейдѣ Лемносскаго залива показался огромный турецкій пароходъ "Решидъ Паша", на который и былъ погруженъ Гундоровскій полкъ. Быстро исчезли по склону горъ

палатки, "желѣзные дома"; лагерь Донского корпуса замѣтно опустѣлъ.

Слышались веселыя казачьи пѣсни, и сотни, одна за другой, нагруженныя своимъ скарбомъ, двигались къ пристани.

Это были первыя ласточки нашего отъѣзда съ проклятаго Лемноса. Какъ-то стало легче на душѣ, стало лучше настроеніе.

Уѣхало 1.200 казаковъ. И радостно было всѣмъ. Кричали "ура", махали фуражками, платками... "увидимся въ Россіи!" — слышались возгласы съ болиндеровъ, перевозившихъ отъѣзжающихъ на "Решидъ Пашу".

Это былъ отъѣздъ казаковъ, совершенно не схожій съ отъѣздомъ въ Бразилію и Сов. Россію, — мрачными, злыми, потерянными лицами. Эти ѣхали въ братскую страну, ближе къ дорогой, измученной Родинѣ — Россіи.

Было предположеніе, что каждую недѣлю будутъ отправлять и въ Сербію, по одной тысячѣ человѣкъ, которыхъ обмундирують, вооружатъ и поставятъ на пограничную стражу. А тамъ, дальше, придетъ очередь и Атаманскаго военнаго училища.

"Решидъ Паша" ушелъ.

Наступали все болѣе и болѣе жаркіе дни. Юнкера цѣлыми днями купались въ заливѣ, и ихъ громкій здоровый хохотъ несся со второй пристани, находящейся рядомъ съ лагеремъ училища.

Иногда раздавались крики — "осьминогъ!", и тогда "пулей" вылетали голыя тѣла изъ воды и пристально вглядывались въ прозрачную, какъ стекло, воду. А тамъ, притаясь между камнями, чуть замѣтный отъ морского дна и камней, лежалъ спрутъ. Его обыкновенно накалывали багромъ и вытаскивали на берегъ.

Безобразные, ужасные на видъ спруты, съ восмью длинными щупальцами, усѣянными сотнями сосочковъ, сразу наводили панику на купающихся, которые долго не рѣшались лѣзть въ воду.

Размѣръ осьминоговъ рѣдко доходилъ до 1½ аршинъ въ діаметрѣ. Обыкновенно "счастливчики" продавали его грекамъ, которые давали за него отъ 3 до 10 драхмъ, покупая его для ѣды.

Нѣкоторые юнкера, рыболовы-любители, въ свободные часы сидѣли съ "грузилами" и удили рыбу для улучшенія своего питанія. Иногда брали лодку у Земскаго Союза и, бросивъ якорь-камень на серединѣ залива, подъ палящими лучами солнца, изнемогая отъ жары, тоже удили.

Но результаты большинства были плачевные, и рыбаки, обо-

жженные солнцемъ, истомленные, съ десяткомъ рыбешекъ, возвращались домой.

Хотѣлось юнкерамъ хоть чѣмъ-либо набить свои пустые желудки, но все сводилось къ казенному пайку французовъ, удивительно однообразному — что сегодня, то и завтра.

Обыкновенно горячая пища состояла изъ горячей воды, въ которой въ небольшомъ количествѣ варилась чечевица или фасоль-бобы.

Для навара добавлялись "кубики", состоящіе изъ гороха, жировъ и костяной муки. Да единицами плавалъ полугнилой картофель.

Подобную похлебку давали только одинъ разъ въ день, какъ обѣдъ; 200 граммъ жилистыхъ, какъ называли юнкера, "обезьяньихъ" консервовъ, не наполняли желудка, да къ тому же, въ начавшійся періодъ жаркихъ дней, эти консервы покрывались какой-то слизью и зачастую выбрасывались. Оставался только голый чай.

Небольшой кусокъ хлѣба въ 400 граммовъ, довольно невкуснаго, часто подмокшаго и заплѣсневѣлаго, было очень трудно распредѣлить на весь голодный день. Обыкновенно небольшой хлѣбецъ разрѣзали на четыре части, и рѣзавшій, закрывая собою нарѣзанные ломти, указывая на какой-либо кусокъ, кричалъ: "кому, кому?"... другой же называлъ фамиліи обитателей палатки.

Этимъ жребіемъ устранялись ошибки дѣлежа хлѣба, и куски, нарѣзанные съ ошибкою въ единицахъ граммъ, — доставались на "счастье".

Въ виду наступившей жары, юнкерамъ въ районѣ лагеря внѣ строевыхъ занятій разрѣшалось ходить совершенно голыми, надѣвая только коротенькіе штаны — англійскіе трусики.

Быстро загорало тѣло юнкеровъ, переходя въ темно-бронзовую окраску.

День 29-го мая принесъ училищу цѣлый рядъ сюрпризовъ, внесшихъ маленькій сумбуръ въ нашу лемносскую жизнь.

Первое — уходъ въ Афины на "исправленіе" нашего лемносскаго "дредноута", — пароходика "Акулы", утащившаго за собой всѣ баржи, на которыхъ перевозили продукты и которыя обслуживали насъ.

По лагерямъ начали ходить упорные слухи, что это сдѣлано умышленно французами, чтобы стѣснить и заставить насъ перейти въ районъ расположенія Кубанскаго лагеря и этимъ соединить два лагеря въ одинъ, тѣмъ болѣе, что тотъ районъ, съ уходомъ казаковъ въ

Совдепію и Бразилію, значительно сократился. Переходъ же Донского лагеря на новое мѣсто не устраивалъ донскихъ казаковъ въ виду "примѣненія къ мѣстности" — устройство жилищъ, проведенія узкоколейной ж. д. и проч... Отъѣздъ баржъ и пароходика французы объясняли отсутствіемъ угля. Тогда генераломъ Абрамовымъ было отдано приказаніе нанимать за 300 драхмъ въ недѣлю греческую баржу-болиндеръ, перевозить на ней продукты съ той стороны залива, но не уступать французамъ и не уходить съ этой стороны.

Часовъ въ 7 вечера показался на рейдѣ пароходъ, оказавшійся опять "Решидъ Пашой". Тихо и величественно направился онъ въ нашу сторону. Юнкера столпились на передней линейкѣ. Только отошла "заря". Вѣдь прошла только недѣля, и "Решидъ Паша" снова здѣсь. Значитъ, дѣйствительно, начинается энергичная перевозка съ о. Лемноса.

Жгучій вопросъ молніей прорѣзывалъ мозгъ всѣхъ собравшихся, — кого будетъ брать "Решидъ Паша"?

И вдругъ съ парохода раздались звуки великолѣпнаго духового оркестра, игравшаго Атаманскій маршъ. Звуки плыли и таяли въ вечернемъ воздухѣ. Неожиданность эта поразила какъ юнкеровъ, такъ и офицеровъ. Немедленно былъ вызванъ на "линію" и нашъ училищный оркестръ, который отвѣтилъ имъ тѣмъ же маршемъ. На пароходѣ виднѣлось немного людей но кто были они, зачѣмъ прибылъ "Решидъ Паша" — было неизвѣстно. Это сильно заинтересовало всѣхъ. Рѣшили поговорить съ пароходомъ семафорной сигнализаціей. Быстро нашелся знающій это дѣло юнкеръ, который влѣзъ на крышу единственнаго въ нашемъ лагерѣ каменнаго флигеля и началъ сигнализировать, спрашивая — кто прибылъ? Но съ парохода не отвѣчали. Тогда рѣшили послать на развѣдку юнкеровъ на лодкѣ, но насъ предупредили, и нѣсколько лодокъ подошло къ борту парохода.

Все училище было на передней линейкѣ. Нѣкоторые юнкера побѣжали на пристань за новостями. А тѣмъ временемъ оркестры перекликались между собою, играя различныя музыкальныя вещи.

Скоро загадка прибытія парохода "Решидъ Паша" выяснилась. Оказалось, что на этомъ пароходѣ прибылъ конвой генерала Врангеля и Донского Атамана. Что "Решидъ-Паша" беретъ 2.700 строевыхъ кубанцевъ, которые ѣдутъ въ Сербію.

Уѣхала предназначенная къ перевозкѣ часть кубанцевъ; чувствовалось, что начинается долгожданная разгрузка Лемноса. Что

скоро и мы получимъ свободу и не будемъ зависѣть отъ французской "политики".

3-го іюня пришелъ опять пароходъ типа "Решидъ-Паши" — "Керасундъ", на который былъ погруженъ остатокъ кубанцевъ и совершенно неожиданно для насъ былъ погруженъ и дивизіонъ Л.-Гв. Атаманскаго и Л.-Гв. Казачьяго полковъ.

Въ 7 часовъ вечера пароходъ тихо пошелъ въ море, мерцая зелеными и красными бортовыми фонариками, да на его огромной мачтѣ, какъ путеводная звѣздочка, свѣтился бѣлый сигнальный огонекъ...

5-го іюня училище устроило такъ называемый "Бѣлый балъ" въ сараѣ около пристани, оборудованномъ убогой сценой и носящемъ громкое названіе "Донского театра".

Идея "Бѣлаго бала" — скрасить черные дни сидѣнья на Лемносѣ и самимъ по возможности быть всѣмъ въ бѣломъ.
Стѣны зрительнаго зала были затянуты бѣлой матеріей изъ-подъ зеленой палатки, по которой красивыми гирляндами красовались поделевыя иммортели. Были нарисованы плакаты — программы вечера и танцевъ.

На вечеръ училища стеклась положительно вся интеллигенція Донского корпуса. Было поставлено:

АКРОСТИХЪ.
Пьеса въ одномъ дѣйствіи Энве.
Дѣйствующія лица:

Ксенія Павловна	М-лль Балашевичъ.
Юнѣевъ	юнкеръ Чмыховъ.
Берестовъ	Табунщиковъ 1.
Слуга	Табунщиковъ 2.

Отдѣленіе 2-ое.

1) "Былъ у Христа-Младенца садъ" "Зеленый лугъ". "Вдоль по улицѣ мятелица"	Хоръ юнкеровъ.
2) Декламація	юнкеръ Нечаевъ.
3) "Стоны моря" соло на роялѣ	юнкеръ Бурдуковъ.
4) Декламація	полковникъ Голубинцевъ.
5) Маршъ "Веселый кузнецъ" "2-ой танецъ Брамса	на мандолинахъ, исп.юнкера.
6) "Лѣсъ" "Ой, летѣла горлица" "Страннички"	хоръ юнкеровъ.

7) Разсказы въ стихахъ — юнкеръ Понадцевъ.
8) "Время измѣнится — романсъ, инсценировка, или Музыкальный календарь, въ исп. п.-ю. Спасскаго.
9) Раки Боролезъ — чин. Холмовъ, М. В.
10) Пѣсенки Вертинскаго — юнк. Платуновъ.
11) Цыгане — Хоръ юнкеровъ.

ТАНЦЫ.

"Бѣлый балъ" сошелъ прекрасно. Особенно сильное впечатлѣніе было дано "Пѣсенками Вертинскаго" въ исполненіи юнкера Платунова. Было положено не мало труда и умѣнія исполнителями, и они великолѣпно справились съ задачей. Затѣмъ начались и танцы.

Бѣлыя платья дамъ, запахи духовъ, вальсирующія пары напоминали родной Новочеркасскъ. Но оживленія, искренности, веселія не было.

Грустно висѣли мертвыя иммортели и, казалось, думали то же, что невольно закрадывалось въ сердце человѣка:

"Вы пляшете. Здѣсь "Бѣлый балъ"... А тамъ, далеко, далеко на сѣверѣ, можетъ быть, въ этотъ же вечеръ есть и "Красный балъ"...

Висятъ красныя тряпки, носятся жены комисаровъ, проститутки... Идетъ пьяный, развратный "Красный балъ" и возможно, что... по "наряду" присутствуютъ несчастныя жены танцующихъ и веселящихся здѣсь.

Грустны, безжизненны были иммортели...

Въ 3 часа ночи окончился балъ. Была чудная, лунная ночь. Шумно, дѣлясь впечатлѣніями, расходились гости по домамъ, по палаткамъ своего лагеря; тихъ былъ лагерь училища. Бѣлыми пятнами, задумчивы, какъ привидѣнія, маячили палатки юнкеровъ...

На другой день занятій не было. Юнкерамъ, приложившимъ массу труда и энергіи на устройство прошедшаго вечера, былъ данъ вполнѣ заслуженный ими отдыхъ.

Часовъ въ 11 дня Начальникъ училища собралъ все училище около своего барака, и имъ былъ прочитанъ слѣдующій приказъ Лемносской группы войскъ Русской Арміи:

«Переговоры съ Сербскимъ Правительствомъ о пріемѣ части Русской Арміи на пограничную стражу успѣхомъ не увѣнчались. Въ послѣднюю минуту Сербское Правительство отказало принять на службу русскія части, вслѣдствіе чего пришлось измѣнить первоначальный планъ отправки частей Лемносской группы.

4-го сего іюня въ Сербію на работы отправленъ 2-ой эшелонъ въ составѣ

1-го кубанскаго казачьяго полка (1025 человѣкъ), Гвардейскаго Кубанскаго дивизiона (325 человѣкъ), Лейбъ-Гвардiи Казачьяго дивизiона (250 человѣкъ), Лейбъ-Гвардiи Атаманскаго дивизiона (160 человѣкъ) и Донского Техническаго баталiона (230). Всего 2.000 человѣкъ.

Предназначавшiяся къ отправкѣ на службу въ пограничную стражу части 1-ой Донской казачьей бригады предположено отправить на работы въ Болгарiю, о чемъ переговоры уже ведутся и протекаютъ для насъ благопрiятно. Туда же предназначаются къ отправкѣ и строевыя части 3-ей Донской бригады изъ Кабаджы.

Военныя училища съ училищными курсами постепенно будутъ перевезены въ Сербiю, гдѣ они будутъ содержаться на средства, уже переведенныя въ распоряженiя правительства, какъ учебныя части.

Вопросъ о дальнѣйшемъ устройствѣ бѣженцевъ составляетъ предметъ особыхъ заботъ Донского Правительства.

Я остаюсь на Лемносѣ. Таковы планы на ближайшее будущее Главнокомандующаго по устройству казачьихъ частей. Всѣ должны знать, что сохраняя порядокъ, сплоченность и дисциплинированность частей, мы помогаемъ нашему Главнокомандующему въ его заботахъ о нашей судьбѣ. Политиканство же и митингованiе, внутреннiя дрязги и внѣшняя распущенность играютъ только въ руку нашихъ враговъ, добивающихся подорвать всякое довѣрiе къ намъ со стороны иностранцевъ и распылить нежелательный имъ, благонадежный доселѣ элементъ, по всѣмъ странамъ».

Подлинный подписалъ генералъ *Абрамовъ*.

Это была новая "радость" для насъ. Это были новыя интриги бывшихъ союзниковъ. Подъ давленiемъ союзниковъ, во что бы то ни стало старающихся распылить, не дать жить Русской Армiи, маленькая Сербiя и ея благородный народъ испугались и отказались принять части Русской Армiи, на прiемъ которой уже было дано согласiе. Остается очередь за Болгарiей. А дальше уже итти некуда...

Вѣдь мы изгнанники, не имѣющiе родины, семьи, лишенные правъ и ненавидимые Совѣтской Россiей, презираемые бывшими союзниками лишь только за то, что бились за свою родину, за право ея существованiя, бились за порядокъ и законность. Державы боятся Совѣтской Россiи, боятся ея влiянiя и заискиваютъ передъ ней, закрывая свои старческiе, близорукiе глаза на ужасы, терроръ и голодъ, которые переживаетъ измученная Россiя.

Но этотъ приказъ по Лемносу не отразился на юнкерахъ и офицерахъ. Училище вѣрило, что близокъ часъ отъѣзда съ острова Лемноса, что теперь надо быть еще болѣе стойкими, покойными и сохранять силы для послѣдняго, наиболѣе сильнаго удара, удара девятаго вала разбушевавшагося политическаго океана.

Надо сомкнуть тѣснѣе свои порѣдѣвшiе ряды, надо помнить, что мы прежде всего русскiе, которыхъ не устрашатъ козни враговъ и ихъ пособниковъ.

Согласно категорическому приказанію французовъ, остатки Донского корпуса начали перевозить на ту сторону залива.

Борьба, конечно, была немыслима, и Начальникъ училища приказалъ училищу быть готовымъ къ предполагаемому переѣзду.

Въ послѣдній разъ въ дорогой по воспоминаніямъ и тяжелымъ переживаніямъ церкви училища, въ которой столько разъ душа юнкера и офицера находила утѣшеніе, черпала бодрость для будущаго, собралось училище на молебенъ.

Грустно глядѣли лики святыхъ на молящихся... Послѣдній разъ была украшена церковь все тѣми же мертвыми иммортелями.

Торжественно былъ отслуженъ молебенъ съ окропленіемъ всѣхъ святою водой. Училище разошлось по палаткамъ, и на слѣдующій день иконостасъ былъ снятъ, иконы уложены.

Церковь просуществовала на Лемносѣ 114 дней.

Наконецъ, наступилъ грозный, ожидаемый девятый валъ.

Французскій губернаторъ о. Лемноса генералъ Бруссо, со всегдашней готовностью и предупредительностью идущій къ распыленію Русской арміи, сообщилъ листовками на заборахъ и приказами нижеслѣдующее:

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Французскаго Командованія къ Русскимъ Бѣженцамъ.

«Господинъ Серебровскій, Предсѣдатель Бакинскаго Нефтяного Комитета, сообщилъ Французскому командованію слѣдующее:

Бакинская нефтяная промышленность, нуждаясь въ рабочихъ рукахъ, проситъ Васъ соизволить разрѣшить военнымъ Русской Арміи, кромѣ офицеровъ, отправиться въ Баку, гдѣ они будутъ работать въ нефтяныхъ предпріятіяхъ, и на Каспійское море.

Даемъ абсолютную гарантію, что они не будутъ преслѣдованы и что по окончаніи лѣтняго сезона, который начинается 20 мая, они будутъ отправлены по своимъ домамъ.

Они будутъ пользоваться жалованьемъ и содержаніемъ, какъ остальные рабочіе въ Баку, и согласно правилъ профессіональныхъ союзовъ.

Въ настоящее время нуждаемся въ 6.000 рабочихъ, изъ коихъ 4.000 — неспеціалистовъ, а 2.000 спеціалистовъ (рабочіе бетона, столяры, рабочіе и спеціалисты для постовъ).

Въ ближайшее время одинъ пароходъ будетъ посланъ для принятія бѣженцевъ, желающихъ принять условія, которыя имъ предложены, для отправки въ Баку».

Увѣряемъ бѣженцевъ, что они могутъ свободно выражать свое мнѣніе, не боясь никакого преслѣдованія.

1921 года, 4 іюня. Генералъ *Бруссо*».

Почти одновременно съ этимъ объявленіемъ, по всему лагерю распространился слухъ, впослѣдствіи подтвердившійся, что "Решидъ-

Паша", шедшій сюза за "бакинцами", въ 10 верстахъ отъ о. Лемноса сѣлъ на мель, зарывшись въ песокъ болѣе одного аршина. Были вызваны вспомогательныя суда изъ ближайшихъ портовъ для снятія его съ мели. Видно, Самъ Господь былъ противъ.

На этихъ же дняхъ изъ Константинополя прибылъ въ училище юнкеръ Рубановъ, раненый подъ Каховкой и вернувшійся снова въ училище. По училищу былъ отданъ слѣдующій приказъ:

«Атаманцы! Нашъ боевой сподвижникъ, юнкеръ Рубановъ, въ бояхъ подъ Каховкой былъ раненъ семь разъ.

Тяжелыя раненія вывели этого героя изъ рядовъ училища на многіе мѣсяцы. Переходя изъ госпиталя въ госпиталь, изъ одного города въ другой, онъ лишь недавно закончилъ свое леченіе въ городѣ Константинополѣ. Будучи исключенъ изъ списковъ училища и совершенно свободенъ въ выборѣ себѣ дороги и профессіи, не прельстился ни турецкими лирами, ни безбрежными горизонтами. Его тянуло въ родную атаманскую семью, но попасть къ намъ сейчасъ почти невозможно. Не получивъ пропуска на Лемносъ ни отъ французовъ, ни отъ нашего командованія, юнкеръ Рубановъ самъ, на свой рискъ, устроился на попутномъ пароходѣ и вчера, 8 іюля, благополучно снова вошелъ въ нашу семью.

Вотъ, юнкера, примѣръ, достойный подражанія, примѣръ того, какъ надо любить свою часть. Юнкера Рубанова зачисляю на старшій классъ 1-ой сотни, сразу въ первый разрядъ по поведенію и производу въ полковые урядники. Его подвиги подъ Каховкой оцѣнены уже давно, и мнѣ лишь остается поздравить его нынѣ съ Георгіевскимъ крестомъ 4-ой степени.

Служите же, юнкеръ Рубановъ, и впредь всѣмъ роднымъ Вамъ Атаманцамъ живымъ примѣромъ бодрости и непоколебимости.

Донъ и училище гордятся такими вѣрными сынами».

Наступилъ праздникъ Вознесенія Господня. И кажется, что гудитъ по-старому нашъ соборный колоколъ. Весело и радостно несутся его могучіе звуки по стольному городу и по вольнымъ донскимъ степямъ. Несутся они по безпредѣльной шири разлившихся водъ Тихаго Дона.

И слышатъ его казаки по станицамъ и крестятся, говоря:

— Сегодня престолъ Черкасскаго собора.

И чудится, что гдѣ-то здѣсь, вблизи, видны золотые купола красавца-собора — гордости Войска Донского. Что сейчасъ тамъ идетъ торжественная служба, — сонмъ духовенства, въ дорогихъ облаченіяхъ, и огромный, великолѣпный хоръ войсковыхъ пѣвчихъ, въ голубыхъ контушахъ, тихо поетъ дивные напѣвы молитвъ.

А дѣйствительность иная... Все прекрасное, это — только сонъ; остались воспоминанія, остались мечты...

А здѣсь, на Лемносѣ, разбитые звуки небольшого колокола, старой греческой церкви возвѣстили намъ — изгнанникамъ, далекимъ отъ своихъ дорогихъ сердцу родныхъ, — праздникъ Вознесенія. И

въ этой церкви тоже была торжественная служба; служило духовенство Донского лагеря. Убогая церковь, убогія, самодѣльныя ризы священниковъ, и только пѣніе хора юнкеровъ давало моментами чувство сознанія сегодняшняго праздника.

13-го іюня училище "съ удовольствіемъ" узрѣло сошедшаго съ мели и прибывшаго на рейдъ "Решидъ-Пашу" — "смертника", какъ его прозвали на Лемносѣ, ибо онъ только и перевозилъ русскихъ людей въ нерусскія чрезвычайки.

Училище ждало "Решидъ-Пашу", но все же его прибытіе произвело тяжелое впечатлѣніе.

Тихо входилъ на рейдъ этотъ гигантъ, и черные клубы дыма, выходящіе изъ трубы, какъ чернымъ, могильнымъ саваномъ окутывали его.

А на слѣдующій день потянулись баржи съ той стороны залива изъ бѣженскаго и части перевезеннаго туда Донского лагеря съ людьми, объятыми только однимъ желаніемъ, — скорѣе на Родину... а тамъ, хоть смерть...

Конечно, сыпались, какъ изъ рога изобилія, приказы старательнаго генерала Бруссо о томъ, что желающіе могутъ свободно изъявлять свою волю и ѣхать въ Сов. Россію, не боясь ничего, что онъ, генералъ Бруссо, проситъ русское начальство не позволять манифестацій и криковъ "ура" при опросѣ бѣженцевъ французскими офицерами.

Затѣмъ перечислялись наряды вооруженныхъ сенегальцевъ для "порядка", установка пулеметовъ и т. п.

Французскій комендантъ этой стороны лагеря, маіоръ Бренъ, сказалъ одному изъ офицеровъ училища, что пока "Решидъ-Паша" не уйдетъ, до тѣхъ поръ ни одинъ пароходъ на Лемносскій рейдъ допущенъ не будетъ. Это была обычная, "добровольная" погрузка.

Наибольшій процентъ погрузившихся далъ Бѣженскій лагерь, преимущественно кубанцевъ и горцевъ. Строевыхъ казаковъ-донцовъ уѣхало сравнительно мало.

Всего съ того берега погрузилось 2.507 человѣкъ. Нашъ берегъ далъ 163 человѣка.

Было искренно жаль отъѣзжающихъ, которые не подозрѣвали, что многимъ изъ нихъ оставалось жить только дни...

Училище тоже дало "бакинцевъ". Уѣхало 13 юнкеровъ и 7 казаковъ.

Было жаль уѣзжающихъ юнкеровъ. Ѣхали въ "темную", надѣялись, сами не зная на что. Ихъ побѣдила тоска по родинѣ, это то

страшное настроенiе души, которое непонятно не покидавшимъ свою родину.

Многiе изъ юнкеровъ, прощаясь, плакали.

Свѣтила луна, трещали сверчки, кузнечики въ еще неубранномъ греками полѣ съ золотыми срѣзанными колосьями, а вдали горѣли огни стоявшаго на якорѣ "Решидъ-Паши".

Стало всѣмъ какъ-то грустно и тяжело на душѣ. Тамъ — ѣхали въ Россiю...

Въ 6 часовъ вечера "Решидъ-Паша" снялся съ якоря и пошелъ на Константинополь и оттуда въ Батумъ.

19-го iюня, въ 12 часовъ дня, англiйскiй наблюдательный постъ за плавучими и не уничтоженными минами Великой войны спустилъ окончательно свой флагъ и въ этотъ же день отбылъ домой, въ Англiю.

На спускѣ флага были приглашены Начальникъ училища и нѣкоторые русскiе офицеры. Оркестръ училища игралъ гимны — англiйскiй, французскiй и русскiй, — нашъ донской. Русскаго народнаго гимна русскiе, бывшiе на этомъ торжествѣ, не имѣли, какъ не имѣли и Родины.

Довольные, радостные поѣхали англичане на катерѣ къ ожидавшему ихъ пароходу. Кончилась ихъ жизнь и служба на этомъ "ужасномъ", по ихъ выраженiю, Лемносѣ. Они уѣхали на родину, ѣхали къ близкимъ... И въ толпѣ зрителей, стоявшихъ на пристани и грустно смотрѣвшихъ на отъѣзжавшихъ, послышались рыданiя...

То лопнули нервы, тоска по родинѣ, зависть къ отъѣзжавшимъ домой, заставила разрыдаться одного юнкера нашего училища.

Было тяжело видѣть рыдающаго, огромнаго роста и колоссальнаго тѣлосложенiя юношу-изгнанника.

Наконецъ, наступилъ день переѣзда училища на ту сторону залива. Было заранѣе выбрано мѣсто для лагеря, была сдѣлана разбивка, и 21-го съ утра началась погрузка.

Быстро снимались палатки и сразу лагерь измѣнилъ свой чистенькiй видъ.

Стало уныло, пусто и дико.

Остались только окопанныя мѣста палатокъ, да всякая дрянь, — жестяныя банки, груда камней и желѣза, изъ которыхъ юнкера дѣлали свои кровати. Опять училище водрузилось на болиндеръ и "Акулу" и въ 8 ч. 15 мин. утра тронулось въ путь на ту сторону.

Игралъ оркестръ ,и, тяжело шлепая лопастями колесъ, ползла "Акула".

Черезъ 40 минутъ мы были уже на той сторонѣ. Началась выгрузка, установка палатокъ и разбивка нашего лагернаго новаго городка.

Мѣсто лагеря было выбрано очень удачно. Передъ нами открывался великолѣпный видъ на море, лагери другихъ полковъ и водная ширь Лемносскаго залива, какъ тихое огромное озеро,лежало внизу.

На другой день въ 11 часовъ утра училище построилось глаголомъ для встрѣчи прибывающаго въ наше расположенiе Кубанскаго военнаго училища.

Кубанское училище, стоявшее лагеремъ всего въ полуверстѣ отъ насъ, рѣшило встрѣтить старое Атаманское военное училище "хлѣбомъ-солью".

Немного времени спустя, стройными рядами, при оружiи, въ красныхъ безкозыркахъ, Кубанское училище подошло къ голубымъ василькамъ-атаманцамъ и выстроилось противъ нихъ.

Начальникъ Кубанскаго военнаго училища, генералъ Лебедевъ, произнесъ небольшую рѣчь, въ которой онъ привѣтствовалъ атаманцевъ-юнкеровъ съ прибытiемъ сюда, привѣтствовалъ какъ братьевъ по духу и укладу казачьему и поднесъ отъ училища "хлѣбъ-соль".

Начальникъ Атаманскаго училища, въ свою очередь, благодарилъ за оказанную честь училищу и провозгласилъ здравицу Кубанскому имени генерала Алексѣева военному училищу. Громкое "ура" Атаманцевъ-юнкеровъ было сердечнымъ отвѣтомъ сосѣдямъ-Алексѣевцамъ.

"Хлѣбъ-соль" состояла изъ круглаго деревяннаго блюда работы юнкеровъ, съ надписью масляными красками: "Добро пожаловать". 1921 года, 21 iюня".

Красками же былъ исполненъ портретъ графа Платова, съ дубовыми и лавровыми вѣтками.

Было поднесено полотенце, окаймленное лентой нацiональныхъ русскихъ цвѣтовъ, причемъ въ одномъ углу былъ прикрѣпленъ шевронъ съ бантомъ изъ лентъ Войска Донского и шелковый погонъ Атаманскаго военнаго училища.

Въ другомъ концѣ полотенца былъ такой же шевронъ, но изъ лентъ кубанскихъ нацiональныхъ цвѣтовъ, съ погономъ Кубанскаго военнаго училища.

Вечеромъ для обоихъ училищъ въ здѣшнемъ "театрѣ" труппой донскихъ артистовъ-любителей была показана комедiя "Женитьба".

25-го iюня пришла "Самара". Утромъ узнали, что въ 3 часа дня

на нее будетъ грузиться Платовскій полкъ и человѣкъ около 100 бѣженцевъ.

Началась посадка. Съ завистью глядѣли на отъѣзжающихъ юнкера и ходили на пристань провожать родныхъ и знакомыхъ.

Командиръ парохода "Самара" передалъ, что онъ получилъ вначалѣ приказаніе забрать Атаманское военное училище, но въ моментъ ухода изъ Константинополя на Лемносъ приказаніе было измѣнено и приказано было взять 1.000 казаковъ въ Болгарію.

Ушла "Самара". Тихо спустилась на землю чудная лѣтняя ночь. Высоко, высоко мигали звѣздочки, за горами, какъ разрывы снарядовъ, — вспышки молній-зарницъ.

Все тише слышались разговоры изъ палатокъ. Лагерь засыпалъ, утомленный жарою и сегодняшними переживаніями.

10.

Шли дни... Одинъ за другимъ, какъ однообразное качаніе маятника, укорачивали они тяжелый 1921 годъ.

По-прежнему училище жило всякими слухами, небылицами, жадно впитывая все, что говорилось въ лагерѣ и внѣ его. По-прежнему было какое-то нервное, приподнятое, выжидательное настроеніе.

А горизонтъ будущаго все же былъ затянутъ темной завѣсой, сквозь которую изрѣдка сверкалъ яркій лучъ — освобожденія изъ Лемноса. Тянуло въ родныя славянскія страны, безумно тянуло домой.

Передъ нами разстилалось далеко безпредѣльное Эгейское море, окаймленное по обѣимъ сторонамъ огромнаго Лемносскаго залива массивными берегами о. Лемноса.

По горизонту медленно, чуть замѣтно, часто ползла дымящаяся точка — пароходъ, держащій курсъ мимо о. Лемноса.

И по-прежнему жадно слѣдили за ней юнкера. Грустны, задумчивы были ихъ лица. Ихъ думы, ихъ души въ эти моменты были не здѣсь. Каждый ясно понималъ молчаніе другого. Было понятно то душевное состояніе, которое овладѣвало, полностью захватывало при одной только мысли, что гдѣ-то тамъ, далеко, далеко на той дымящейся точкѣ, плыли свободные люди свободныхъ странъ...

По-прежнему шли занятія, какъ строевыя, такъ и классныя. Сильная жара накаляла камни, по которымъ буквально нельзя было ступить голой ногой. И еще темнѣе становились тѣла юношей-юнкеровъ, проводившихъ свободное время въ англійскихъ трусикахъ.

Было душно въ палаткахъ; несмотря на поднятые для сквозняка полы, никакой прохлады не чувствовалось, и обитатели ея искали тѣни въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. И были часы среди дня, когда лагерь совершенно засыпалъ, обезсиленный палящими лучами солнца.

Но французскій штабъ, бараки котораго находились въ верстѣ отъ нашего лагеря, — не дремалъ.

И пошла опять дѣятельная агитація о болѣе усиленномъ отливѣ казаковъ въ Грецію на работы. Въ качествѣ агитатора на службу во французскій штабъ поступилъ донской казакъ Чиковъ, Чернышевской станицы, малограмотный тупой человѣкъ, который рьяно взялся продавать своихъ же братьевъ-казаковъ за 30 сребренниковъ.

Фамилія Чикова, отнынѣ историческая въ жизни и страданіяхъ донскихъ казаковъ на Лемносѣ. Не мало сыпалось проклятій этому предателю-казаку, этому гнусному наемнику французскаго штаба здѣсь, на Лемносѣ; не разъ прокляли его несчастные казаки, повѣрившіе ему и уѣхавшіе на "работы" въ Грецію.

8-го іюля, часа въ 4 дня, опять появился на рейдѣ все тотъ же старый, знакомый пароходъ "Решидъ-Паша".

Заволновался лагерь донцовъ, заволновались юнкера. Чья теперь очередь, кто подлежитъ къ отправкѣ съ о. Лемноса?

Но каково же было удивленіе всего училища, когда оно узнало, что "Решидъ-Паша" обратно привезъ Платовскій полкъ, который былъ отправленъ въ Болгарію на пароходѣ "Самара" 25-го іюня.

Это необычайное возвращеніе казаковъ опять на о. Лемносъ вызвало сильное волненіе во всемъ лагерѣ.

Начались предположенія, догадки, и все это скоро начало принимать нежелательную окраску въ атмосферѣ подавленнаго настроенія казаковъ.

Было дано разъясненіе, что предсѣдатель кубанской Рады Бычъ, не признающій ни своего атамана, ни генерала Врангеля, зарендовалъ "Самару" и отправилъ ее на о. Лемносъ за оставшимися еще кубанскими казаками, не зная, что ихъ осталось только двѣ сотни, такъ какъ остальные были вывезены уже въ Сербію.

По приходѣ "Самары" командиръ корпуса генералъ Абрамовъ, не получая инструкцій, погрузилъ очередной Платовскій полкъ. "Самара" прибыла въ Константинополь, и были получены свѣдѣнія, что Болгарія не была подготовлена къ пріему такого количества казаковъ и временно отказалась принять ихъ на свою территорію.

И "Самара" перегрузила казаковъ на "Решидъ-Пашу", который снова доставилъ Платовскій полкъ на Лемносъ.

Обратное прибытіе платовцевъ отозвалось на настроеніи юнкеровъ. Была замѣчена ясная подавленность и угнетенное состояніе духа.

А тутъ регулярно, методически шла усиленная отправка казаковъ и юнкеровъ въ Грецію. Наступала среда, наступала суббота — и въ эти опредѣленные дни, каждую недѣлю можно было видѣть большія партіи казаковъ, офицеровъ и ихъ женъ съ дѣтьми, окруженныхъ конными французскими жандармами, во избѣжаніе нежелательныхъ эксцессовъ, направляющихся въ гор. Кастро для погрузки на пароходъ и дальше въ Грецію.

Въ эти же партіи и вкрапливались юнкера училища.

Удержать юнкеровъ было невозможно. Непосредственное обращеніе ихъ въ штабъ французовъ, — право, которое было дано французами всѣмъ желающимъ подвергнуться распыленію, — ставило командный составъ училища въ тупикъ.

И юнкера, сбитые съ толку агитаціей французовъ, ихъ заманчивыми обѣщаніями и объявленіями, которыя французы заранѣе расклеивали на дверяхъ своего "штаба" и на всѣхъ наиболѣе посѣщаемыхъ мѣстахъ (какъ, напримѣръ, на стѣнкахъ загородки клозетныхъ ямъ) — записывались и шли, шли порой помимо своего желанія, но по настоянію родныхъ и станичниковъ.

Власти "заботливо" относились къ отъѣзжающимъ бѣженцамъ. Имъ выдавалось въ день отъѣзда: бѣлье, ботинки и карманныя деньги — вначалѣ 25 драхмъ, а дальше эта сумма была увеличена до 50 драхмъ. Проѣздъ на пароходѣ отъ Лемноса до портовъ Греціи — безплатно.

Главные удары ихъ были направлены на Атаманское военное училище, какъ наиболѣе стойкое, дисциплинированное и которое служило флангомъ равненія для всего Донского лагеря. Это, конечно, было понятно.

Главнокомандующій Русской Арміей предупредилъ эту безконечную утечку воинскихъ чиновъ и отдалъ приказъ, ограничивающій время ухода въ бѣженцы.

Это вначалѣ остановило волну отлива казаковъ и юнкеровъ. Но "разъясненія" этого приказа опять появились въ штабѣ французскаго губернатора о. Лемноса и, прекратившаяся было запись и отъѣздъ, начались снова.

Изъ училища ушло четыре юнкера. Начальникъ училища отдалъ слѣдующій приказъ:

«5-го іюня сего года въ приказѣ Донскому лагерю за № 236 былъ объявленъ приказъ Главнокомандующаго о предѣльномъ срокѣ ухода изъ частей. Въ нашемъ училищѣ былъ данъ на это 3-хъ дневный срокъ, причемъ было сдѣлано предупрежденіе, что дальнѣйшему переходу въ бѣженцы или рабочіе съ того дня положенъ конецъ. Въ отвѣтъ на этотъ приказъ и предупрежденіе нѣсколько офицеровъ-курсистовъ, юнкеровъ и казаковъ подали рапорта и перешли въ бѣженскій лагерь. Все было законно и нормально. И тѣмъ большаго уваженія заслуживаетъ, оставшаяся масса юнкеровъ, которая, несмотря на этотъ, законный выходъ, осталась подъ старыми знаменами училища, вѣрной своему долгу и завѣтамъ Атаманской школы. Есть чѣмъ и кѣмъ гордиться и нашему старику-Дону.

Но оказалось, что среди стаи славныхъ притаилось и нѣсколько паршивыхъ, мокрыхъ курицъ, которыя лишь ждали случая, чтобы улизнуть подъ французскій флагъ и подъ защитой новыхъ покровителей — перебѣжать въ греческіе батраки. Поступокъ мерзкій и позорный, недостойный ни порядочнаго человѣка, ни тѣмъ болѣе, юнкера-Атаманца. Эти дезертиры опозорили и свою сотню, и свое имя. Всѣ они 3-ьей сотни и имена ихъ: Зубенко, Смыковъ, Бабковъ Иванъ и Утѣшевъ. На училище они смотрѣли, какъ на ночлежку, откуда всегда можно убѣжать, зачѣмъ же переводиться въ бѣженскій лагерь. Имя сотни, имя юнкера, традиціи товарищества — они уподобили плевку: плюнули, взяли монатки, полученныя подъ флагомъ юнкера, и ушли.

Приходится лишь удивляться, какъ эти безпринципные типы такъ долго таились среди юнкеровъ и не были разгаданы ни ихъ сотоварищами, ни ихъ начальниками. Всѣ наши юнкера давно заслужили лучшую участь, и ваше свѣтлое будущее, юнкера-Атаманцы, не за горами. Оглядитесь же кругомъ себя, пристально посмотрите въ глаза другъ другу и сами укажите пальцемъ на дверь тому, у кого, можетъ быть, теплятся дезертирскія замашки. Имъ не мѣсто среди честныхъ и вѣрныхъ сыновъ Тихаго Дона. Такіе субъекты — позоръ и черное пятно училища. И они должны не самовольно уйти, какъ и куда имъ захочется, а быть изгнанными изъ вашей среды съ позоромъ и негодованіемъ.

Дай Богъ, чтобы такихъ не оказалось вовсе».

Училище потеряло четырехъ юнкеровъ и, кажется, это были послѣдніе. Но на прибывшемъ "Рашидъ-Пашѣ", прибыли делегаты Быча и К-о — Фальчиковъ и Бѣлашевъ, которые стали посѣщать казаковъ подъ охраною французскихъ жандармовъ, и разъяснять создавшееся политическое положеніе и отношеніе всего міра къ Русской арміи.

Ими было пущено все умѣнье подлыхъ агитаторовъ, чтобы только сбить съ толку темную массу казаковъ. Они говорили, что Донцовъ наврядъ ли перевезутъ и къ осени на материкъ, что генерала Врангеля и Атамана Богаевскаго никто не признаетъ и съ ними не считаются. Они указывали на обратное возвращеніе Платовскаго

полка и, базируясь на этомъ, указывали, что Русскую армію, какъ таковую, никто не желаетъ принимать къ себѣ.

Они говорили, что будущее на Лемносѣ для остающихся — будетъ еще болѣе ужаснымъ.

Это явная агитація "делегатовъ", подерживаемая французами, появившаяся дезинтерія и "куриная слѣпота" на почвѣ недоѣданія (въ училищѣ куриной слѣпотой заболѣло до 40 человѣкъ), заставило забыть все и запись въ Грецію усилилась.

9-го іюля Училище дало историческую трещину въ фундаментѣ 50-лѣтняго существованія училища.

9-го іюля записалось и ушло въ Грецію 32 юнкера и 19 казаковъ и уѣхали на "Рашидъ-Пашѣ" въ Болгарію, съ казаками, набранными Фальчиковымъ, — 17 юнкеровъ и 10 казаковъ.

Такой массовый уходъ юнкеровъ вызвалъ у всего училища подавленное настроеніе.

Уговариваніе было излишне. Ясно выражалась какая-то тупость въ проявленіи здравой воли, выражалось непонятное упрямство. Уѣзжали безъ объясненія причинъ.

Конечно, съ юнкерами велись бесѣды, офицеры училища стояли, какъ нельзя ближе къ юнкерамъ, общая жизнь изгнанниковъ сковала ихъ прочнымъ звеномъ.

Но что могли дать въ животрепещущихъ иногда бесѣдахъ на современное положеніе Русской арміи, на ея будущее, — офицеры училища, когда они зачастую сами не знали, что будетъ завтра?

И приходилось говорить, увѣщевать, заставлять вѣрить въ то, чему сами не вѣрили. Юнкера плакали, метались, и... уѣзжали.

Мятущаяся душа юнкера искала просвѣта. Она искала утѣшенія въ преподаваемыхъ имъ наукахъ и литературѣ.

Не было учебниковъ... Была "литература", доставленная Всероссійскимъ Земскимъ Союзомъ въ количествѣ 200 книжекъ и три четверти изъ этихъ книгъ были не для ищущихъ знаній юнкеровъ. "Заколдованный замокъ или Иванъ Богатырь", "Роковой выстрѣлъ или любовь барченка", "Шикарная Женя", "Отвергнутая любовь или месть вдовушки", "Жаръ-Птица", "Пѣсенники, Сонники, Письмовники" и прочая базарная литература — были въ рукахъ юнкеровъ и только малая часть, какъ яркіе цвѣты красныхъ маковъ среди голаго поля, были книги: Достоевскаго, Толстого, Гоголя и Лермонтова, присланныя Донскимъ Атаманомъ. Но ихъ были единицы.

Вотъ чѣмъ питался мозгъ юнкера, вотъ одна изъ главныхъ при-

чинъ колебанія души. Юнкера жили въ абсолютной духовной темнотѣ.

Правда, по мѣрѣ возможности и силъ, устраивались лекціи талантливаго лектора Генеральнаго Штаба Полковника Зайцова на темы: "Итоги Русско-Германской войны" по иностраннымъ источникамъ, который въ пяти данныхъ имъ лекціяхъ, яркими красивыми мазками подвелъ итогъ великой войны.

Генеральнаго Штаба Генералъ - Лейтенантомъ Болховитиновымъ была прочитана лекція на тему "Экономическое положеніе западноевропейскихъ странъ и Совдепіи. Выводы". И Статскимъ Совѣтникомъ Куницинымъ была прочитана лекція на тему: "О политическихъ событіяхъ послѣдняго времени".

Были прочитаны еще рядъ мелкихъ лекцій на разныя темы; въ "Донскомъ театрѣ" любителями - артистами ставились спектакли.

Училище старалось дать, что могло быть въ его силахъ. Но этого было недостаточно. Душа юнкера искала выхода, рвалась къ свѣту и не находила его.

А рядомъ красивыя перспективы жизни въ Греціи, рисуемыя услужливыми французами.

Ниже приводятся тексты нѣкоторыхъ объявленій, которыя удалось получить на руки.

Островъ Лемносъ.
Военный Губернаторъ.

Мудросъ, 11 іюля 1921 г.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Люди, которые желаютъ выѣхать въ Грецію, должны записаться во французскомъ штабѣ.

Объ отъѣздѣ будетъ опубликованъ приказъ и оказана помощь выдачей Французскомъ Правительствомъ для эмигрантовъ, въ границахъ возможнаго и по спискамъ.

За Начальника Штаба — ПЕРРЕ.

---

22 іюня 1921 года.

Лемносъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Отправка въ Грецію возобновляется съ этой недѣли въ прежнемъ порядкѣ. Запись производится во французскомъ штабѣ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ отъ 10-ти до 12-ти и отъ 16-ти до 19-ти часовъ. О днѣ и часѣ будетъ объявлено своевременно.

БРЕННЪ.

Островъ Лемносъ.
Военный Губернаторъ.

Лемносъ.
1 іюня 1921 года.

ПРИКАЗЪ № 70.

Префектъ города Кастро мнѣ сообщилъ, что Греческое Правительство разрѣшило свободный въѣздъ въ страну всѣмъ Русскимъ бѣженцамъ, для пріиска-

нія труда. Въ Греціи наблюдается общій недостатокъ рабочихъ рукъ въ особенности въ виду приближенія жатвы, сбора плодовъ и винодѣлія. Требуются земледѣльцы въ районахъ: Аттики, Фисаліи, Лариссы, Тріаны, Кардица, Треба и т. п., земледѣльцы и винодѣлы въ районѣ Пелопонесса и булочники. и пекаря въ Пирей. Вознагражденіе для работающихъ на поляхъ 15-20 драхмъ. Перевозъ въ Грецію будетъ производиться слѣдующимъ образомъ: пароходъ отойдетъ въ воскресенье (вскорѣ даже два раза въ недѣлю) изъ Кастро и зайдетъ послѣдовательно въ слѣдующіе порты: Салоники, Волло, Халушъ и Пирей. Въ Салоникахъ останавливаться не рекомендуется, такъ какъ тамъ трудно найти подходящую работу. Стоимость проѣзда одинакова во всѣ порты: 20 драхмъ съ человѣка (безъ продовольствія); ѣзды до Пирея — 3 дня. Каждаго отъѣзжающаго въ Грецію бѣженца я снабжу провіантомъ срокомъ на 4 дня. Каждый отходящій въ Грецію пароходъ можетъ вмѣстить 300-400 человѣкъ. Бѣженцы будутъ построены въ колонны и отведены въ Кастро въ субботу (позднѣе, когда пароходы будутъ приходить 2 раза въ недѣлю, то въ среду и въ субботу). Имъ будутъ даны подводы для перевозки ихъ имущества. Никакихъ формальностей съ греческими властями имъ выполнять не придется. Ихъ будутъ сопровождать каждый разъ французскіе жандармы. Передъ каждой такой отправкой префектъ города Кастро будетъ телеграфировать греческимъ властямъ для того, чтобы отправляемые могли найти себѣ кровъ и пищу. по возможности скорѣе. занятія. Всѣ бѣженцы. желающіе воспользоваться этимъ предложеніемъ, приглашаются для записи во французскій штабъ. гдѣ имъ будетъ сообщено въ какую очередь и съ какимъ пароходомъ они будутъ отправлены.

За господина генерала БРУССО
Начальникъ Штаба (подпись неразборчива).

И такъ до безконечности.

И шли казаки, уходили офицеры. юнкера въ поискахъ счастья на чужой сторонѣ. въ поискахъ драхмъ.

Они вѣрили въ туманную грезу несбыточныхъ надеждъ...

Юнкера просили отъѣзжающихъ. чтобы тѣ писали имъ. какъ они будутъ жить, какъ устроятся. Отъѣзжающіе были полны обѣщаніями. но что было удивительно, что письма изъ Греціи почти не приходили. Бывали единичные случаи полученія писемъ юнкерами, но они почему то попадали вначалѣ во французскій штабъ и вскрытыми передавались лично въ руки юнкеровъ. Видна была цензура, которая пропускала письма только благопріятнаго для французскаго командованія содержанія.

Не лишнимъ будетъ привести здѣсь приговоръ Донской Казачьей Станицы въ Салоникахъ, объявленный въ газетѣ "Казачьи Думы", издававшейся въ Болгаріи — Софіи, отъ 12 марта 1922 года за №5.

Приговоръ.

Мы, нижеподписавшіеся, казаки Донской Казачьей станицы въ Солони-

кахъ, въ числѣ 90 человѣкъ, собравшись сего 16 сего января сего года на Станичный сходъ, составили настоящій приговоръ и постановили:

Въ виду переживаемой нами тяжелой жизни въ Греціи въ связи съ свирѣпствующей здѣсь страшной маляріей, которая уже унесла многихъ казаковъ въ могилу и которая съ особенной силой проявляется весной и лѣтомъ, а также при существующей здѣсь, въ Греціи, безработицѣ, вслѣдствіе чего многіе казаки за неимѣніемъ съ какой либо стороны хоть малѣйшей помощи впали въ полную нищету и живутъ жизнью голоднаго человѣка съ постоянной угрозой умереть отъ голода, — обратиться къ нашему Атаману Войска Донского Генералъ-Лейтенанту Богаевскому съ покорнѣйшей просьбой вывезти насъ къ веснѣ изъ Греціи, куда онъ найдетъ возможнымъ; желательно, конечно, къ своимъ братьямъ Донцамъ въ Болгарію.

Въ случаѣ, если Донской Атаманъ не найдетъ возможнымъ помочь намъ матеріально для переѣзда, убѣдительно просятъ его выхлопотать для насъ разрѣшеніе на въѣздъ въ какое-либо другое государство. Получивъ такое разрѣшеніе и, не имѣя никакихъ средствъ къ переѣзду, — мы отправились бы походнымъ порядкомъ изъ Греціи, въ которой оставаться еще на будущую весну и лѣто значитъ обречь себя на вѣрную погибель.

Подписали: Станичный Атаманъ, Генералъ-Маіоръ Алпатовъ, Помощникъ Станичнаго Атамана, Войсковой Старшина Чеботаревъ, Станичный Писарь, Войсковой Старшина Черкесовъ и подписи выборныхъ казаковъ въ числѣ 90 человѣкъ.

Письма, получаемыя юнкерами изъ Болгаріи, свидѣтельствовали то же. Мало кто изъ ушедшихъ съ Лемноса въ Грецію нашелъ свое счастье.

И умирали казаки, гибли юноши-юнкера отъ безработицы и болѣзней во славу и для нравственнаго удовлетворенія комиссаровъ Совдепіи.

Недостатокъ питанія подрѣзалъ подъ корень молодыя силы юношей.

Приказомъ по лагерю отъ 31 іюля было объявлено:

«Въ виду замѣченнаго усиленнаго заболѣванія дизентеріей и куриною слѣпотою юнкеровъ Атаманскаго и Алексѣевскаго военныхъ училищъ, какъ результатъ истощенія молодого, еще неразвившагося организма, приказываю Корпусному Интенданту Донского корпуса, начиная съ 1-го августа выдавать ежедневно Атаманскому и Алексѣевскому военнымъ училищамъ по 25 кило муки, исключительно для юнкеровъ, сверхъ установленной выдачи муки по 100 граммъ на человѣка».

Такъ подошло 28 іюня — 11 іюля по н.ст., канунъ престольнаго праздника училищной церкви, сооруженной въ память св. Апостоловъ Петра и Павла.

Былъ временно поставленъ въ палаткѣ, — читальнѣ юнкеровъ, иконостасъ и въ 8 час. вечера началась церковная служба.

Но не было торжественности, не было молитвеннаго настроенія, какое было раньше въ училищной церкви.

Главная причина — полный развалъ чуднаго хора юнкеровъ. Уѣхали въ Болгарію и Грецію многіе юнкера-пѣвчіе, уѣхалъ и талантливый регентъ-юнкеръ, предусмотрительно взявшій съ собою основные, лучшіе голоса изъ юнкеровъ, для "заработка", на материкѣ.

12 іюля (29 іюня), послѣ обѣдни, училище было на парадѣ, который принималъ генералъ Абрамовъ, оставшемуся Донскому корпусу, по случаю дня Ангела Главнокомандующаго Русской Арміей, — генерала Врангеля.

Послѣ окончанія парада генералъ Абрамовъ прибылъ въ училище, гдѣ выстроившимся покоемъ юнкерамъ, сказалъ приблизительно слѣдующее:

«Главной заботой Главнокомандующаго является теперь — вывезти училища въ Сербію, въ качествѣ учебныхъ заведеній, гдѣ имъ и предоставится право закончить свое образованіе. Духъ юнкеровъ, ихъ сплоченность теперь необходимы, какъ никогда, передъ предательскими ударами Фальчиковыхъ и имъ присныхъ.

Все дѣлается для перевозки, но французы тормозятъ это, ибо это не въ ихъ выгодахъ. Пароходы могутъ быть черезъ 3-4 дня, но возможно и черезъ 3-4 мѣсяца. Они хозяева положенія. Намъ же надо быть терпѣливыми и спокойно ожидать дальнѣйшаго».

Послѣ этого генералъ Абрамовъ пробовалъ пищу юнкеровъ на кухнѣ и оттуда былъ приглашенъ въ офицерское собраніе.

Въ тотъ же день, единственнымъ, чрезвычайно симпатичнымъ и отзывчивымъ изъ всѣхъ иностранцевъ на о. Лемносѣ, — представителемъ Американскаго краснаго креста, — капитаномъ Макнебъ, — съ большой готовностью шедшимъ навстрѣчу устраненію безвыходнаго положенія русскихъ на Лемносѣ, — были выданы подарки юнкерамъ — въ видѣ: "пижамо" и сигаретъ.

Это свѣтлое имя капитана Макнебъ и отзывчивое отношеніе Американскаго народа останется навсегда въ памяти русскихъ на Лемносѣ.

Вечеромъ въ "Донскомъ театрѣ" состоялся для училища спектакль. Было поставлено: "Неразговорчивый сосѣдъ" и "Денщикъ подвелъ".

20-го іюля опять волненіе и крики "пароходъ! пароходъ!" Этого возгласа бывало совершенно достаточно, чтобы юнкера "пулей" вылетали на "линію" изъ своихъ палатокъ.

Дѣйствительно, на рейдъ величаво входилъ пароходъ, оказавшійся старымъ знакомымъ "Керасундъ", типа "Решидъ-Паша". Была полная увѣренность, что пароходъ пришелъ за нами, для отправки въ Сербію или въ Болгарію.

Но каково же было разочарованіе, когда спустя часъ узнали, что "Керасундъ" опять прибылъ отъ г-на Серебровскаго, чтобы еще забрать ненавистныхъ "контръ-революціонеровъ" для отправки на работы въ Баку и далѣе для сортировки по чрезвычайкамъ.

Какъ оказалось потомъ, французы задержали шедшій на Лемносъ съ грузомъ, нашъ, постоянно совершавшій сюда рейсы изъ Константинополя, — "транспортъ № 412" въ Галлиполи, пока "Керасундъ" не справится со своей задачей.

Чтобы русскіе на Лемносѣ не сносились съ "Керасундомъ", на которомъ виднѣлись выѣхавшіе изъ Галлиполи, французы немедленно разставили вооруженныхъ сенегальцевъ по берегу и около пристаней. Въ этотъ же день наше "Информаціонное Бюро" Донского корпуса, на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ Командира Донского Корпуса, выпустило Бюллетень за № 67, въ которомъ значилось:

БЮЛЛЕТЕНЬ.
№ 67.

20 іюля 1921 года.

СТАНИЧНИКИ! Сегодня вновь прибылъ совѣтскій представитель тов. Серебровскій, который предлагаетъ взять еще на работы 1200 человѣкъ въ Баку.

Въ своемъ объявленіи о пріѣздѣ товарища Серебровскаго, французское командованіе сообщаетъ, что русскіе бѣженцы, отправленные ранѣе въ Баку, были хорошо приняты, что всѣ договоры, принятые тов. Серебровскимъ, — были исполнены.

Интересно знать, отъ кого получены эти свѣдѣнія, французскимъ командованіемъ. Ужъ не отъ «станичниковъ»-ли Донцовъ. Или, быть можетъ, отъ товарища Серебровскаго? По крайней мѣрѣ, изъ насъ до сихъ поръ никто не получилъ никакихъ свѣдѣній отъ казаковъ первой отправки, да и это отчасти и понятно, — прошло вѣдь слишкомъ мало времени, чтобы получить оттуда письмо, а, можетъ быть. совѣтской властью и не разрѣшается писать объ исполненныхъ условіяхъ т. Серебровскимъ.

Что сейчасъ дѣлается въ Россіи, всѣмъ извѣстно: голодъ, холодъ, холера и полная безработица, такъ какъ всѣ фабрики и заводы постепенно останавливаются. А потому ясно, что товарищу Серебровскому, нужны не 1200 рабочихъ, которые не нужны въ безработной странѣ, а нужно уменьшить на 1200 человѣкъ ряды Русской Арміи, которая, даже будучи на Лемносѣ, является угрозою для благополучія совѣтской власти особенно теперь, когда Сибирь и Югъ Россіи охвачены возстаніемъ.

Съ другой стороны, сегодня на томъ же пароходѣ «Керасундъ» прибыло одно лицо, которое привезло оффиціальныя письменныя заявленія отъ Главнокомандующаго Русской Арміей и Донского Атамана о томъ, что вопросъ о переѣздѣ 7.000 донцовъ въ Болгарію рѣшенъ въ окончательномъ смыслѣ, деньги

8

на обезпеченіе указаннаго количества чиновъ Арміи у Главнокомандующаго имѣется и переведены въ распоряженіе Болгарскаго Правительства.

Помните станичники, что, чѣмъ меньше мы будемъ эвакуироваться въ Грецію и совѣтскую Россію, тѣмъ вѣрнѣе, что хозяева настоящаго положенія, убѣдившись въ безплодности своихъ попытокъ распыленія, постараются удовлетворить ваше законное желаніе, отправивъ насъ туда, куда намъ хочется, — въ Болгарію.

Станичники! Очередь за стойкостью и выдержанностью вашихъ убѣжденій и нервовъ».

На другой день утромъ можно было видѣть автомобиль французскаго штаба, въ которомъ сидѣло нѣсколько лицъ. Означенный автомобиль останавливался около тѣхъ мѣстъ, гдѣ былъ расклеенъ русскій бюллетень № 67. Французы наклеивали свой приказъ № 93, въ которомъ сообщали:

ПРИКАЗЪ № 93.

Господинъ *Серебровскій*, Представитель Бакинскихъ нефтяныхъ рудниковъ, сообщаетъ, что онъ въ состояніи принять новый контингентъ бѣженцевъ отъ 1000 до 1200 (1200 показывалъ максимальное количество).

Пароходъ «Керасундъ» прибылъ на Лемносъ для принятія бѣженцевъ, желающихъ принять условія, которыя имъ предложены для отправки въ Баку.

Военный губернаторъ острова Лемноса напоминаетъ, что каждый свободенъ въ выраженіи своей воли и не можетъ быть задержанъ ни подъ какимъ видомъ.

Свѣдѣнія, получаемыя французскимъ командованіемъ свидѣтельствуютъ, что русскіе бѣженцы, которые были выгружены въ Батумъ были хорошо приняты, и что всѣ договоры принятые господиномъ Серебровскимъ были исполнены. Казаки, желающіе выѣхать въ Батумъ, соберутся 21 іюля въ 6 часовъ утра, со своими собственными вещами и по одному одѣялу, на ближайшихъ къ ихъ частямъ пристанямъ, или во французскомъ штабѣ, гдѣ будутъ подводы для перевозки вещей.

Служба порядка будетъ исполнена исключительно французскими войсками.

За Начальника Штаба: (подпись неразборчива).

(орфографія сохранена).

Лемносъ, 20 іюля 1921 г.

Въ автомобилѣ возсѣдалъ негодяй Чиковъ, который услужливо расклеивалъ объявленія французовъ, срывалъ русскіе бюллетени № 67, замазывалъ ихъ клейстеромъ, а бывшій съ нимъ Начальникъ Штаба Перре, обчеркивалъ ихъ цвѣтнымъ карандашомъ и по бюллетеню, крупными русскими буквами писалъ: "ВРУТЪ". Начальникъ Штаба, Перре.

Ниже наклеивалось немедленно слѣдующее объявленіе:

О. Лемносъ.
Военный Губернаторъ.

Лемносъ, 21 іюля 1921 г.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Ложныя свѣдѣнія распространяются въ лагерѣ. *Единственная правда* указана въ приказѣ № 93.

Все остальное фантазія.

Начальникъ Штаба ПЕРРЕ.

Недовольствуясь этимъ безстыднымъ поведеніемъ, эта группа "распылителей" ѣздила на автомобилѣ по лагерямъ казачьихъ полковъ съ соотвѣтствующими агитаціонными рѣчами, — не вѣрить офицерамъ и ѣхать въ Россію.

Казаки молча слушали агитаторовъ и въ одномъ полку улучили моментъ и дали по физіономіи измѣннику казачества, — негодяю Чикову.

Настроеніе въ лагеряхъ стало сразу повышенное и озлобленное. Поведеніе союзниковъ было явнымъ издѣвательствомъ надъ Русскимъ именемъ и предательскимъ въ отношеніи казаковъ; было заигрываніе съ большевиками, — лишь бы выполнить конечную цѣль по отправкѣ казаковъ на Лемносъ, — уничтожить ихъ.

Дабы расклеенныя объявленія повсюду не срывались, предусмотрительныя власти немедленно ставили своихъ сенегальцевъ-часовыхъ, чтобы всякій русскій могъ свободно прочесть ихъ очередную пакость.

Интересно отмѣтить характерные штрихи, — отношеніе сенегальцевъ ко всему происходящему.

Когда одинъ изъ офицеровъ училища переписывалъ приказъ № 93, то стоявшій около на часахъ сенегалецъ, огромнаго роста дѣтина, указывая пальцемъ на наклеенный приказъ, на ломанномъ русскомъ языкѣ, — сказалъ: "Не карашо. Большевикъ бумъ, бумъ".

Этими немногими словами было сказано все. Даже негръ не сочувствовалъ распространенію этого приказа, напоминая русскому офицеру, что тамъ, въ Батумѣ, большевикъ — "бумъ", бумъ".

Въ училищѣ были получены свѣдѣнія, что Начальникъ Штаба Перре прибудетъ въ училище послѣ обѣда, чтобы лично объявить приказъ № 93 и дать разъясненія казакамъ нестроевой команды о поѣздкѣ въ совѣтскую Россію.

Въ 12 часовъ дня казаки были собраны. Однимъ изъ офицеровъ училища былъ приготовленъ фотографическій аппаратъ. Интересуясь, что будетъ говорить казакамъ Перре, около него собралось почти все училище, — юнкера и офицеры. Одѣтое въ самые разнооб-

разные костюмы, отъ англійскихъ трусиковъ, американскихъ пижамо и до старыхъ френчей безъ погонъ, собравшееся училище совершенно не было похоже на воинскую часть и не имѣло даже никакого опредѣленнаго вида.

Настроеніе было чрезвычайно напряженное, выжидательное и озлобленное. Въ это время показался автомобиль французовъ, который медленно, экскортируемый двумя конными жандармами, шелъ въ направленіи расположенія Кубанской отдѣльной сотни, стоявшей лагеремъ въ 150 шагахъ отъ насъ.

Въ автомобилѣ, развалившись, въ большомъ англійскомъ шлемѣ, съ самодовольнымъ видомъ, сидѣлъ Начальникъ Штаба Перре съ какимъ то другимъ французомъ.

Одинъ видъ Перре сразу наэлектризовалъ толпу и послышались смѣхъ и отдѣльные свистки.

Автомобиль круто остановился около училища и вышедшій изъ автомобиля Перре, подошелъ къ сидѣвшему около своей палатки Начальнику Училища и просилъ его распорядиться, чтобы ему не кричали вслѣдъ и не свистѣли.

Начальникъ училища ничего не отвѣтилъ и Перре, сѣвъ въ автомобиль, поѣхалъ дальше.

Въ это время отъ лагеря Кубанскаго военнаго училища показалась вооруженная винтовками, съ примкнутыми штыками, сотня юнкеровъ-Кубанцевъ, которая быстро и твердо шла по направленію къ расположенію французскаго штаба, имѣя во главѣ Начальника Училища.

Произошла встрѣча сотни юнкеровъ и автомобиля. Автомобиль остановился и изъ него вышелъ Перре, который началъ что-то говорить Начальнику Училища, сильно жестикулируя руками. Видно было какое-то бурное объясненіе.

Юнкера, офицеры и казаки Атаманскаго училища чутко прислушивались къ наростающему скандалу. Пронесся слухъ, что Алексѣевцы идутъ выручать арестованнаго французами юнкера.

— Пусть идутъ, Атаманцы поддержатъ, — слышались злобные голоса изъ толпы юнкеровъ.

Послѣ переговоровъ Начальника Кубанскаго училища съ Перре — юнкера пошли обратно въ свой лагерь, Начальникъ же Кубанскаго училища подошелъ къ Начальнику Атаманскаго, и изъ ихъ общаго разговора выяснилась причина выступленія юнкеровъ-Кубанцевъ.

Наканунѣ, юнкеръ-хорунжій Кубанскаго военнаго училища —

Полянскій былъ въ деревнѣ "Партіано", гдѣ и зашелъ въ кофейню. На улицѣ, за столикомъ сидѣлъ французскій офицеръ Лулу, который въ разговорѣ съ хорунжимъ, началъ поносить французовъ за ихъ политику и выселеніе русскихъ въ совѣтскую Россію.

На слѣдующее утро, т. е. сегодня, хорунжій Полянскій зашелъ въ Бѣженскій лагерь, куда въ это время прибылъ автомобиль съ лейтенантомъ Перре. Находившійся съ нимъ лейтенанъ Лулу, началъ разъяснять, создавшееся положеніе русскимъ бѣженцамъ, которымъ было приказано собраться въ одно мѣсто. Въ дальнѣйшемъ лейтенантъ Лулу началъ доказывать необходимость бѣженцамъ ѣхать въ совѣтскую Россію, на прибывшемъ для этой цѣли пароходѣ "Керасундъ".

Это вызвало негодованіе въ стоявшемъ около бѣженцевъ хорунжемъ Полянскимъ, и тотъ счелъ своимъ долгомъ напомнить лейтенанту Лулу вчерашній разговоръ въ д. Партіано. Произошло рѣзкое объясненіе, послѣ котораго лейтенантъ Перре приказалъ немедленно арестовать хорунжаго Полянскаго и отправить его во Французскій штабъ.

Хорунжій Полянскій былъ арестованъ и есть вполнѣ достовѣрные слухи, что его отправятъ въ г. Константинополь для преданія французскому суду. Дальнѣйшая участь хор. Полянскаго можетъ закончиться насильнымъ его выселеніемъ въ совѣтскую Россію.

Все Кубанское училище сильно взволновано этимъ происшествіемъ. Съ согласія Начальника Училища, было рѣшено взять съ строевыхъ занятій сотню юнкеровъ пластуновъ и идти во французскій штабъ, дабы хотя и силой, но освободить хор. Полянскаго.

Лейтенантъ Перре въ разговорѣ съ Начальникомъ Кубанскаго Училища обѣщалъ по прибытіи въ штабъ, освободить хорунжаго Полянскаго, послѣ чего Начальникъ училища приказалъ сотнѣ училища идти домой.

Чуть-чуть не произошло вооруженно столкновеніе между французскими сенегальцами и юнкерами Кубанскаго военнаго училища.

Дальнѣйшее было бы очень печально, ибо весь лагерь поднялся бы на защиту своего русскаго имени, своей чести и званія Русскаго солдата.

Въ это время раздались крики "ура". То казаки Особой Кубанской сотни отказались ѣхать въ Батумъ.

Выраженный протестъ казаками кубанцами — вызвалъ восхищеніе юнкеровъ-Атаманцевъ. Настроеніе сразу сдѣлало колоссальный скачекъ вверхъ и для подъѣхавшаго къ собравшимся Атаман-

цамъ — лейтенанта Перре былъ заранѣе приготовленъ отвѣтъ. Автомобиль сталъ. Лейтенанъ Перре вышелъ изъ автомобиля, вошелъ въ средину собравшагося училища и, принявъ театральную позу, подбоченился и обратившись къ присутствующимъ, на ломанномъ русскомъ языкѣ, сказалъ приблизительно слѣдующее:

— Я прибылъ къ вамъ, чтобы сказать, что намъ ничего неизвѣстно, чтобы Болгарія принимала 7.000 бѣженцевъ, а Сербія 3.500. Это все — неправда. Я пріѣхалъ вамъ предложить записаться и ѣхать на прибывшемъ пароходѣ "Керасундъ", въ Батумъ и далѣе въ Баку, куда опять приглашаетъ г-нъ Серебровскій русскихъ рабочихъ бѣженцевъ.

Нами получены свѣдѣнія, что первая партія была хорошо принята въ Батумѣ. Кто имѣетъ желаніе, подходите къ автомобилю, я васъ запишу, а затѣмъ забирайте свои вещи и подъ конвоемъ нашихъ жандармовъ, направитесь къ французскому штабу.

Во время его рѣчи начались отдѣльные выкрики по его адресу изъ стоявшей толпы.

Перре поблѣднѣлъ и нервно сказалъ: "Я хотѣлъ бы говорить только съ казаками, а не съ офицерами и юнкерами".

— Всѣ мы здѣсь казаки, — загудѣли присутствующіе. Положеніе становилось невыгоднымъ для Перре.

Одинъ изъ присутствующихъ казаковъ обратился къ Перре за разъясненіемъ, — какая причина стремленія французовъ къ распыленію Русской Арміи и почему такое безобразное отношеніе къ тѣмъ, кто бился съ нѣмцами за Францію и проливалъ свою кровь.

Перре смѣшался и подъ градъ посыпавшихся подобныхъ рѣзкихъ вопросовъ ничего не отвѣтилъ, путался и еще болѣе блѣднѣлъ.

Одинъ изъ офицеровъ училища обратился къ Перре съ вопросомъ: Почему бывшій казакъ Чиковъ, — писалъ на Донскомъ бюллетенѣ "Врутъ". Перре отвѣтилъ, что это писалъ не Чиковъ, а онъ, Перре. Офицеръ училища корректно извинился, сказавъ, что онъ думалъ, что подобныя вещи могутъ писать только малообразованные нижніе чины, но не офицеръ.

Послѣ этого разговоръ Перре съ казаками принялъ такой рѣзкій характеръ, что Перре вышелъ изъ толпы и сѣвъ въ автомобиль, уѣхалъ подъ хохотъ и свистъ невоздержанныхъ.

Скоро крики "ура" вырвались изъ стальной груди училища.

Мы побѣдили.

Моментъ рѣчи Перре былъ зафиксированъ на фотографической пластинкѣ и какъ рѣдкій документъ помѣщенъ въ музей училища.

11.

"Керасундъ" взялъ только 6 человѣкъ со всего Лемноса, вмѣсто предполагавшихся "1200 максимумъ", — какъ сообщали въ приказѣ французы.

Въ 7½ час. вечера около линейки училища игралъ оркестръ. Въ это время "Керасундъ" — снялся съ якоря и пошелъ въ Константинополь такимъ же пустымъ, какимъ явился сюда.

Вслѣдъ "Керасунду" неслись звуки оркестра, игравшаго похоронный маршъ и закончившаго веселой полькой.

Это былъ гимнъ г-ну Серебровскому. Его ставка была на Лемносѣ сорвана.

А ночью французскій штабъ не спалъ.

И всю ночь у нихъ свѣтился огонь и тихо притаившись, прижавшись къ землѣ, лежали секреты вооруженныхъ сенегальцевъ, держа линію охраненія — противъ безоруженныхъ русскихъ.

Ликвидаціей этого "международнаго" скандала былъ приказъ генерала Абрамова о томъ, что юнкера Алексѣевцы вышли демонстративно освободить арестованнаго французскими властями хорунжаго Полянскаго съ винтовками, безъ затворовъ, прямо съ занятій. За это объявлялось замѣчаніе Начальнику училища.

Это было своего рода дипломатическое извиненіе.

Подлинное же было извѣстно только намъ.

Въ результатѣ неудачной записи и поведенія русскихъ, — французы запретили намъ ходить въ ближайшія деревни, якобы по причинѣ появившейся тамъ оспы. Въ дѣйствительности оспы тамъ не было.

Но этотъ скандалъ сразу поднялъ духъ училища. Выказалась русская душа. Настроеніе сразу стало боевымъ.

8-го августа, пріѣхавшій на Лемносъ служащій Всероссійскаго Земскаго Союза сообщилъ намъ, что на пароходѣ "Днѣпровецъ", на которомъ онъ прибылъ, французами задержанъ офицеръ нашего училища, который поѣхалъ въ командировку въ городъ Константинополь и, не получивъ разрѣшенія ѣхать на Лемносъ, прибылъ на рейдъ.

Въ дѣйствительности это и было такъ.

Несмотря на предпринятыя мѣры къ его освобожденію, несмотря на то, что военный губернаторъ о. Лемноса, маіоръ Бреннъ лично зналъ этого офицера и зналъ, что онъ прибылъ въ свою часть, освободить этого офицера не удалось.

Онъ былъ отвезенъ обратно въ Константинополь и посаженъ въ

тюрьму, гдѣ и просидѣлъ 22 дня, явившись уже въ училище въ Болгаріи.

Наступали дни годовщины боевъ подъ Каховкой. Было заранѣе составлено расписаніе празднованія, которое выражалось въ слѣдующемъ:

Пятница. 12 августа. 8½ часовъ, лекція Полковника Короченцева для г.г. офицеровъ и юнкеровъ. Тема: "Исторія Училища".

Суббота. 13 августа. Въ 8½ часовъ лекція Генерала-Маіора Попова для г.г. офицеровъ и юнкеровъ. Тема: "Исторія училища отъ Евпаторіи. Каховская операція".

Воскресеніе. 14 августа. 18½ часовъ. Всенощная и панихида по павшимъ въ бояхъ Атаманцамъ. Заря съ церемоніей.

Понедѣльникъ. 15 августа. Въ 8 часовъ, Обѣдня и благодарственный молебенъ. Парадъ Училищу. Въ 18½ часовъ. Хлѣбъ-соль (общій обѣдъ всѣхъ).

Вторникъ. 16 августа. Въ 18½ часовъ. Гимнастическій праздникъ Училища.

Среда. 17 августа. Въ 21 часъ. Спектакль въ Корпусномъ театрѣ и танцы на гимнастической площадкѣ Училища.

Въ память жестокихъ боевъ подъ Каховкой съ 30 іюля по 3 августа ст. ст. 1920 года, въ которыхъ участвовало Атаманское военное училище, съ честью выполнившее возложенную на него боевую задачу, кровью своихъ раненыхъ и смертью беззавѣтно храбрыхъ товарищей, заслужившее наивысшую боевую награду — Гвардейскія Георгіевскія петлицы, — училищемъ былъ установленъ ежегодный праздникъ 2/15 августа. Этотъ день далъ наивысшій процентъ убыли.

Первую годовщину этого славнаго боя, училищу, покинувшему Русскую землю вмѣстѣ съ Русской Арміей, не признавшей иго краснаго насилія и издѣвательства, униженія и развала всего Русскаго, — пришлось праздновать на угрюмомъ, безлюдномъ, скалистомъ островѣ Лемносѣ.

Но славные Атаманцы, глубоко вѣря въ славное будущее Родины, не падали духомъ, и тѣ, кто видѣлъ ихъ въ эти дни августовскихъ торжествъ, можетъ засвидѣтельствовать, что и въ этомъ тяжеломъ изгнаніи, подъ суровой опекой бывшихъ союзниковъ, на полуголодномъ пайкѣ, — юнкера-Атаманцы, — были все тѣ же, какими были когда-то въ Россіи.

1-го (14 августа по нов. ст.) августа, наканунѣ праздника, въ походной церкви училища, была отслужена всенощная, послѣ которой была совершена панихида по убитымъ и умершимъ отъ ранъ, полученныхъ въ бою подъ Каховкой.

Тихо неслось грустное пѣніе юнкеровъ-пѣвчихъ и больно было слышать имена почившихъ, произносимыхъ священникомъ училища:

...Бориса, Вадима, Павла, Михаила, Павла, Павла... Какъ одинъ человѣкъ опустились всѣ молящіеся на колѣни при пѣніи "Вѣчная память"..,

Да, этимъ жертвамъ Великой, небывалой среди народовъ — Русской "безкровной" революціи, этимъ именамъ, въ стѣнахъ родного имъ училища на черномъ мраморѣ въ училищной церкви, — будетъ вѣчная память.

Этими именами училище будетъ гордиться. Они — показатель его славы, его беззавѣтнаго мужества и преданности идеи.

Кругомъ церковной палатки, кромѣ приглашенныхъ, стояли представители полковъ, участвовавшихъ въ этихъ бояхъ съ юнкерами, казаки 2-ой Дивизіи, полковъ: Калединовскаго, Назаровскаго, Платовскаго и Ермаковскаго.

Они тоже понесли потери и довольно серьезныя.

Служба окончилась.

Въ 8 часовъ вечера на передней линейкѣ состоялась заря съ церемоніей и перекличкой, установленной приказомъ по училищу въ эти дни.

Стройныя линіи юнкеровъ, въ бѣлыхъ рубашкахъ, въ голубыхъ безкозыркахъ, были вытянуты по линейкѣ, съ выстроенными по обоимъ фасамъ присутствующими казаками.

Раздалась команда "смирно" и командиръ Донского корпуса Генералъ Абрамовъ, поздоровавшись съ юнкерами, и пройдя по ихъ фронту, занялъ мѣсто передъ срединой училища. Началась перекличка.

Ясно, отчетливо былъ вызванъ вахмистромъ пластунской сотни Евстратовымъ — "Войсковой Старшина Жуковскій" (бывшій командиръ 2-ой пластунской сотни), — "Палъ славной смертью отца командира въ бою подъ Каховкой", — такъ же отчетливъ былъ отвѣтъ взводнаго порт. юнкера, затѣмъ поочередно были вызваны павшіе юнкера, на что былъ все тотъ же суровый отвѣтъ взводныхъ: "Палъ славной смертью юнкера-Атаманца въ бою подъ Каховкой".

Перекличка убитыхъ, имена которыхъ остались въ спискахъ училища, — была закончена.

— "Донской Атаманъ Генералъ Богаевскій" — послышалось на правомъ флангѣ; "Генералъ-Маіоръ Максимовъ"... и потекли фамиліи офицеровъ училища, юнкеровъ.,, "Я, я"... слышалось то въ одной, то въ другой, то въ третьей сотняхъ

Эта перекличка создавала торжественныя, незабываемыя минуты. Онѣ глубоко западали въ сердца юныхъ героевъ, участвовавшихъ на перекличкѣ; онѣ дали полное нравственное удовлетвореніе ихъ руководителямъ — офицерамъ; онѣ были яснымъ показателемъ — присутствующимъ па зарѣ казакамъ, — какъ чтутъ память своихъ юнкеровъ-Атаманцевъ.

Стройное пѣніе молитвы и Донского гимна понеслось по водамъ Лемносскаго залива и затихло гдѣ-то далеко, далеко, гдѣ начиналось Эгейское море.

Какъ-то грустно стало на душѣ. Невольно вспомнились опять погибшіе въ бояхъ товарищи, вспомнились далекіе, но близкіе сердцу родные... Глазъ невольно по горизонту моря искалъ очертанія желаннаго парохода...

2/15 августа въ 8 час. утра была отслужена торжественная обѣдня съ молебномъ, послѣ котораго состоялся парадъ юнкерамъ.

Отрывистыя команды, сверкнули шашки, мелькнули винтовки пластуновъ и бѣлыя шеренги юнкеровъ взяли "на караулъ".

Тихо качаясь на древкахъ, въ могучихъ рукахъ юнкеровъ, неслись знамена: одно — пожалованное бывшему Донскому военному училищу, влившемуся въ составъ Атаманскаго военнаго училища и два знамени, сданныя на храненіе училищу, ушедшими на работы въ Болгарію: Георгіевское — Гундоровскимъ Георгіевскимъ полкомъ и 8-мъ Донскимъ казачьимъ полкомъ.

Показался, принимавшій парадъ генералъ Абрамовъ. Опять команда "на караулъ", опять отчетливые пріемы и громкій, дружный отвѣтъ послышался на привѣтствія генерала Абрамова.

Поздравивъ юнкеровъ съ праздникомъ первой годовщины славнаго боя и пожелавъ училищу дальнѣйшаго процвѣтанія, генералъ Абрамовъ приказалъ Начальнику Училища прочесть почто-телеграмму, полученную отъ генерала Врангеля.

«Лемносъ. Начальнику Атаманскаго Военнаго Училища, Генералу Максимову.

От всего сердца благодарю славное Атаманское училище за привѣтъ. Армія въ правѣ гордиться своими молодыми орлятами-атаманцами, доказавшими

беспредѣльную любовь и преданность Родинѣ въ тяжелыхъ бояхъ и безупречной службой на Лемносѣ.

Шлю мой сердечный привѣтъ. *Врангель.*

13 августа 1921 г.
Константинополь.
№ 8534.

Эта телеграмма была получена въ отвѣтъ на посланную Начальникомъ Училища телеграмму, такого содержанія:

«Константинополь. Главнокомандующему Русской Арміей, генералу *Врангелю.*

2-го августа с. г., въ годовщину славнаго пятидневнаго боя подъ Каховкой, когда Атаманское военное училище жизнью, кровью и доблестью сыновъ Дона доказало на полѣ чести свою непоколебимую вѣрность Родинѣ, оно и нынѣ, въ годину житейскихъ бурь и стихійныхъ испытаній, честно стоитъ на своемъ посту и вѣритъ въ возрожденіе Святой Руси и шлетъ съ пустыннаго Лемноса Вашему Высокопревосходительству свое бурное Атаманское «ура». Начальникъ Училища, Генералъ-Маіоръ Максимовъ».

Громкое "ура" было отвѣтомъ на произнесенную здравицу любимому вождю Русской Арміи. Послѣ чего были вызваны передъ фронтъ юнкера: вахмистръ Евстратовъ, Иванъ, старшій портупей-юнкеръ Мещеряковъ, Владиміръ, юнкера: Крюковъ, Иванъ, Пряничниковъ Борисъ, Мирошниченко Алексѣй и Ульяновъ, Александръ, — которые и были награждены Георгіевскими крестами 2-й, 3-й и 4-й степеней — за бои подъ Каховкой.

Перестроившись, юнкера, какъ всегда лихо прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо генерала Абрамова.

Въ 6½ часовъ, на гимнастическомъ плацу около палатокъ состоялся общій обѣдъ, какъ для юнкеровъ, такъ и для офицеровъ училища и гостей.

За импровизированными столами, изъ желѣзныхъ щитовъ (коекъ юнкеровъ), старыхъ банокъ изъ подъ галетъ, покрытыхъ одѣялами вмѣсто скатертей — сидѣли юнкера и ихъ гости.

Былъ супъ изъ баранины, даваемой съ августа мѣсяца въ скромномъ размѣрѣ французами два раза въ недѣлю (которая, къ нашему счастью, въ эту выдачу не была замѣнена — мясомъ муловъ), — былъ добавочный хлѣбъ и по полбутылкѣ вина.

Игралъ оркестръ музыки, былъ произнесенъ рядъ тостовъ, весело и оживленно прошла скромная трапеза.

Начальникомъ училища была произнесена слѣдующая рѣчь:

— Сегодня день славной годовщины пятидневных боевъ нашего училища подъ Каховкой, годовщины полученія училищемъ высшаго боевого отличія — Гвардейскихъ Георгіевскихъ петлицъ. Поздравляю родныхъ Атаманцевъ съ этими памятными для насъ событіями.

Сегодня годъ, какъ Родина и Донъ потребовали отъ васъ жертвъ включительно до жизни, и вы съ пѣснями пошли исполнять святой призывъ и выполнили его честно до конца.

Сегодня, какъ можетъ быть никогда, васъ вспоминаетъ Россія. Васъ чествуетъ Главнокомандующій, вамъ кланяется Донъ.

Чувствую потребность съ своей стороны отдать вамъ должное: я скажу — это было не такъ давно. Ваша мать —красавица Россія, была сильна, грозна и величава собой. Ея головой былъ Петроградъ, ногами Севастополь. Ея сердцемъ — сама матушка-Москва. Но случилось несчастье: злой недугъ измѣны и предательства подкосилъ ея богатырскія силы, и Матушка-Россія грохнулась, повалилась и оказалась на одрѣ смерти.

А изъ статной неприступной красавицы она превратилась въ худощавую, морщинистую, маленькую старушку.

Но вотъ надъ нашей слабой, больной Матерью обезумѣвшій противникъ снова занесъ ножъ смертельнаго покушенія.

Поняла старушка, что этого удара она уже не выдержитъ: онъ будетъ послѣднимъ и рѣшающимъ.

Осмотрѣлась Мать кругомъ остановила свой взоръ на самомъ старшемъ и вѣрномъ сынѣ своемъ и молвила ему: «Знай, Донъ Ивановичъ, что если врагъ займетъ Севастополь, онъ свяжетъ меня по ногамъ; если онъ овладѣетъ Александровскомъ — онъ схватитъ меня за голову; но если супостатъ захватитъ плацдармъ Каховки — онъ поразитъ меня въ самое сердце».

Внялъ Донъ словамъ Матери и понялъ, кого надо было послать для спасенія жизни Святой Страдалицы.

Безропотно, съ пѣснями и музыкой полетѣли на поле чести вѣрные сыны Дона. Полетѣли туда Калединовцы, Назаровцы, Платовцы, Ермаковцы, — всѣ со своими пушкарями.

Прилетѣло туда же и его юное любимое дѣтище, его сизокрылые орлята, его Атаманское училище. Четыре дня и четыре ночи, въ неимовѣрно тяжелыхъ условіяхъ шла неравная борьба не на жизнь, а на смерть. Рѣшался вопросъ: побѣда или пораженіе. Слава или позоръ. И вотъ сегодня былъ пятый день и пятая ночь, когда все наше училище, цѣликомъ, неоднократно бросалось на чашу вѣсовъ борьбы, какъ послѣдній резервъ, и всегда спасало положеніе. Успокоился Донъ. Его дѣтище вдругъ стало его гордостью. Его сизокрылые орлята вдругъ выросли въ орловъ голубыхъ. Долетѣли вѣсти до него, что поединокъ кончился, опасность для Родины ликвидирована, слава Дона возвеличена, честь знаменъ отцовскихъ не посрамлена. Руки врага оказались коротки достать до ногъ Родины, а ножъ, занесенный въ сердце Ея, пришелся по самому же предателю.

Добрую, старинную встрѣчу готовилъ Донъ своимъ юнымъ героямъ въ Черкасскѣ. Но... заклубилась пыль отъ Каховки, да не туда, не на востокъ, а на югъ, къ морю. Порой пыль то садилась, то снова высоко поднималась. И такъ было не мѣсяцъ и не два. То неугомонные сыны его гуляли по Крыму и Тавріи. А на Донъ все не шли.

Вдругъ — загудѣли гудки пароходные, задымились корабли морскіе. Такъ

и не увидѣлъ въ тотъ годъ дѣтей своихъ Рыцарь-Донъ. Далеко, далеко, за тридевять земель и морей, забросила ихъ судьба. Не слышитъ она теперь у себя ни пѣсенъ звучныхъ, не видно тамъ лампасъ казачьихъ, нѣтъ тамъ ни удали, ни отваги; ни любви, ни вѣрности. Все кругомъ — чужое, не родное — предательское. Осиротѣлъ Донъ. Но чуетъ его испытанное сердце, что сиротство это временно, что живы его сыны, внуки и правнуки. И это тѣ, кому имя: «Вѣрнѣйшіе изъ вѣрныхъ». Ихъ стойкія души не сломятъ бури житейскія, ихъ сердца казачьи не дрогнутъ и не пойдутъ по пути измѣны и рабства, ихъ гордыя шеи не согнутся передъ безчестными искусителями, ихъ руки казачьи не протянутся за подачками. Ихъ крылья наготовѣ: «Туда, гдѣ Сѣдой Донъ, да родные намъ края!» Только ряды «вѣрныхъ» порѣдѣли. И Донъ знаетъ причины убыли, отвѣтъ ему отъ ушедшихъ еще впереди. А оставшимся Донъ заповѣдуетъ: «Не покрывайте своего имени краской позора. Не идите за тѣми, кто покинулъ знамена предковъ изъ-за личныхъ расчетовъ, кто карманъ свой поставилъ выше Родины и Дона. Помните, что есть нѣчто выше корма и тѣла, и это нѣчто высшее зовется святостью долга и благородствомъ души. Поступайте такъ, какъ велитъ совѣсть и долгъ, а не такъ, какъ подсказываетъ животъ. Ибо душа всегда видитъ дальше, чѣмъ тѣло. Не смущайтесь, продолжаетъ Донъ, что ряды сыновъ моихъ порѣдѣли. Возможно, что ихъ будетъ еще меньше. Сейчасъ на васъ сыпятся тяжкіе удары неумолимой судьбы; сейчасъ передъ вами искушеніе свободнаго ухода на всѣ четыре стороны, отказа отъ всего святого, отъ всякаго долга передъ Родиной; сейчасъ однимъ плевкомъ можно порвать со всѣмъ прошлымъ, съ присягой, знаменемъ, со всѣмъ, за что боролся и страдалъ... Сейчасъ каждому изъ васъ экзаменъ на стойкость, честность, неподкупность, героизмъ. Государственный экзаменъ на званіе честнѣйшаго и вѣрнѣйшаго сына своего Отечества. Не всякому этотъ экзаменъ по плечу, и не каждый его выдержитъ. Безъ этого экзамена дальнѣйшее строительство Россіи немыслимо. Званныхъ у нея на этотъ экзаменъ много, но избранныхъ будетъ мало. Но это малое будетъ стоить многаго. Это малое Самъ Богъ окреститъ однимъ словомъ «Красота». Красота родитъ силу и даетъ побѣду.

А этого нашей Родинѣ и Дону Тихому вѣдь только и надо. И я кончу свое слово такъ: пусть же ваша, родные Атаманцы, боевая слава, всѣ минувшія испытанія и всѣ невзгоды лемносскаго изгоя еще болѣе укрѣпятъ вашъ духъ, еще крѣпче соединятъ насъ въ одну дружную, стойкую семью. Пусть скорѣе мчатся минуты мучительной разлуки съ нашимъ милымъ краемъ. И пусть скорѣй настанетъ тотъ моментъ, когда на Соборной площади Черкасска, подъ звонъ церковныхъ колоколовъ, звуки Атаманскаго марша и клики тысячнаго народа старый Донъ будетъ встрѣчать своихъ вѣрнѣйшихъ сыновей...

Съ высоко поднятой головой, чистой совѣстью и честной душой предстанутъ стройные ряды испытанныхъ героевъ передъ ясныя очи старика отца. Долго и испытующе посмотритъ онъ въ глаза каждому изъ пришедшихъ. А въ блестящихъ глазахъ ихъ онъ прочтетъ одинъ лозунгъ, одинъ у всѣхъ порывъ: «Вся жизнь наша тебѣ, Тихій Донъ!» И узнаетъ Донъ, кто передъ нимъ, и скажетъ: «Здорово, мои вѣрные Атаманцы! Здорово, мои голубые орлы!»

За этотъ мигъ я провозглашаю здравицу вамъ, родные Атаманцы!

Ура вамъ!»

Въ 9 часовъ вечера труппой "Донского театра" былъ данъ училищу спектакль.

Были поставлены двѣ веселенькихъ вещички: "Герой Хаджи" и "Самоубійца".

Дружными, заслуженными аплодисментами, наградили исполнителей юнкера-Атаманцы.

3/16, въ 7 часовъ вечера, въ присутствіи Командира корпуса, Кубанскаго военнаго училища, командъ казаковъ отъ различныхъ полковъ и многочисленныхъ гостей, — состоялся гимнастическій праздникъ училища.

Были показаны вольныя движенія юнкеровъ, упражненія на турникѣ, вольныя движенія (показанныя Главной Гимн. Фехтовальной Школой на Кіевской Олимпіадѣ въ 1913 году), партерная гимнастика, упражненія на параллельныхъ брусьяхъ и типы прыжковъ черезъ кобылу.

Скудное питаніе, ужасныя жизненныя условія, все же не помѣшали дать представителей отъ училищу по гимнастическому отдѣлу. Высшей похвалы безусловно заслуживали, — упражненія на турникѣ, параллельныхъ брусьяхъ и партерная гимнастика, — вызвавшая не разъ искреннее восхищеніе зрителей.

Красивые выгибы, размахи, стойка на рукахъ, "солнце", безъ "ручныхъ петель"; загорѣлыя на солнцѣ руки, грудь, въ однотипныхъ гимнастическихъ костюмахъ, — съ небольшими желтой матеріи щитами на груди, съ несущимся оленемъ, пронзеннымъ стрѣлой на нихъ, — давали цѣльную, великолѣпную картину.

Этотъ праздникъ доставилъ большое удовольствіе всѣмъ и благодарность, полученная гимнастами, была вполнѣ заслуженная.

4/17 въ 9 часовъ вечера, въ "сараѣ" Донского театра было поставлено "кабарэ", исполнителями котораго явились офицеры и юнкера училища. Программа была нижеслѣдующая:

ОТДѢЛЕНІЕ 1-ое:

1) — "Былъ у Христа младенца садъ",
2) — "Эхо",
3) — "Страннички", — Хоръ юнкеровъ.
4) — "Зеленый лугъ",
5) — "Безъ воды" — стихотвореніе п.-ю. Нечаева, прочтетъ авторъ.
6) — "Казбекъ" — романсъ, исп. хорунжій Михайленковъ.
7) — "Тѣни прошлаго" — стих. порт.-юнк. Попадцова, прочтетъ авторъ.
8) — Пѣсенки Вертинскаго — исп. юнк. Платуновъ.

ОТДѢЛЕНIЕ 2-ое.

1) — "Оторванные" — сценка изъ періода боевъ подъ Каховкой соч. п.-ю. Нечаева, въ исполненіи:
   казакъ — юн. Козарѣзовъ,
   1-ый юнкеръ — п.-юн. Нечаевъ,
   2-ой юнкеръ — п.-юн. Артемовъ,
2) — "Васильки" и другія стихотворенія полковника Голубинцева, прочтетъ авторъ.
3) — "Музыкальный календарь" — исп. хорунжій Долгопятовъ.
4) — "Злободневные куплеты" — исп. чиновникъ Холмовъ.
5) — Хоръ цыганъ, въ исполненіи: г-жи Балашевичъ, п.-ю. Артемова, хорунжаго Михайленкова и хорунжаго Долгопятова.
6) — "Комическій дуэтъ" — исп. ю.ю. Платунова и Ананьевскаго.
7) — Казачьи танцы — исп. хорунжій Мартыновъ, хорунжій Самсоновъ и юнк. Соловьевъ.

По окончаніи "кабарэ", въ расположеніи лагеря училища, на гимнастическомъ плацу, состоялись танцы.

На каменистый грунтъ былъ положенъ брезентъ, натертый мыломъ, — изображавшій "паркетъ".

Было весело, оживленно...

Тихая, южная ночь, съ высоко свѣтящейся полной луной,, бѣлыя платья дамъ, музыка, — невольно напоминали о прошломъ, минувшемъ...

Въ 2 часа ночи, дни этихъ торжествъ, закончились маршемъ.

Довольные гости и юнкера, дѣлясь между собою впечатлѣніями, тихо расходились по своимъ лагерямъ и палаткамъ.

Лагерь училища засыпалъ...

22 и 23 августа наши сосѣди — Кубанское имени Генерала Алексѣева военное училище праздновало годовщину дессанта на Кубань въ 1920 году. На празднованіе были приглашены — вахмистра, взв. порт.-юнкера сотенъ и высшій командный составъ училища.

12.

26 августа по лагерю разнеслась долгожданная вѣсть, быстро распространившаяся по всему училищу и далѣе повсюду.

Въ училищѣ была получена телефонограмма изъ штаба Группы, въ которой сообщалось, что согласно телеграммы, 25 и 26 ав-

густа изъ Константинополя выходятъ пароходы "№ 410" и "№ 412", за оставшимися на о. Лемносѣ казаками и Военными училищами, для перевозки ихъ въ Болгарію. Подробности и очередь посадокъ будутъ объявлены дополнительно.

Радость безконечная обуяла всѣхъ.

Вечеромъ Начальникъ Училища былъ у генерала Абрамова, который сообщилъ, что эту телеграмму ему передалъ военный губернаторъ о. Лемноса — маіоръ Бреннъ, который въ эти минуты былъ особенно милъ и любезенъ.

Этого же дня вечеромъ была получена бумага, въ которой по плану перевозки Училище должно было ѣхать со Штабомъ Группы во вторую очередь — 28 августа.

Какое-то тихое, спокойное настроеніе было у всѣхъ. Это былъ кризисъ послѣ долгой и ужасной лемносской болѣзни. Какъ то сразу успокоились нервы.

То, чего страстно ожидали девять мѣсяцевъ здѣсь, на Лемносѣ — уѣхать на материкъ, избавиться отъ опеки французовъ, — сбывается на этихъ дняхъ.

По училищу былъ отданъ слѣдующій приказъ:

«§ 4. Согасно приказаній отъ Главнокомандующаго и таковыхъ же лично мною полученныхъ отъ Начальника группы, завтра, 28 сего августа ,назначена погрузка и перевозка училища съ Лемноса въ Болгарію, въ черноморскій портъ Бургасъ. Училище входитъ въ составъ эшелона совмѣстно съ Кубанскимъ военнымъ училищемъ. Начальникомъ эшелона назначенъ я. Приказъ этому эшелону при семъ объявляю:

Приказъ второму эшелону Лемносской группы войскъ Русской Арміи, отправляющемуся на пароходѣ «№ 412». № 1. 7-го августа 1921 года. Лагерь Калоераки.

Личнымъ приказомъ Начальника группы я назначенъ начальникомъ эшелона № 2, отправляющагося съ Лемноса въ Бургасъ на пароходѣ «№ 412». Время прибытія парохода ожидается сегодня ночью.

Въ составъ эшелона входитъ Атаманское военное училище — 550 человѣкъ, и Кубанское имени генерала М. В. Алексѣева военное училище — 650 человѣкъ, оба съ офицерскими при нихъ курсами.

Порядокъ погрузки: 1) Атаманское училище полностью, 2) Кубанское училище полностью. Вѣроятный пунктъ погрузки — пристань № 4 (ближайшая къ бѣженскому лагерю).

Комендантомъ парохода на все время пути назначаю полковника Рытченкова, которому тотчасъ же по прибытіи парохода «№ 412» съ квартирьеромъ Атаманскаго училища войсковымъ старшиной Мелешкинымъ и квартирьеромъ отъ Алексѣевскаго военнаго училища, по назначенію Начальника училища, произвести разбивку парохода, пропорціонально составамъ училищъ. Квартирьерамъ имѣть при себѣ по 3 юнкера отъ училища.

Дежурные по училищамъ и курсамъ офицеры во время слѣдованія парохода являются помощниками коменданта парохода.

Комендантомъ погрузки назначаю Войскового Старшину Страхова, въ распоряженіе котораго ко времени и на время погрузки выслать отъ каждаго училища (курсовъ) караулы по 6 юнкеровъ (офицеровъ), каждый со старшимъ.

Адъютантамъ училищъ завтра къ 7 часамъ утра прислать Войсковому Старшинѣ Страхову списки чиновъ училища и курсовъ, имѣющихъ отправиться въ Бургасъ.

Съ утра 28 августа, Начальнику Кубанскаго училища назначить одного юнкера или казака для связи со мною.

Время погрузки будетъ сообщено дополнительно. Съ начала и до конца погрузки я буду находиться на пристани «№ 4».

Ни одного человѣка сверхъ указанной нормы и внѣ представленнаго списка взято не будетъ. И всякія просьбы и обращенія по этому поводу не будутъ мною даже выслушаны.

Начальникъ эшелона, генералъ-маіоръ Максимовъ».

«§ 5. Погрузку училища произвести въ слѣдующемъ порядкѣ:

а) Всѣ громоздкія вещи упаковать сегодня же, къ вечеру перевезти на пристань погрузки «№ 4». Исполненіе возлагаю на завѣдующаго хозяйствомъ. Распоряженіемъ командира дивизіона къ перевезеннымъ вещамъ выставить караулъ.

б) Все легкое и на рукахъ переносимое доставить на пристань завтра, къ моменту погрузки.

в) начало погрузки будетъ мною сообщено своевременно.

г) Комендантомъ погрузки училища и курсовъ назначаю полковника Долгова, въ распоряженіе котораго командиру дивизіона къ началу погрузки назначить трехъ юнкеровъ. Начальнику курсовъ къ началу погрузки курсовъ — 3-хъ офицеровъ.

д) Квартирмейстеру училища, полковнику Шатилову, руководить отправкой вещей изъ лагеря, оставаться въ лагерѣ до вывоза отсюда послѣдней вещи и самому уйти отсюда послѣднимъ.

е) Завхозу, полковнику Болдыреву, объединить работы полковниковъ Долгова и Шатилова.

ж) Вещи юнкеровъ доставляются на пристань и на пароходъ ихъ собственными силами, подъ непосредственнымъ и ближайшимъ наблюденіемъ г. г. командировъ сотенъ. На сохранность вещей въ пути сами юнкера должны обратить самое строгое вниманіе.

з) Коменданту парохода полковнику Рытченкову сразу же назначить нарядъ постовъ и дневальныхъ къ вещамъ, водопроводнымъ кранамъ и отхожимъ мѣстамъ.

и) Порядокъ погрузки съ пристани на пароходъ: училищныя знамена, штабъ, канцелярія и общее достояніе училища; затѣмъ сотни юнкеровъ въ порядкѣ номеровъ, строевые г. г. офицеры слѣдуютъ при своихъ сотняхъ; нестроевой составъ училища, офицерскіе курсы. Предположено на каждый отходящій къ пароходу катеръ грузить вещи и сажать до 300 человѣкъ уѣзжающихъ.

і) Съ собою взять походныя кухни, по одной на 225 человѣкъ, и всю кухонную посуду; палатки «Марабу» по одной на 10 человѣкъ съ добавкой одной палатки на каждые 200 человѣкъ. Большія палатки, кровати и матрацы французскаго и англійскаго происхожденія брать не разрѣшается. Все остающееся въ лагерѣ не портить и не разрушать.

к) Взять съ собой топливо для варки въ походныхъ кухняхъ, въ пути.

д) При погрузкѣ и въ пути юнкерамъ быть въ повседневномъ обмундированіи, имѣя всегда наготовѣ безкозырки голубыя, бѣлыя рубахи, лучшія брюки.

Въ Константинополѣ насъ навѣстятъ на пароходѣ Главнокомандующій и Донской Атаманъ.

§ 5. Въ виду предстоящаго завтра переѣзда училища съ острова Лемноса въ родственную намъ Болгарію, почитаю своимъ священнымъ долгомъ воздать должное въ приказѣ сынамъ Родины и Дона, которые остались вѣрными до конца, до послѣдняго дня тяжелыхъ, подчасъ незаслуженныхъ и обидныхъ, испытаній. Наша исторія увѣковѣчила Азовское сидѣніе, Севастопольское сидѣніе, Портъ-артурское сидѣніе и она возвела на пьедесталъ героевъ, тѣхъ изъ нашихъ предковъ, дѣдовъ и отцовъ, кто до конца оставался на своемъ посту. Но исторія еще больше вознесетъ имена тѣхъ, кто цѣлыхъ девять мѣсяцевъ сидѣлъ изгоемъ въ лемносскомъ заточеніи. Безъ Родины, безъ реальной защиты, ежедневно нажимаемые голодомъ и искушаемые свободой выборовъ себѣ другого отечества, привольной жизни въ другихъ странахъ, тѣмъ не менѣе истыя дѣти Дона не ушли съ Лемноса. Кругомъ была полная свобода, кругомъ ни одного человѣка — непріятеля, ни одной пушки, ни одного пулемета, никакой угрозы. Напротивъ: полное поощреніе къ уходу и искреннее къ тому содѣйствіе со стороны нашихъ покровителей; и вы остались, не ушли.

Не ушли потому, что вашъ духъ оказался крѣпче и сильнѣе вашего тѣла; не ушли потому, что вашъ долгъ передъ Дономъ вы поставили выше вашихъ личныхъ расчетовъ; не ушли потому, что страданія и, можетъ быть, голодную смерть здѣсь за Родину вы предпочли свободной и веселой жизни нечестнаго бѣглеца.

Въ этомъ ваша безпримѣрная, какъ борцовъ за Отчизну, заслуга. И она не будетъ забыта.

Сегодня у васъ на душѣ торжество исполненнаго долга, ваша совѣсть чиста и спокойна; и какой тяжелый камень у тѣхъ, кто бросилъ насъ, послушался ненрiязанныхъ друзей и краскою позора покрылъ и свое имя, и имя его матери-Родины.

Въ увѣковѣченіе именъ безсмертныхъ героевъ объявляю въ приложеніи списокъ тѣхъ Атаманцевъ, кто честно и твердо простояли на своемъ посту всѣ девять мѣсяцевъ лемносскаго изгнанія и до конца остались Донскимъ казакомъ и Русскимъ человѣкомъ.

Родина — вашъ должникъ. Тихій Донъ — вашъ ходатай и заступникъ».

СПИСОКЪ.

1) Генералъ-маіоръ Максимовъ. 2) Генералъ-маіоръ Поповъ. 3) Генералъ-маіоръ Дынскій. 4) Полковникъ Шляхтинъ. 5) Полковникъ Маркинъ. 6) Полковникъ Кочетовъ. 7) Полковникъ Рытченковъ. 8) Полковникъ Болдыревъ, 9) Полковникъ Долговъ. 10) Полковникъ Каклюгинъ. 11) Полковникъ Шатиловъ. 12) Полковникъ Платоновъ. 13) Полковникъ Короченцовъ, 14) Полковникъ Голубинцевъ, 15) Полковникъ Плетневъ. 16) Полковник Поповъ. 17) Полковникъ Свѣчниковъ. 18) Войсковой Старшина Грековъ. 19) Войсковой Старшина Колышкинъ. 20) Войсковой Старшина Мелешкинъ. 21) Войсковой Старшина Гладковъ. 22) Есаулъ Осиповъ. 23) Есаулъ Артемовъ. 24) Подъесаулъ Харитоновъ. 25) Подъесаулъ Устиновъ. 26) Штабсъ-капитанъ Баранниковъ. 27) Хорунжій Ченцовъ. 28) Хорунжій Долгополовъ. 29) Хорунжій Кукіевъ. 30) Хорунжій Бирюковъ. 31) Хорунжій Лобовъ. 32) Хорунжій Никольскій.

33) Хорунжій Аршиновъ. 34) Хорунжій Баландинъ. 35) Хорунжій Гладковъ. 36) Хорунжій Дубовсковъ. 37) Статскій Совѣтникъ Яковлевъ. 38) Надворный Совѣтникъ Саввинъ. 39) Надворный Совѣтникъ Яковлевъ. 40) Титулярный Совѣтникъ Васильевъ. 41) Коллежскій Секретарь Холмовъ. 42) Коллежскій Регистраторъ Букинъ. 43) Чиновникъ военн. врем. Елисѣевъ. 44) Священникъ о. Іоаннъ Куколевъ.

ЮНКЕРА:

45) Ст. п. юнкеръ Артемовъ Степанъ. 46) Мл. п. юнкеръ Абрамовъ Илья. 47) Юнкеръ Аракапцевъ Сергѣй. 48) Юнкеръ Асмачкинъ Федоръ. 49) Юнкеръ Астаховъ Петръ. 50) Мл. п. юнкеръ Борщевъ Иванъ. 51) Юнкеръ Бочаровъ Дмитрій. 52) Юнкеръ Багратіоновъ Викторъ. 53) Ст. п. юнкеръ Гладковъ Григорій. 54) Юнкеръ Голенищевъ К-тинъ. 55) Мл. п. юнкеръ Давыдовъ Николай. 56) Юнкеръ Евтеревъ Василій. 57) Юнкеръ Желтухинъ Владиміръ. 58) Мл. п юнкеръ Ивановъ Яковъ. 59) Мл. п. юнкеръ Кащевъ Николай. 60) Юнкеръ Козарѣзовъ Николай. 61) Юнкеръ Карповъ Николай. 62) Юнкеръ Кустовъ Степанъ. 63) Юнкеръ Косоротовъ Михаилъ. 64) Юнкеръ Картиновъ Ермакъ. 65) Юнкеръ Леоновъ Борисъ. 66) Мл. п. юнкеръ Маракановъ Николай. 67) Юнкеръ Манциновъ Цебекъ. 68) Юнкеръ Мисинъ Викторъ. 69) Юнкеръ Мисинъ Борисъ. 70) Юнкеръ Маханьковъ Илья. 71) Юнкеръ Марковъ Александръ. 72) Юнкеръ Мамихинъ Николай. 73) Юнкеръ Оболенскій Федоръ. 74) Юнкеръ Поповъ Борисъ. 75) Юнкеръ Полторакинъ Викторъ. 76) Мл. п. юнкеръ Платоновъ Георгій. 77) Ст. п. юнкеръ Прянишниковъ Борисъ. 78) Вахмистръ Рахминъ Василій. 79) Ст. п. юнкеръ Рожковъ Иванъ. 80) Юнкеръ Рудаковъ Николай. 81) Ст. п. юнкеръ Сулацковъ К-тинъ. 82) Юнкеръ Селивановъ Николай. 83) Юнкеръ Севастьяновъ Ипатій. 84) Юнкеръ Соболевъ Евгеній. 85) Юнкеръ Финковъ Яковъ. 86) Юнкеръ Фетисовъ Леонидъ. 87) Юнкеръ Фоминъ Иванъ. 88) Юнкеръ Фроловъ Василій. 89) Юнкеръ Чекинъ Василій. 90) Юнкеръ Щекатуринъ Владиміръ. 91) Юнкеръ Щербаковъ Емануилъ. 92) Юнкеръ Грѣшновъ Василій. 93) Юнкеръ Григорьевъ Александръ. 94) Мл.-п. юнкеръ Сѣряковъ Василій. 95) Мл. п. юнкеръ Самохинъ Левъ. 96) Юнкеръ Наумовъ Андріанъ. 97) Юнкеръ Николаенко Петръ. 98) Юнкеръ Яковлевъ Петръ. 99) Мл. п. юнкеръ Алферовъ Николай. 100) Мл. п. юнкеръ Аникинъ Федоръ. 101) Мл. п. юнкеръ Аникинъ Николай. 102) Юнкеръ Антиповъ Петръ. 103) Юнкеръ Автономовъ Николай. 104) Юнкеръ Борисовъ Николай. 105) Ст. п. юнкеръ Бронскій Михаилъ. 106) Вахмистръ Бондаревъ Петръ. 107) Юнкеръ Бембиновъ Борисъ. 108) Юнкеръ Вайздренковъ Арсеній. 109) Юнкеръ Вороничъ Валеріанъ. 110) Юнкеръ Гончаровъ Николай. 111) Юнкеръ Герасимовъ Дмитрій. 112) Юнкеръ Данчичъ Феоктистъ. 113) Мл. п. юнкеръ Дроздовъ Александръ. 114) Юнкеръ Емельяновъ Петръ. 115) Юнкеръ Земляковъ Николай. 116) Юнкеръ Золотаревъ Георгій. 117) Юнкеръ Зуевъ Леонидъ. 118) Юнкеръ Ивановъ Веніаминъ. 119) Юнкеръ Ивановъ Михаилъ. 120) Мл. п. юнкеръ Козловъ Александръ. 121) Юнкеръ Карнѣевъ Савва. 122) Юнкеръ Ковинцевъ Александръ. 123) Юнкеръ Корабельниковъ Захарій. 124) Юнкеръ Краснопрошинъ Александръ. 125) Юнкеръ Крюковъ Василій. 126) Юнкеръ Лебедевъ Василій. 127) Мл. п. юнкеръ Леоновъ Федоръ. 128) Ст. п. юнкеръ Мирошниченковъ Александръ. 129) Ст. п. юнкеръ Мещеряковъ Владиміръ. 130) Мл п. юнкеръ Маркинъ Николай. 131) Юнкеръ Михайлушкинъ Игнатъ. 132) Юнкеръ Масловъ Андрей. 133) Юнкеръ Носовъ Николай. 134) Юнкеръ Постаевъ Эрдне. 135) Юнкеръ Онуфріевъ Иванъ. 136) Юнкеръ Ольховскій Николай. 137) Ст. п. юнкеръ Поповъ Михаилъ. 138) Юнкеръ Поповъ Іосифъ. 139) Юнкеръ Павловъ Константинъ. 140) Мл.

п. юнкеръ Понадцовъ Николай. 141) Мл. п. юнкеръ Передѣховъ Анатолій. 142) Юнкеръ Прилепскій Петръ. 143) Юнкеръ Пятилѣтовъ Николай. 144) Юнкеръ Плѣшаковъ Филиппъ. 145) Юнкеръ Пивоваровъ Павелъ. 146) Юнкеръ Поповъ Евгеній. 147) Юнкеръ Посохинъ Андрей. 148) Мл. п. юнкеръ Соколовъ Борисъ 149) Мл. п. юнкеръ Сацковъ Николай. 150) Юнкеръ Соловьевъ Михаилъ. 151) Юнкеръ Свеколкинъ Семенъ. 152) Юнкеръ Сальниковъ Сергѣй. 153) Юнкеръ Садименковъ Александръ. 154) Юнкеръ Соколовъ Федоръ. 155) Юнкеръ Сережниковъ Петръ. 156) Юнкеръ Соколовъ Василій. 157) Юнкеръ Сидоровъ Павелъ. 158) Ст. п. юнкеръ Тарасовъ Иванъ. 159) Юнкеръ Токаревъ Василій. 160) Юнкеръ Табунщиковъ Аристархъ. 161) Мл. п. юнкеръ Ульяновъ Александръ. 162) Юнкеръ Улитинъ Александръ. 163) Юнкеръ Утѣшевъ Петръ. 164) Юнкеръ Хмаринъ Сергѣй. 165) Юнкеръ Хомутниковъ Діомидъ. 166) Юнкеръ Чекуновъ Венедиктъ. 167) Мл. п. юнкеръ Черепковъ Иванъ. 168) Юнкеръ Чуйковъ Петръ. 169) Юнкеръ Юркевскій Митрофанъ. 170) Юнкеръ Ананіевскій Василій. 171) Ст. п. юнкеръ Бантюковъ Федоръ. 172) Ст. п. юнкеръ Кудиновъ Павелъ. 173) Мл. п. юнкеръ Бурдуковъ Василій. 174) Юнкеръ Благодарный Константинъ. 175) Юнкеръ Бабковъ Гавріилъ. 176) Юнкеръ Бушинскій Николай. 177) Мл. п. юнкеръ Викторовъ Анатолій. 178) Юнкеръ Васильевъ Николай. 179) Юнкеръ Гуковъ Иванъ. 180) Юнкеръ Галаганъ Иванъ. 181) Юнкеръ Дорохинъ Василій. 182) Вахмистръ Евстратовъ Иванъ. 183) Вахмистръ Ивановъ Павелъ. 184) Мл. п. юнкеръ Коваленко Яковъ. 185) Юнкеръ Ковменко Михаилъ. 186) Юнкеръ Ковалевъ Василій. 187) Юнкеръ Леоновъ Илья. 188) Юнкеръ Литвиновъ Борисъ. 189) Ст. п. ю. Лебскій Григорій. 190) Юнкеръ Миненковъ Георгій. 191) Юнкеръ Михайловъ Георгій. 192) Ст. п. юнкеръ Настоящевъ Сергѣй. 193) Мл. п. юнкеръ Нечаевъ Дмитрій. 194) Мл. п. юнк. Покровскій Кириллъ. 195) Мл. п. юнк. Платуновъ Александръ. 196) Юнк. Петровъ Ростиславъ. 197) Юнк. Потоцкій Павелъ. 198) Юнк. Поповъ Николай. 199) Юнкеръ Пятаковъ Георгій. 200) Юнкеръ Поматалкинъ Антонъ. 201) Мл. п. юнкеръ Родіоновъ Николай. 202) Мл. п. юнкеръ Тарановскій Леонидъ, 203) Юнкеръ Ториковъ Сергѣй. 204) Юнкеръ Цыкуновъ Сергѣй. 205) Мл. п. юнкеръ Чмыховъ Николай. 206) Юнкеръ Чернокнижниковъ Александръ. 207) Юнкеръ Щербаковъ Георгій. 208) Юнкеръ Андріановъ Василій. 209) Юнкеръ Бугураевъ Петръ. 210) Юнкеръ Батура Иванъ. 211) Мл. п. юнкеръ Ведерниковъ Павлинъ. 212) Мл. п. юнкеръ Губкинъ Аристархъ. 213) Юнкеръ Диковъ Дмитрій. 214) Юнкеръ Евстратовъ Ефимъ. 215) Юнкеръ Ивановъ Флавіанъ. 216) Юнкеръ Козорѣзовъ Валентинъ. 217) Мл. п. юнкеръ Лебскій Андрей. 218) Юнкеръ Новиковъ Федоръ. 219) Юнкеръ Настоящевъ Николай. 220) Мл. п. юнкеръ Помазановъ Григорій. 221) Юнкеръ Пузановъ Василій. 222) Юнкеръ Пащенко Діонисій. 223) Юнкеръ Самойловъ Иванъ. 224) Юнкеръ Синяпкинъ Александръ. 225) Юнкеръ Семизоровъ Борисъ. 226) Юнкеръ Осокинъ Константинъ. 227) Юнкеръ Федорцевъ Алексѣй. 228) Мл. п. юнкеръ Шевырдяевъ Алексѣй. 229) Юнкеръ Липатовъ Василій.

КАЗАКИ:

230) Ст. урядникъ Бетлинъ Василій. 231) Н. ст. р. Бабковъ Владиміръ. 232) Мл. урядникъ Варковъ Павелъ. 233) Вахмистръ Волченковъ Петръ. 234) Ст. урядникъ Волченко Петръ. 235) Вахмистръ Гуровъ Евдокимъ. 236) Подхорунжій Горинъ Яковъ. 237) Вахмистръ Зубковъ Григорій. 238) Фельдшеръ Ильинъ Степанъ. 239) Фельдшеръ Ильинъ Александръ. 240) Мл. урядникъ Исаевъ Александръ. 241) Вахмистръ Ичевъ Феофанъ. 242) Н. ст. с. р. Ичевъ Васи-

лій 243) Вахмистръ Каргинъ Григорій. 244) Вахмистръ Кочетовъ Алексѣй. 245) Ст. урядникъ Копыловъ Андрей. 246) Казакъ Каргинъ Иванъ. 247) Вахмистръ Куколевъ Николай. 248) Н. ст. р. Любченковъ Федоръ. 249) Мл. урядникъ Максимовъ Игорь. 250) Ст урядникъ Мазановъ Александръ. 251) Казакъ Мазановъ Михаилъ. 252) Подхорунжій Нестеровъ Авраамъ. 253) Братъ милосердія Назаровъ Федоръ. 254) Вахмистръ Панкратовъ Василій. 255) Вахмистръ Прихненко Иванъ. 256) Вахмистръ Рыковскій Семенъ. 257) Вахмистръ Рѣзцовъ Филиппъ. 258) Вахмистръ Калмыковъ Захаръ. 259) Мл. урядникъ Фирсовъ, Андрей. 260) Подхор. Чеботаревъ Григорій, 261) Старш. урядникъ Казминъ Иванъ. 262) Мл. ур. Мануиловъ Максимъ. 263) Ст. урядникъ Малашкинъ Лавръ. 264) Сестра милосердія Курдюмова Наталія. 265) Сестра милосердія Сутулова Ларисса. 266) Сестра милосердія Леонова-Василенко Ксенія.

Означенный списокъ послѣ окончанія зари былъ прочитанъ, временно исполняющимъ должность командира дивизіона всѣмъ юнкерамъ и казакамъ.

27 августа рано утромъ въ канцеляріи училища было получено новое распредѣленіе погрузки на транспорты.

Вмѣсто четырехъ пароходныхъ рейсовъ Лемносъ-Бургасъ (Болгарія), для отправки всѣхъ съ Лемноса было назначено три рейса, съ обязательствомъ грузить на пароходъ до 1200 человѣкъ.

Атаманское военное училище соединилось съ Кубанскимъ военнымъ училищемъ. Штабъ Группы отпадалъ.

Уже на лемносскомъ рейдѣ стоялъ на якорѣ транспортъ Русскаго общества "№ 410", пришедшій сюда въ 4 часа утра.

На него были предназначены къ посадкѣ — Платовскій, Назаровскій, Калединовскій и Ермаковскій полки со штабомъ бригады.

Но и это еще былъ не конецъ. На "№ 410" былъ доставленъ уголь для французовъ, находящихся на Лемносѣ и ими было объявлено, что пока уголь не будетъ сгруженъ русскими на шаланды и доставленъ на берегъ, до того времени они погрузки казаковъ на "№ 410" не допустятъ.

Пришлось уступить въ послѣдній разъ.

И съ 2-хъ часовъ дня подтянулись казаки съ вещами къ пристани. садились на болиндеръ и "Акулу" и отъѣзжали къ "№ 410".

Юнкера, офицеры и казаки училища съ большимъ волненіемъ слѣдили за погрузкой, съ высотъ своего лагеря.

Всего было погружено 1185 человѣкъ.

На "№ 410" копошились люди, валилъ изъ трубы черный дымъ. Готовились къ отъѣзду...

Наступили сумерки, наступила ночь..,,

Въ училищѣ шла горячая подготовка къ отъѣзду. Было отдано

приказаніе всѣ тяжелыя, громоздкія вещи доставить сегодня же на ближайшую пристань, съ тѣмъ, чтобы завтрашній день ничѣмъ насъ не стѣснялъ.

Все упаковывалось, связывалось, складывалось на подводы и частью вручную, — отправлялось на пристань, гдѣ стояли посты дневальныхъ.

Было около 12 часовъ ночи, послышался гудокъ "№ 410". Транспортъ снялся съ якоря и началъ удаляться отъ лагеря, въ море. Наконецъ, начался сдвигъ, столь долго желанный съ проклятаго Лемноса.

Но на слѣдующее утро, знакомаго транспорта "№ 412", предназначеннаго для училища, — на рейдѣ не показалось.

Были получены свѣдѣнія, что "№ 412" задержанъ въ Галлиполи для разгрузки угля.

Но эта задержка ни у кого не вызывала ни сожалѣнія, ни недовѣрія. Знали всѣ, что это временно и попрежнему шли приготовленія къ отъѣзду, попрежнему неслись пѣсни и шутки изъ юнкерскихъ палатокъ.

Лагерь доживалъ свои послѣдніе часы...

13.

28-го августа, въ 6 час. утра лагерь былъ разбуженъ криками "ура". То юнкера увидѣли, тихо входящій на рейдъ, пароходъ "№ 412".

Моментально всѣ выскочили изъ своихъ палатокъ и еще не одѣтые, группами стояли на передней линейкѣ и жадно слѣдили, за входящимъ пароходомъ. Загремѣла цѣпь и съ грохотомъ якорь упалъ въ воду.

Все моментально ожило. Веселые, радостные разговоры слышались отовсюду.

Весь день пароходъ чистился, мылся и приводился въ порядокъ, для пріема своихъ же русскихъ людей. На его кормѣ тихо колыхался Русскій флагъ, какъ бы напоминая всему міру, что Россія жива, что не погубятъ ее козни ея враговъ.

Наконецъ, долгожданный приказъ былъ полученъ. Послѣднія распоряженія были сдѣланы. Послѣдняя ночь пребыванія училища на Лемносѣ опустилась на землю.

Но долго не засыпалъ лагерь. Онъ былъ похожъ на потревожен-

ный улей, и юнкера не могли уснуть, дѣлясь своими переживаніями — радостью этого дня.

Съ ранняго утра 29-го августа — лагеря не было. Исчезли стройные ряды палатокъ, остались на ихъ мѣстѣ только груды вещей съ сидящими на нихъ юнкерами, остались камни, старыя жестяныя банки и груды мусора.

Послѣ молебна, на которомъ присутствовалъ генералъ Абрамовъ, юнкерамъ былъ розданъ обѣдъ раньше положеннаго времени, и съ часу дня началась погрузка на "412".

На пристани стоялъ караулъ сенегальцевъ съ офицерами, которые тщательно провѣряли число подлежащихъ погрузкѣ, боясь пропустить лишняго человѣка.

Наконецъ, вещи были погружены на два болиндера; сверху вещей, по бортамъ болиндера были разсажены юнкера, и въ 2 часа 15 минутъ дня, подъ звуки родного Атаманскаго марша, училище отчалило отъ пристани.

Медленно разрѣзая волны залива, пыхтя моторами, направлялись болиндеры къ гордо стоявшему "412".

А съ берега махали платками и шапками оставшіеся бѣженцы.

Началась погрузка вещей въ трюмъ. Визжала паровая лебедка, съ шумомъ неслись вверхъ по "стрѣлѣ" ящики, сундуки, тюки съ палатками и спускались въ темныя ямы трюма.

Вся палуба парохода была вдоль, пополамъ раздѣлена для Атаманскаго и Кубанскаго училищъ.

Спустя 2½ часа погрузка вещей училища была закончена. Вернувшіеся отъ пристани болиндеры начали подвозить Кубанское училище. Началось "уплотненіе" парохода людьми и вещами и скоро достигло наивысшаго предѣла возможности.

Всего было погружено на небольшой сравнительно транспортъ — 1212 человѣкъ и огромное количество вещей, что особенно было замѣтно у Кубанскаго училища.

Наконецъ, постепенно все "утопталось", и наступившая ночь сомкнула всѣмъ глаза. Въ три часа ночи затихла лебедка, работавшая безъ перерыва цѣлый день.

Пароходъ былъ похожъ на коробку съ сардинками. Было невозможно ступить ногой, не наступивъ на человѣка.

Сидя, скорчившись, сидѣли юнкера, офицеры, казаки, утомленные погрузкой и одолѣваемые сномъ...

Начинался разсвѣтъ наступавшаго дня 30 августа. Уже начинала алѣть заря, уже начинали показываться контуры Лемноса.

Но вдругъ въ 5½ часовъ утра все начало оживать. Загудѣла лебедка, наворачивая на стальной барабанъ якорную цѣпь. Вздрогнулъ пароходъ, зашипѣли поршни въ цилидрахъ машины и закружился въ бѣшеномъ водоворотѣ воды ожившій винтъ парохода.

Медленно двинулся пароходъ, описывая дугу и направляясь въ открытое море.

Послѣдній разъ, какъ бы прощаясь съ нами, мигалъ маякъ, такъ долго изводившій насъ своимъ прерывчатымъ свѣтомъ.

Наконецъ, маневръ парохода закончился. Послышался прощальный гудокъ, и пароходъ прибавивъ хода, началъ выходить изъ Лемносскаго залива.

Многіе офицеры, юнкера и казаки сняли фуражки и осѣнили себя крестнымъ знаменемъ. Лемносское сидѣніе съ его волненіями, переживаніями, нравственными страданіями закончилось.

259 дней, томительныхъ, ужасныхъ по условіямъ жизни, нравственному состоянію, заброшенное на дикій, угрюмый островъ, отрѣзанное отъ внѣшняго міра, провело училище на проклятомъ Лемносѣ.

259 дней мы были окружены со всѣхъ сторонъ водами Эгейскаго моря, подвергаясь различнымъ издѣвательствамъ.

259 дней сидѣли изгнанники-Атаманцы на берегу и со слезами на глазахъ глядѣли туда, на море, гдѣ мимо нихъ проходила жизнь, —свободные люди, на свободныхъ пароходахъ.

259 дней были навсегда вычеркнуты изъ жизни каждаго атаманца.

Мы уходили съ рейда...

Начался новый періодъ жизни, новый этапъ скитаній по чужой сторонѣ, возможно и новыя страданія.

Новая страница нашей измученной жизни была перевернута.

Лемносское сидѣніе закончилось. Но было бы не полно повѣствованіе, если здѣсь поставить точку и не прослѣдить путешествія училища до материка.

14.

Мы шли по Эгейскому морю. Былъ свѣжій вѣтерокъ, дувшій намъ навстрѣчу. Бѣлые барашки волнъ были видны повсюду.

"412", имѣя небольшой ходъ, плохой уголь, тяжело нагруженный людьми, съ трудомъ разсѣкалъ волны, медленно двигаясь впередъ.

Шли отъ 2 до 4 узловъ въ часъ.

Начинало покачивать, и радостное настроеніе начало сдавать. Разговоры затихли, нѣкоторые юнкера стали опять укладываться, чтобы заснуть; нѣкоторыхъ начало тошнить... Долго ползли мимо огромнаго Лемноса, за нимъ тянулся такой же скалистый, угрюмый его братъ о. Имбросъ. Такія же горы, нѣтъ растительности, нѣтъ жилья, нѣтъ жизни. Къ вечеру показались Дарданеллы.

Огромный проливъ, доходившій въ южной своей части до 6 верстъ ширины, съ мигающими маяками, открылся передъ нами. Капитанъ парохода, нашъ русскій морской офицеръ, заявилъ, что ночью проходить Дарданеллы не будемъ, во избѣжаніе натолкнуться на мины прошлой Германской войны. Мы должны были стать на якорь.

Наступила темная ночь и жизнь на пароходѣ замерла. Каково же было удивленіе всѣхъ на слѣдующее утро, когда вмѣсто Дарданеллъ мы опять плыли около Имброса.

Оказалось, что якорная цѣпь была слишкомъ коротка, якорь не забралъ дно, и пароходъ, застопоривъ машину, остался на мѣстѣ дожидать разсвѣта.

Сильнымъ теченіемъ его отнесло за ночь далеко на югъ, къ Имбросу. Была сильная волна, и пароходъ качало изъ стороны въ сторону. Ночью же была буря.

Въ эту же ночь погибъ инженеръ капитанъ Золотаревъ, прикомандированный къ Кубанскому военному училищу.

Названный офицеръ, желая оправиться, слишкомъ близко подошелъ къ борту. Въ этотъ мигъ пароходъ далъ большой, неожиданный кренъ, и капитанъ Золотаревъ упалъ въ море.

Огромныя волны, какъ темныя громады горъ, катились мимо. Душераздирающій крикъ о помощи пронесся въ воздухѣ. Затѣмъ хрипящіе крики послышались за кормой и все стихло... Былъ брошенъ спасательный кругъ, была спущена шлюпка, но погибающаго не нашли, и пароходъ снова тронулся въ путь, снова борясь съ огромной волной.

Въ 2 часа дня "412" вошелъ въ Дарданеллы. Невольно вспоминалась Великая война и битвы за обладаніе этимъ проливомъ, гдѣ было такъ много загублено и жизней, и денегъ. Около 4 часовъ дня мы проходили мимо "союзнаго" кладбища; на высокомъ, гористомъ берегу, среди двухъ каменныхъ оградъ, чистенькихъ, выбѣленныхъ, съ двумя стильными часовнями, покоились и русскіе матросы въ числѣ 18 человѣкъ, — съ крейсера "Аскольдъ".

Они участвовали въ союзной дессантной высадкѣ, которая, какъ и послѣдующія, была отбита.

Была подана команда "смирно". Трубачи училища заиграли "Коль славенъ". Этими почестями, мы, русскіе солдаты, отдали честь погибшимъ русскимъ морякамъ, жизнь свою отдавшихъ въ защиту другихъ народовъ.

Часовъ около 7 вечера "412" прибылъ на контрольный пунктъ "Ченчиганъ-Кале", гдѣ къ нашему пароходу прибылъ на катерѣ французскій комиссаръ и послѣ заданныхъ вопросовъ комиссару нашего парохода — кто, куда, сколько? — разрѣшилъ слѣдовать дальше.

Имъ было объявлено, что мы идемъ въ Бургасъ, безъ остановки въ Константинополѣ.

Утро 2-го сентября застало насъ стоявшими на якорѣ, около Галлиполи, плохенькаго, азіатскаго типа городка, съ типичными постройками.

Такой же унылый, голый видъ полуострова, съ вереницей тянущихся куда-то верблюдовъ. Виднѣлись палатки расположенныхъ здѣсь частей Русскихъ войскъ, виднѣлись группы солдатъ, разводъ карауловъ, слышались звуки кавалерійскихъ сигналовъ.

Около насъ стоялъ на якорѣ французскій станціонеръ. «Agile», "караулившій" насъ на Лемносѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Теперь «Agile» несъ такую же службу, окарауливая Галлиполійцевъ.

Въ г. Галлиполи на "412" былъ погруженъ хлѣбъ, доставленный французскимъ интендантствомъ. До этого времени французскій комиссаръ парохода кормилъ насъ совершенно гнилымъ хлѣбомъ, который онъ привезъ изъ Константинополя.

Весь выдаваемый имъ хлѣбъ, конечно, летѣлъ за бортъ, и тысячи проклятій сыпались на его голову.

Доставка новаго хлѣба развеселила всѣхъ пассажировъ. Въ Галлиполи "412" посѣтилъ командиръ 1-го Армейскаго корпуса генералъ Кутеповъ, который обошелъ пароходъ, сказавъ нѣсколько ласковыхъ словъ выстроеннымъ юнкерамъ.

Наступилъ вечеръ, и "412" снова поднялъ якорь и пошелъ въ Мраморное море. Вѣтеръ крѣпчалъ, свистѣлъ въ вантахъ, пароходъ сильно покачивался. И какъ-то было непріятно испытывать снова качку послѣ тихихъ вод̃ъ Дарданельскаго пролива. Спускалась ночь, зажглись опять сигнальные огни на мачтѣ и бортахъ парохода. Тяжело работала машина..,

Мы были въ Мраморномъ морѣ... Огромныя волны, съ бѣлыми

пѣнистыми гребнями катились мимо, и ничтоженъ былъ нашъ пароходикъ въ сравненіи съ водной, волнующейся стихіей.

Мимо насъ тянулся островъ "Марморъ". Къ вечеру 3-го сентября заблестѣлъ огнями С.-Стефано, историческій городъ по войнѣ съ турками въ 1877-78 году. Здѣсь, вблизи Константинополя, французы и англичане заставили побѣдоносную Русскую Армію заключить миръ съ турками и свести всю войну на-нѣтъ.

Электрическая лампочка на нашемъ кормовомъ флагъ-штокѣ освѣщала группы спящихъ тѣлъ, — мужчинъ, женщинъ, въ самыхъ разнообразныхъ и удивительно неудобныхъ позахъ.

4-го сентября рано утромъ мы проходили по Босфору. Солнце еще не всходило, но зелень давала совершенно другой колоритъ, чѣмъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда мы эвакуировались изъ Севастополя.

Изъ многихъ домовъ выглядывали полуодѣтые обитатели ихъ и нѣкоторые махали платками, привѣтствуя насъ. Видно было, что это тоже были русскіе бѣженцы.

Восходящее солнце сдѣлало панораму еще болѣе прекраснѣе и фееричнѣе, давая красноватую окраску домовъ и зелени.

Видно было, какъ изъ домовъ выходили люди въ купальныхъ костюмахъ и по ступнькамъ набережной спускались въ прозрачныя воды Босфора, чтобы принять утреннюю, свѣжую ванну.

Въ 8 часовъ утра, "412" бросилъ якорь въ "Кавакѣ", въ 300 шагахъ отъ чумной, карантинной станціи, гдѣ Атаманскому военному училищу прививали "чуму" въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года.

Опять осмотръ международной комиссіи, причемъ выяснилось, что дальше, въ Черное море "412" не пойдетъ, въ виду сильнаго шторма на морѣ.

Мимо насъ красиво и быстро шелъ въ Черное море французскій миноносецъ узнавать "волну". Но спустя часъ онъ возвращался уже обратно. Намъ итти въ Черное море было запрещено и было приказано вернуться на рейдъ Мода.

Въ 8 часовъ вечера "412" тронулся обратно въ Константинополь. Игралъ училищный оркестръ, звуки музыки неслись по Босфору. "412", подгоняемый теченіемъ, быстро шелъ впередъ. По набережной катили освѣщенные автомобили, мельками трамваи, полные народомъ, неслись пасажирскіе пароходики, перевозя публику въ разные концы города и его окрестностей, освѣщая путь электрическими прожекторами.

А дальше горѣлъ тысячами огней Константинополь, съ свѣтя-

щимся, какъ звѣзда, электрическимъ фонаремъ на огромной Галатской башнѣ. Жизнь Константинополя кипѣла, клокотала...

Исчезъ Константинополь, и мы вступили въ полосу мрака, темноты. Мы стали на якорь рейда Мода, почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ стояли 9 мѣсяцевъ тому назадъ.

Дулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ съ Мраморнаго моря. Опять наступило утро, опять яркое солнышко освѣтило чудный Константинополь.

Мечети Ая-Софія и масса другихъ, со своими стройными минаретами, тянулись къ небу. Сновали лодки, пароходики, катера. Начиналась обычная трудовая жизнь портового города.

Величественно, медленно проходили мимо насъ огромные пароходы различныхъ государствъ, изъ трубъ которыхъ валилъ черный дымъ.

Гудки, завываніе сиренъ неслись въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ.

На противоположномъ берегу широко раскинулся городъ Скутари, съ огромной желтой казармой и вокзаломъ Багдадской жел. дороги. А дальше дома, горы, ласкающая глазъ зелень... Мелькнула струйка дыма идущаго поѣзда и скрылась за уступомъ горы. Куда-то на рысяхъ пошелъ конный отрядъ.

Недалеко отъ насъ стоялъ на якорѣ "410", вышедшій съ Лемноса на два дня раньше. Штормъ на Черномъ морѣ тоже помѣшалъ ему двигаться въ Бургасъ.

Около нашего парохода сновали на легкихъ яликахъ "кардаши" со всевозможными продуктами для продажи. Виднѣлся хлѣбъ, шоколадъ, инжиръ, конфекты, банки различныхъ консервовъ... Но зоркіе наши стражи и близко не подпускали ихъ къ пароходу, грозя стрѣльбой изъ винтовокъ. Свое запрещеніе они объясняли опасеніемъ передачи черезъ продукты чумы изъ Константинополя.

Но намъ было отлично извѣстно, что никакой чумы въ Константинополѣ нѣтъ.

Въ 9 часовъ утра къ намъ на пароходикѣ "Робертъ Дрюмонъ" прибыла опять международная комиссія. Виднѣлись французы, итальянцы... Какой-то англичанинъ вынулъ записную книжку, началъ записывать со словъ нашего комиссара — кто мы, откуда, куда идемъ, — послѣ чего комиссія поѣхала къ пароходу "410".

Скоро прибылъ на катерѣ какой-то толстый французъ, который сообщилъ, что люди и грузъ пароходовъ "410" и "412" будутъ

сейчасъ перегружены на "Керасундъ" для дальнѣйшаго слѣдованія къ мѣсту назначенія.

Спустя нѣкоторое время мы, дѣйствительно, подошли къ стоявшему недалеко отъ насъ пароходу "Керасундъ" и стали около борта.

Съ другой стороны подошелъ "410", и перегрузка началась. Въ это время на яликѣ, съ Андреевскимъ флагомъ на кормѣ, къ пароходу "412" подошелъ генералъ Врангель, который съ ялика поздоровался съ выстроившимися на борту парохода юнкерами и обратился къ нимъ съ небольшой рѣчью. Въ ней онъ благодарилъ за довѣріе къ нему, твердость ихъ идей въ достиженіи общей цѣли — спасенія дорогой Родины. Благодарилъ за службу и окончаніе лемносскаго сидѣнія.

Оркестръ училища игралъ Преображенскій маршъ. Крики "ура" неслись по рейду Мода.

Генералъ Врангель, пожелавъ юнкерамъ счастливой дороги, при крикахъ "ура" отбылъ въ направленіи на городъ.

Прошло немного болѣе двухъ часовъ и на томъ же яликѣ посѣтить училище прибылъ Донской Атаманъ Богаевскій.

Торжественные звуки Атаманскаго марша привѣтствовали своего шефа. Атаманъ, поздоровавшись съ юнкерами, благодарилъ ихъ за образцовое поведеніе, службу на Лемносѣ и выразилъ сожалѣніе, что французскими властями ему запрещено посѣщеніе парохода. Войсковой Атаманъ передалъ училищу корреспонденцію и, исполняя свое обѣщаніе на Лемносѣ, подарилъ училищу два футбольныхъ мяча и шахматы и четыре тысячи левъ на улучшеніе пищи юнкеровъ.

Погрузка быстро подвигалась впередъ. Шла обычная ругань, слышались шумъ лебедки и крики турецкой команды парохода.

Къ 12 часамъ ночи все затихло и успокоилось. Несмотря на огромную вмѣстимость парохода, власти и тутъ сократили мѣста до минимума и, несмотря на наличіе свободныхъ мѣстъ, категорически отказывали въ просимомъ.

Въ 9 часа 15 минутъ ночи "Керасундъ" снялся съ якоря и тронулся въ путь по знакомой уже дорогѣ Босфора, мимо Константинополя, взявъ направленіе на Бургасъ.

15.

Наступило великолѣпное утро. Яркое солнышко освѣщало совершенно гладкую поверхность моря, и нашъ огромный пароходъ

"Керасундъ", подъ турецкимъ флагомъ, быстро шелъ, разсѣкая стальной грудью воды родного намъ моря. Какъ хорошо, весело было на душѣ.

Лемносъ съ его ужасной жизнью, Константинополь съ его многочисленными "хозяевами", только за исключенiемъ дѣйствительныхъ, — турокъ — все это осталось далеко позади и, конечно, навсегда.

Глазъ невольно скользилъ по безконечному водному простору, искалъ направленiе Севастополя, Ростова и Новочеркасска.

Слѣва виднѣлись очертанiя турецкаго, затѣмъ греческаго береговъ, но и это скоро исчезло. Кругомъ была вода, вода...

Гдѣ-то далеко, въ направленiи на Крымъ, виднѣлся дымокъ какого-то судна.

"Совѣтскiй миноносецъ" — съострилъ кто-то, всѣ разсмѣялись, но пущенная фраза сдѣлалась темой для разговоровъ и спора. Спрашивали, что можетъ ли совѣтскiй миноносецъ пустить ко дну "Керасундъ" съ "контръ-революцiонерами", шедшiй подъ турецкимъ флагомъ и съ французской вооруженной командой.

Въ результатѣ пришли къ общему выводу, что совѣтской Россiи законы не писаны.

А насъ было всѣхъ, кромѣ команды, обслуживающей пароходъ, — 3.398 человѣкъ.

Игралъ оркестръ музыки, дымили на палубѣ походныя кухни, а ближе къ носовой части парохода, стояли знаменитыя пароходныя "очереди" въ уборныя.

Уборныя были временныя, на пять человѣкъ, и это на 3.398 пассажировъ.

Въ виду невозможности пользоваться ими, устроили еще "загородку" на пять мѣстъ. Но развѣ этого было достаточно?!

И безконечныя шеренги стояли такъ же безконечно. Простой арифметическiй подсчетъ времени попаданiя въ очередь приводилъ въ ужасъ.

Наступила ночь, опять были видны согнувшiяся фигуры, боровшiяся со сномъ на палубѣ парохода, зiяли трюмы, набитые людьми до отказа. Но мы привыкли за эти годы къ грязи и тѣснотѣ.

Медленно начинался разсвѣтъ наступающаго дня, и скоро показалась Болгарiя.

— "Земля! Видите, земля, берегъ!" — слышались радостные возгласы. Всѣ старались взобраться на что-либо, отодвигали другъ друга и ссорились изъ-за высокаго мѣста.

Постепенно началъ яснѣе обрисовываться берегъ, показались зелень, лѣса, селенія, вѣтряки... ближе, ближе и, наконецъ, и самый Бургасъ.

Вотъ волноломъ съ плескающимися около него волнами, маякъ, внизу котораго былъ бронзовый барельефъ Царя Фердинанда... Были видны дома, стоявшіе на рейдѣ пароходы...

"Керасундъ" издалъ хрипящій гудокъ и тихо вошелъ въ Бургасскій рейдъ, гдѣ и бросилъ якорь.

Было шесть часовъ вечера. На пароходъ прибыли какіе-то портовые представители, которые поцѣловались съ турецкимъ капитаномъ парохода, совершенно не обративъ своего вниманія на стоявшаго около французскаго комиссара и еще одного офицера французской службы. Видно было, какъ послѣднимъ эта умышленная невнимательность болгаръ страшно взорвала, и они удалились съ капитанскаго мостика, на которомъ стояли.

Громко разсмѣявшись, болгары пустили имъ вслѣдъ какое-то ругательство.

Отношенія были понятны.

Въ порту гудѣлъ паровозъ, двигались вагоны, кипѣла жизнь.

Мы, какъ дѣти, любовались этимъ.

Вѣдь жизни, свободной жизни, мы не видѣли болѣе 9 мѣсяцевъ. Начальникъ эшелона, генералъ Татаркинъ, съѣхалъ на берегъ, чтобы узнать о времени разгрузки и связаться съ представителемъ генерала Врангеля въ Болгаріи — генераломъ Везьмятиновымъ, находившимся въ данное время въ Софіи.

Немного времени спустя, генералъ Татаркинъ прибылъ обратно на "Керасундъ" и сказалъ, что отвѣтъ будетъ не ранѣе завтрашняго дня, 10 часовъ утра, но есть предположеніе, что мы на этомъ же пароходѣ отбудемъ въ Варну, для карантина и дезинфекціи.

На слѣдующее утро болгарское интендантство доставило на пароходъ великолѣпное жирное мясо, фасоли, картофель, свѣжей капусты и массу всякой зелени.

Чудный бѣлый хлѣбъ дополнялъ остальное. И вотъ это былъ первый день, когда изголодавшіеся на Лемносѣ, мы могли сварить великолѣпный донской борщъ.

Это былъ день ликованія и восхищенія.

"Керасундъ" простоялъ на рейдѣ Бургаса три дня. Уже начали ползти различные слухи, какъ оказалось впослѣдствіе, имѣвшіе подъ собою почву. Но недоразумѣнія были устранены, и 10 сен-

тября въ пять часовъ утра "Керасундъ" вышелъ въ море, взявъ направленіе на Варну.

"Керасундъ" сразу начало качать и сбивать къ берегу. Тогда курсъ парохода былъ измѣненъ, и "Керасундъ" пошелъ въ море съ тѣмъ, чтобы, сдѣлавъ огромную дугу, повернуть на Варну.

Чѣмъ дальше уходилъ пароходъ въ море, тѣмъ сильнѣе становился вѣтеръ, сильнѣе чувствовалась качка.

Огромныя волны, съ бѣлыми гребнями и свѣтло-зелеными верхушками, сталкивались одна съ другой и съ характернымъ шумомъ неслись дальше.

Видно было, какъ нѣкоторыя изъ нихъ соединялись въ одно и съ заглушеннымъ ударомъ обрушивались огромной стѣной на бортъ парохода, заливая водой его палубу.

Сначала юнкера со смѣхомъ встрѣчали эти сюрпризы, но дальше смѣшки и разговоры затихли; "Керасундъ" то нырялъ, зарываясь въ морскую глубину, то поднимался на огромную волну, качаясь изъ стороны въ сторону.

Машина тяжело работала, и только руготня турокъ слышалась изъ открытыхъ люковъ машиннаго отдѣленія. Видно было, что и тамъ была "жара".

Началась морская болѣзнь, все залегло, затихло... Исчезла знаменитая "клозетная" очередь. Поѣздка приняла некрасивый видъ, и часто срывавшійся дождь мочилъ и безъ того измученную публику.

Напрасно раздавался голосъ дежурнаго по кухнѣ портупей-юнкера, чтобы шли разбирать чай. Никто въ эти минуты и не думалъ о немъ.

— "Скорѣе бы Варна!" — слышались голоса изъ разныхъ концовъ парохода.

И только вмѣсто 6-часового перехода Бургасъ-Варна, "Керасундъ" еле добрался до Варны спустя 11 часовъ.

Опять красивые берега, совершенно однотипная гавань, до смѣшного похожая на Бургасскую...

Качка затихла, и "Керасундъ", снова издавъ густой, хрипящій гудокъ, тихо вошелъ на рейдъ.

Всѣ облегченно вздохнули, да и было отъ чего. Было 4 часа дня, когда мы бросили якорь.

Все зашумѣло, зашевелилось... Началась на пароходѣ жизнь, задымились кухни... Почему-то вспомнилась сказка "Спящая Ца-

ревна", именно въ тотъ моментъ, когда царевну поцѣловалъ царевичъ, и она проснулась.

11 сентября "Керасундъ" простоялъ на рейдѣ и только 12-го въ 4 часа дня началась разгрузка парохода.

Первыми сгружались Кубанское военное училище и 5-ый Донской казачій полкъ. Атаманское военное училище и остальныя воинскія части подлежали разгрузкѣ на завтрашній день.

Освободилось много мѣстъ, имѣлась возможность немного раздаться въ стороны, и тѣснота стала менѣе значительной.

Наступило утро 13 сентября. Шумно подымалось училище послѣ сна; собирались вещи, приводили себя въ порядокъ и ждали только разрѣшенія сходить на берегъ.

Наконецъ, долгожданный моментъ наступилъ... Съ какимъ-то благоговѣніемъ ступали юнкера, офицеры и казаки на болгарскую землю.

Глубокія чувства благодарности родному Болгарскому народу, въ минуты тяжелыхъ испытаній протянувшему братскую руку помощи, отразились на благодарныхъ, открытыхъ русскихъ лицахъ.

Многіе, спускаясь по трапу, какъ-то стыдливо, быстро снимали фуражки — крестились...

Атаманское военное училище прибыло въ Болгарію.

Заключеніе

Этимъ заканчивается историческій очеркъ 259-дневнаго Лемносскаго сидѣнія Атаманскаго военнаго училища на о. Лемносѣ.

Пройдутъ десятки лѣтъ, пройдутъ вѣка, исчезнутъ красныя силы, заполонившія Великую страдалицу-Россію.

И будетъ опять Великая, Свободная и гордая Россія. Высокая, стройная, опираясь одной рукой на щитъ и держа въ другой стальной мечъ, съ высоко поднятой головой, она съ презрѣніемъ будетъ смотрѣть на тѣхъ, кто унижалъ ее, кто оскорблялъ ея лучшихъ сыновъ, кто умерщвлялъ не только ихъ вѣру, духъ, но даже жизнь.

Великая Россія знала, что за ней стоитъ ея свободный, вольный сынъ — родимый Донъ.

...Цвѣтутъ богатыя станицы, искрятся золотомъ купола церквей, и тысячные табуны лошадей пасутся въ безпредѣльной шири Донскихъ степей... Тихо колышется дѣвственный ковыль...

А тамъ, между отлогими берегами медленно течетъ Тихій Донъ И въ ночной тиши, когда затихаетъ степь, когда усталый вечеръ тихими, ласковыми объятіями охватываетъ темная южная красавица-ночь, — слышится необъяснимый шумъ донской волны...

— То старый, сѣдой Донъ, тихо всплескивая волной, какъ бы сгоняя набѣжавшую слезу, разсказываетъ страшную, далекую быль...

"...И бились родные сыны мои, казаки, за свободу и поруганную честь Матери Россіи. И многіе сложили свои буйныя казачьи головы, опустились черные чубы и сомкнулись мертвымъ сномъ зоркіе очи.

И запылали огнемъ хутора и станицы, стонъ и стенанія пошли по всей Донской землѣ... И горькія слезы лили поруганныя сестры и жены моихъ казаковъ.

А по всей шири Донскихъ степей, заглядывая въ омертвѣвшія станицы, — гуляли голодъ и моръ.

Не выдержала сила казацкая, и пошли сыны мои къ далекому Черному морю. Не сломила ихъ красная нечисть, и отступили они не побитые ворогомъ. Испили чашу горькой обиды и униженія...

И былъ тамъ, далеко на югѣ, скалистый, безлюдный о. Лемносъ, среди волнъ Эгейскаго моря.

И сидѣли тамъ мои орлы—казаки, да голубые орлята-юнкера-Атаманцы. И плакали очи казачьи, и склонялись на грудь буйныя головы атаманскія..."

И слушалъ эту страшную быль высокій, тихій камышъ, и содрогался отъ ужаса ночной вѣтерокъ... Затихали кузнечики.

И падали, какъ слезы, яркія звѣздочки съ высоты небесъ.

А вольный, тихій Донъ катилъ свои серебристыя волны и разсказывалъ, какъ мучились, страдали казаки на Лемносѣ.

15 апрѣля 1922 г.
г. Ямболъ (Болгарія).

ПРИЛОЖЕНІЕ 1.

ПЛАНЪ РУССКАГО УЧАСТКА АНГЛО-ФРАНЦУЗСКАГО КЛАДБИЩА.

На о. Лемносѣ, въ двухъ километрахъ отъ маленькаго городка Мудроса, сплошь населеннаго греками, остался памятникъ Великой войны.

Это городъ мертвыхъ.

За большой, солидной каменной оградой, съ красивыми желѣзными воротами, находятся сотни могилъ.

Стройными рядами, съ бѣлыми деревянными намогильными крестами, съ металлической черной доской, на которой было указано — фамилія покойнаго, часть, гдѣ онъ служилъ, и дата смерти, — спятъ непробуднымъ сномъ бойцы Великой и страшной войны.

Два красивыхъ большихъ каменныхъ памятника, поставленныхъ англо-французами, соединили воинскую доблесть и честь, какъ своихъ солдатъ, такъ и нѣмецкихъ, погребенныхъ здѣсь.

Красивыя клумбы всевозможныхъ цвѣтовъ, безукоризненная чистота, — свидѣтельствуютъ о томъ, что мѣсто это не забыто.

И здѣсь, среди таинственной тиши, среди мертваго царства военныхъ, — французской комендантурой о. Лемноса было дано разрѣшеніе хоронить воиновъ Русской Арміи генерала Врангеля.

Здѣсь было похоронено 29 казаковъ.

Планъ этого небольшого участка русскаго кладбища я прилагаю ниже *).

Описаніе могилъ согласно написаннымъ дощечкамъ на крестахъ:

№ 1. НАСТЫЧЪ Иванъ Тарасовичъ, ст. ур. ст. Старо-Корсунской Куб. Обл. умеръ 19-го мая.

№ 2. КАЛИНИНЪ Иванъ Лазаревъ, казакъ Дон. Обл. Умеръ 21-го февраля — 37 лѣтъ.

№ 3. ЕРЫЖЕНСКІЙ Веніаминъ Андреевъ, казакъ стан. Раздорской н/Д. х. Коныгина. Ум. 31 мая, 23 лѣтъ.

№ 4. Марія Николаевна КОРЯКИНА — жена Полковника. 50 лѣтъ, уроженка гор. Ростова. Ум. 29 мая.

№ 5. Петръ КУМШАЦКІЙ. Скончался 15 іюня отъ туберкулеза.

№ 6. П Е Т Я.

№ 7. АНАЦКІЙ Димитрій.

---

*) Второе кладбище русскихъ, болѣе обширное, но совершенно неблагоустроенное, находилось на другой сторонѣ Лемносскаго залива (Калоораки).

№ 8. ЭРДЖЕ Учуръ Григорьевичъ, калмыкъ, урож. дер. Сальско, Терско-Астраханскаго полка. Умеръ 1-го апрѣля.
№ 9. ПОНОМАРЕВЪ Павелъ. Мл. ур. Стан. Есауловской. Умеръ 10 апрѣля.
№ 10. ЛИТВИНОВЪ Василій подхор. с. Тумака Астраханской губ., убитъ на островѣ Лемносѣ 23 мая, 25 лѣтъ.

ПЛАНЪ

Англо-Французскаго кладбища около гор. Мудроса на островѣ Лемносѣ, съ указаніемъ могилъ казаковъ, похороненныхъ здѣсь въ 1921 году.

22	23	24	25	26	27	28	29

14	15	16	17	18	19	20	21

6	7	8	9	10	11	12	13

1	2	3	4	5			

№ 11. КОШЕЛЕВЪ Григорій. Подх. Стан. Еланской хут. Маховскаго. Умеръ 25 мая.
№ 12. РОДНОВЪ Иванъ Ивановичъ, Сотникъ ст. Аксайской. Умеръ 13 мая.
№ 13. МОРДАСОВЪ Никита Никифоровичъ, стан. Усть-Бѣло-Калитвенской. Вахмистръ. Умеръ 15 мая.
№ 14. КОЗУБЪ Федоръ Митрофановичъ. Хорунжій, стан. Ново-Николаевской. Умеръ 20 марта.
№ 15. СОЛДАТОВЪ Илья Трофимовичъ, стар. ур. стан. Вешенской. Умеръ 25 марта.
№ 16. БЕСѢДИНЪ Иванъ. Терскій казакъ, ст. Государевской. Умеръ 24 марта.
№ 17. ЦЫГАНКОВЪ Іосифъ Андреевичъ, стан. Березовской. Умеръ 18 апрѣля.

№ 18. ЗЕРЩИКОВЪ Феодоръ, млад. ур. Стан. Распопинской. Умеръ 3-го марта.
№ 19. ДЬЯКОВЪ Павелъ. Умеръ 26 марта.
№ 20. ТАРАРИНЪ Иванъ Львовичъ. Подхор. стан. Камышевской. Умеръ 14 апрѣля.
№ 21. КАБАТЧЕНКОВЪ Петръ Феодоровичъ, стан. Багаевской. Умеръ 10 апрѣля.
№ 22. ТАПИЛИНЪ Михаилъ. Стан. Петровской. Умеръ 11 февраля.
№ 23. АЛШЕВСКІЙ Ник., подхор. стан. Гундоровской. Умеръ 9-го февраля.
№ 24. ТОЛСТИНЕВЪ Ник. Стан. Усть-Бѣлокалитвенской. Умеръ 15 февраля.
№ 25. МИТРОПОЛЬСКІЙ Георгій Георгіевичъ, военный врачъ. Умеръ 16 марта.
№ 26. ЕЖОВЪ Феодоръ. Терскаго каз. войска, стан. Горчаковской. Умеръ 1-го марта.
№ 27. ГРЕБЕНИКОВЪ Иванъ, стан. Казанской. Подхор. Умеръ 13 марта.
№ 28. Хорунжій ШИРИКОВЪ Димитрій. Умеръ 10 марта 1921 г.
№ 29. КОРОЧКИНЪ Андрей, млад. ур. стан. Феодосѣевской. Умеръ 12 марта.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Въ періодъ тревожнаго настроенія на о. Лемносѣ, въ связи съ массовой записью въ Бразилію, во Францію и т. д., чему особенно усиленно способствовала французская комендатура нашего Донского Корпуса, многіе юнкера, слабые духомъ, рѣшили покинуть училище.

Я, какъ командиръ сотни юнкеровъ, рѣшилъ взять расписки у моихъ воспитанниковъ, — кто именно и куда хотѣлъ ѣхать.

Я думалъ, что эти письменные документы сдержатъ многихъ. И дѣйствительно, многіе юнкера, даже уже давшіе расписки, — раздумали и остались.

Къ сожалѣнію, только небольшая часть этихъ расписокъ сохранилась у меня.

Но все же я привожу ихъ здѣсь дословно, какъ документъ мятущейся души юнкера на о. Лемносѣ:

Командиру 3-ей сотни.

Желаю ѣхать въ Бразилію.

Юнкеръ *Харламовъ* Александръ.
(Уѣхалъ на «Ріонѣ» 17 апрѣля 1921 г.).

21 марта 1921 г.
о. Лемносъ.

Желаю ѣхать въ Бразилію.

Юнкеръ В. *Липатовъ*.
(Уѣхалъ на «Ріонѣ» 17 апрѣля 1921 г.).

Желаю ѣхать въ Бразилію.

Юнкеръ Николай *Афанасьевъ*.
(Остался въ училищѣ).

21 апрѣля 1921 г.

Желаю ѣхать въ Бразилію.

21 апрѣля 1921 г.

Юнкеръ *Лениковъ* Александръ.
(Уѣхалъ въ Константинополь).

Желаю ѣхать въ Бразилію.

Юнкеръ Х. *Нагумановъ*.
(Остался).

Желаю ѣхать въ Бразилію.

Юнкеръ *Котовъ* Никита.
(Остался).

Желаю ѣхать въ Бразилію.

Юнкеръ *Ларіоновъ*.
(Остался).

Желаю ѣхать въ Бразилію.

Юнкеръ Ст. *Котовъ*.
(Остался).

Желаю ѣхать въ Бразилію.

Юнкеръ *Мозговой* Андрей.
(Уѣхалъ на «Ріонѣ» 17 апрѣля 1921 г.).

Желаю ѣхать въ Бразилію.

Юнкеръ Александръ *Шевыревъ*.
(Уѣхалъ на «Ріонѣ»).

Желаю ѣхать въ Бразилію.

Мл. порт. юнкеръ *Стожковъ* Иванъ.
(Уѣхалъ на «Ріонѣ»).

Желаю ѣхать въ Бразилію.

Юнкеръ *Суринъ*.
(Уѣхалъ на «Ріонѣ»).

Желаю ѣхать въ Бразилію.

Юнкеръ *Гулановъ* Александръ.
(Уѣхалъ на «Ріонѣ»).

Желаю ѣхать во Францію.

Ст. порт. юнкеръ *Зубриловъ* Сергѣй.

Желаю ѣхать во Францію.

Юнкеръ *Василевичъ* Аркадій.

Желаю ѣхать во Францію.

Юнкеръ Иванъ *Самойловъ*.

22 апрѣля 1921 г.

Желаю ѣхать во Францію.

Юнкеръ *Морозовъ* М.

Желаю ѣхать во Францію.

Юнкеръ В. *Ананьевскій*.

Желаю ѣхать во Францію.

Юнкеръ *Пузановъ* Василій.

Желаю ѣхать во Владивостокъ.

Юнкеръ *Садименковъ* Василій.

Желаю ѣхать во Владивостокъ.

Юнкеръ *Палицынъ* Митрофанъ.

Желаю ѣхать во Владивостокъ.

Юнкеръ *Трудниковъ*.

Желаю ѣхать на Дальній Востокъ.

Ст. порт. юнкеръ *Ткаченко* Петръ.

Желаю ѣхать на о. Корсику.

Юнкеръ *Калмыковъ* Петръ.

Апрѣля 22 дня 1921.

Желаю ѣхать въ Бразилію.

Юнкеръ *Кармановъ*.
(Уѣхалъ на «Ріонѣ»).

Желаю ѣхать въ Бразилію.

Юнкеръ *Федорцевъ* Александръ.
(Остался).

Желаю ѣхать въ Бразилію.

Юнкеръ *Мищура*.
(Уѣхалъ на «Ріонѣ»).

Желаю ѣхать во Францію.

Юнк. Константинъ *Поповъ*.

Желаю ѣхать во Францію.

Юнк. Евгеній *Пирсъ*.

Желаю ѣхать во Францію.

Юнкеръ *Бодрухинъ* Александръ.

Желаю ѣхать во Францію.

Мл. порт. юнкеръ *Губкинъ* Аристархъ.

Желаю ѣхать во Францію.

Порт. юнкеръ *Поздняковъ*.

Желаю ѣхать во Францію.

Юнкеръ С. *Васильченко*.

Желаю ѣхать во Францію.

Юнкеръ *Поспѣевъ*.

Желаю ѣхать во Францію.

Юнкеръ *Кундрюковъ*.

Желаю ѣхать на Корсику.

Юнкеръ *Сидоровъ В.*

Командиру 3-ей сотни.

Простите за тайное исчезновеніе. Не поминайте лихомъ.

21/3. V. 21 г.

Юнкеръ А. *Егоровъ*.

Письмо юнкеровъ 3-ей сотни, перешедшихъ на «бѣженское положеніе», дабы уѣхать съ о. Лемноса на материкъ.

Г-нъ Войсковой Старшина!

Мы ждали Васъ, но не дождались... Намъ хотѣлось бы попрощаться съ Вами.

Мы уходимъ изъ училища съ тяжелымъ чувствомъ, можетъ быть, даже съ «клеймомъ», уносимъ многое, о чемъ не мѣсто говорить здѣсь.

Но намъ хотѣлось бы уйти съ надеждой, что единственный, кто не осуждаетъ насъ за сдѣланный нами шагъ, это — Вы.

Сдѣланъ шагъ этотъ не по легкомыслію. Это утѣшаетъ и оправдываетъ насъ.

Думаемъ, что и Вы взгляпете на это нашими глазами.

Прощайте! Желаемъ всего наилучшаго въ жизни и въ будущемъ. Пусть наши дороги разошлись, это не помѣшаетъ намъ сохранить о Васъ лучшія воспоминанія въ этотъ періодъ непригядной для насъ жизни.

Отъ группы «бѣженцевъ»:

Гавріилъ Бондаревъ.
Григорій Карнѣевъ.
Викторъ Григоровичъ.
Константинъ Мантуховъ.

о. Лемносъ.
2 іюня 1921 г.

Imp. de Navarre; 5, rue des Gobelins, Paris (XIIIe)